

АЛЕКСАНДР
ВАРШАВЕР

ПОВЕСТЬ
О ЮНЫХ
ЧЕКИСТАХ

АЛЕКСАНДР
ВАРШАВЕР

ПОВЕСТЬ
О ЮНЫХ
ЧЕКИСТАХ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

Александр Варшавер хорошо известен читателям и кинозрителям. Его рассказ «Глоток воды» лег в основу сценария кинофильма «Тринадцать», завоевавшего широкую популярность в нашей стране. Повесть «Тачанка с юга» также хорошо знакома по одноименному фильму.

Александр Варшавер окончил военное училище, служил на южной границе. Во время Великой Отечественной войны Александр Эммануилович сражался на Ленинградском и Волховском фронтах в должностях начальника штаба и командира полка, был дважды ранен. Удостоен правительственных наград.

Герои произведений Александра Варшавера — люди мужественные: пограничники, разведчики, чекисты. В нелегкой, часто опасной работе им помогают подростки, которых чекисты любовно называли «юнгами ЧК». В повестях «Где гнездо Ворона?», «Следы затерялись в лесах», «Комсомольское поручение» подростки являются главными героями. Им же посвящает автор и свое новое произведение «Повесть о юных чекистах».

Рисунки Ю. Шабанова

4803010102—140
В—————261—82
М101(03)—82

© Издательство «Детская литература», 1982 г.

Часть первая

ГДЕ ГНЕЗДО ВОРОНА?

— Есть, товарищ комбриг! Удержу!

— Есть, есть! Никак не привыкну к вашему моряцкому «есть!». Вот когда выполнишь, говори есть, а то...

Сухощавый, высокого роста командир в кителе морского офицера со споротыми погонами и нарукавными нашивками в ответ только улыбнулся.

— У нас на флоте не бывает так, чтоб полученное задание не выполнялось. Потому мы и говорим есть!

— Верю, верю! Товарищ Горлов, а все же, чтоб было поспокойнее, дам тебе в прикрытии человек двадцать из охраны штаба.

— Спасибо, товарищ комбриг! Вот только снарядов маловато, по десятку штук на ствол...

Комбриг развел руками:

— Тут я тебе ничем помочь не могу. Нет снарядов. Перейдем в наступление — будет достаточно. Отобьем у беляков. У них неподалеку большие склады.

Командир батареи вздохнул.

— Ты не вздыхай, — заметил комбриг. — Наступление во многом зависит от твоей батареи. Задержишь казаков у переправы на несколько часов — подоспеют наши полки. Пропустишь к бродам — пиши пропало! Будут они гнать нас до самого Царицына^[1]. А ждать их надо к вечеру или к ночи.

Комбриг встал, прихрамывая обошел стол и протянул руку артиллеристу.

— Ну, пушкарь, ни пуха тебе, ни пера! — Он долго тряс руку командиру, потом обнял его и трижды поцеловал. — Иди! Если придется отходить, отходи перекатами. Два орудия отходят, третье стре... — он осекся и махнул рукой.

— Все ясно, товарищ комбриг! Батарея не подведет!

Трехпушечная батарея трехдюймовых орудий точно в назначенный срок заняла огневые позиции, неподалеку от места впадения Иловли в Дон. Под ее прицелом были два брода и дорога, ведущая с той стороны к переправам. Пушки окопали, замаскировали, лошадей увели в ближайший овраг. Командир батареи, сидя на станине одной из пушек, что-то записывал, изредка оглядывая в бинокль противоположный берег.

За дальними холмами садилось солнце, отбрасывая длинные тени на замершую степь. К командиру батареи подошел вразвалочку широкоплечий моряк с пышной русой бородой. В руках у него был пулемет «Шош»^[2], на поясе висели несколько ручных гранат и тяжелый морской кольт в черной кобуре. Опустив пулемет на землю, моряк представился:

— Начальник охраны штаба бригады Бардин, привел бойцов для прикрытия батареи. Где нам располагаться?

Командир батареи улыбнулся. Уж очень смешно прозвучало слово располагаться, будто шла речь об отдыхе на берегу реки.

— Здравствуйте, товарищ Бардин! А позицию займете в-о-он там впереди, шагов за сто от воды. Только прежде придется отрыть ячейки для стрельбы стоя, а впереди, как можно ближе к бродам, посадите двух наблюдателей с ракетницами. Вдруг беляки полезут ночью. Ракетницы есть?

— Нет, товарищ комбат.

— Возьмете у старшины батареи.

— Есть взять ракетницы и ракеты у старшины, отрыть ячейки для стрельбы стоя и выставить наблюдателей! — четко, по-морскому повторил распоряжение моряк. — Разрешите выполнять?

— Выполняйте! — комбат кивнул головой и продолжил свои записи.

Бардин взял пулемет и неторопливо направился к реке. Из-за холмов появилось человек двадцать бойцов, они выслушали его приказ и, рассыпавшись жидкой цепочкой, стали копать ячейки. До батареи донеслись покрякивания моряка:

— Не жалея, ребята, пота! Жалей свою голову! Рой глубже! Смотри, как зарылись пушкари! — Он стал прохаживаться вдоль будущих окопов, изредка покрякивая: — Глубже! Глубже! Землю бросай перед собой, а не по сторонам.

Когда солнце скрылось за холмами, Бардин пришел на батарею и доложил:

— Товарищ комбат! Ваше приказание выполнено.

— Окопались? — не отрываясь от бинокля, спросил Горлов.

— Заканчиваем! Двух человек с ракетницей посадим в ямы у самой воды. Будут сидеть до рассвета!

— Добро! — кивнул Горлов. — Люди накормлены?

— Пожевали немного...

— Всухомятку?

Бардин кивнул.

— Кто ж даст на двадцать человек кухню?

Артиллерист спрятал бинокль в футляр, встал.

— Скоро у нас будет готова каша. Пошлете своих бойцов! Посуда есть?

— Котелки, но не у всех...

— Ладно! Наши кашевары одолжат.

— Спасибо, товарищ комбат! — Бардин собрался уходить, но Горлов его остановил.

— Где служили?

— На Балтике! На минзаге^[3] «Сметливый», дальномерщиком.

— У старшего лейтенанта Бодянского?

— У него! Вечная ему память! А вы откуда его знаете?

— Учились вместе в гардемаринских классах^[4]. В один год кончили. Он ушел на минзаг, а я в крепостную артиллерию. Служил в Кронштадте, а потом на форту Ино.

— О-о! — воскликнул Бардин. — У меня на Ино было корешей — целый вагон. Все, кто остался живой, сейчас воюют по сухопутью...

— Вот и я, — улыбнулся артиллерист, — только и осталось флотского — китель да черная шинель...

Так состоялось короткое знакомство бывшего лейтенанта крепостной артиллерии Горлова Василия Сергеевича с бывшим дальномерщиком с минзага «Сметливый» Бардиным Кириллом Митрофановичем.

* * *

«Беляки» появились на рассвете. Над рекой стоял густой туман, укрывший реку и противоположный берег. Наблюдатели увидели казачий разъезд, когда он достиг середины брода. Взлетела ракета и тотчас захлопали винтовочные выстрелы из окопов прикрытия. Не отвечая, казаки повернули лошадей и скрылись в тумане. Когда солнце поднялось высоко и рассеялся туман, прилетел самолет с бело-синими красными кругами на крыльях. На большой высоте он покружил над батареей, окопами прикрытия и улетел. Не прошло и получаса, как из-за горизонта стала бить белогвардейская батарея. Тяжелые снаряды падали с недолетом, но довольно точно против батареи. Два снаряда разорвались позади, в овраге, уничтожив полевую кухню и два артиллерийских уноса^[5].

«В случае отхода одну пушку придется бросить», — подумал комбат, получив донесение о первых потерях.

На холмах противоположного берега замаячили всадники. Батарея молчала, умолкли и белогвардейские пушки. На дороге к бродам появился броневик, вокруг него и позади десятка три верховых.

— Первое орудие! По броневнику! Гранатой на удар! Огонь! — скомандовал Горлов. Пушка ударила. Было хорошо видно, как поскакали обратно казаки. Броневик развернулся и быстро покатил назад, а на дороге остались лежать три лошади и два человека.

— Второе орудие! По броневнику! Беглым! Огонь! — повторил команду Горлов.

Снаряд взрыл землю около броневика, еще две лошади забились на дороге. Броневик и конные скрылись за холмами. Батарея белых снова возобновила обстрел. Снаряды ложились все ближе и ближе. Осколками в расчете первой пушки были ранены двое. Один снаряд взорвался у второго орудия. Пушка перевернулась, от нее отлетело колесо. Весь расчет вышел из строя.

— Третье орудие на передки! Отходить на запасную позицию! — скомандовал Горлов.

Ездовые с уносами уже приближались к орудию, когда очередной снаряд разорвался около лошадей. Три были убиты. У четвертой перебиты ноги. Оба ездовых тяжело ранены.

— Вывозите на моих уносах! Живей, живей! — кричал Горлов. Еще один снаряд, разорвавшись на позиции батареи, разметал зарядный ящик подбитой пушки, осколки поранили двух человек у

первого орудия и самого Горлова, после чего белогвардейцы перенесли огонь в сторону окопов прикрытия. На позиции осталось одно орудие, раненый командир и неполный расчет: наводчик и заряжающий. На короткое время наступило затишье. Горлов кое-как перевязал раненую руку, оставшиеся снаряды положили у самой станины. К пушке подбежал Бардин и доложил:

— У меня пять раненых, трое убитых, но держаться будем! У вас, я вижу, хуже. Чем помочь?

Горлов махнул здоровой рукой:

— Спасибо. Ничем! Расстреляю снаряды и подорву пушку, а вы тогда отводите своих людей к запасной позиции третьего орудия. Командиру скажете, чтоб зря снаряды не расходовал! Бить лишь по видимой цели! Если пушку не удастся вывезти — подорвать! У меня все!

Бардин не уходил.

— Разрешите, товарищ Горлов, остаться с вами! Негоже бросать командира в беде одного...

— До беды, товарищ Бардин, еще далеко! Пушка цела, снарядов восемь штук... Спасибо вам! Идите к бойцам. Там ваша помощь нужнее! Еще раз спасибо!..

Бардин молча пожал руку артиллеристу, окинул взглядом пушку, укрывшихся за ее щитом артиллеристов, покачал головой и побежал к окопам.

Батарея белых продолжала огонь. Снаряды рвались у берега, вблизи орудия и позади, там, где находилось третье орудие. Но вот холмы зачернели от всадников, а по дороге к переправе снова запылил броневик. Горлов рукой отстранил наводчика.

— Будешь подавать снаряды! — а сам припал глазом к панораме. Броневик подходил к берегу, до него не более пятисот шагов, еще немного и можно будет стрелять... Рядом с пушкой разорвался снаряд, замертво упал наводчик, осколками в обе ноги ранило Горлова. Превозмогая нестерпимую боль, он остался у орудия, поправил наводку. Сейчас броневик был не далее трехсот шагов, в самом центре перекрестия. Горлов рванул шнур. Броневик подскочил, завалился набок и запылал. Со стороны окопов закричали «ура!» и открыли частую стрельбу по переправе. Но это не остановило казачью

лаву^[6]. С гиканьем они неслись к бродам. У орудия остались заряжающий и истекающий кровью командир батареи.

— Заряжай на картечь! — громко подал команду Горлов. — Беглым! Огонь!

Он успел сделать еще три выстрела. Картечь с расстояния трехсот шагов разметала казачью лаву. На берегу и в речном потоке падали лошади, люди. До орудия доносились истошные крики, казаки повернули обратно. С того берега стал стрелять пулемет. Пули часто застучали по орудийному щиту. Горлов еще раз натянул шнур, но выстрелить не успел. Пуля ударила его в грудь, и он упал около станины. Смертельно раненный, он смутно слышал дружные ружейные залпы, перестук нескольких пулеметов и мощное «ура!». Кто-то подымает его голову. Едва слышно он стал шептать: «Петроград... Гребецкая... Костик... Всегда только прямо... Не бояться... Сынуля... Картечью... Сынок... Кос...» — и умолк.

Совсем близко шел бой. Гремели выстрелы, неслись крики, но Бардин, стоявший на коленях около умирающего командира, казалось, ничего не слышал. Он вслушивался, стараясь не пропустить ни одного слова Горлова. Когда тот умолк, Бардин осторожно опустил его голову на пожухлую примятую траву, вынул из нагрудного кармана убитого документы, фотокарточку Горлова в кителе с офицерскими погонами, рядом с молодой женщиной, на коленях у нее мальчонка в матросском костюмчике.

«Семья», — подумал Бардин. Поднялся на ноги, снял бескозырку, тихо сказал: «Прощай, командир!» — и бросился вслед за переправляющимися красноармейцами.

Дорогой ценой заплатила батарея, но задание командования выполнила. Задержка казаков на несколько часов позволила наступающим полкам бригады своевременно выйти к Иловле и начать переправу на противоположный берег.

Было это на царицынском участке фронта осенью 1918 года, накануне первой годовщины Советской власти.

* * *

— Костю маленького не видели? — спрашивал, заглядывая в кабинеты, секретарь губернского ГПУ.

Кто-то из сотрудников видел его во дворе, а кто-то полчаса назад — на третьем этаже около архива. Здесь и нашел его секретарь. В закутке между двумя шкафами, стоявшими в конце полутемного коридора, на дряхлом кресле спал худенький светловолосый подросток, с виду лет тринадцати. Был он одет в красноармейскую форму, босой. Рядом с креслом стояли сапоги. Чекист постоял, жалеючи вздохнул и тихо позвал:

— Костя! Проснись, Чиж! К начальнику! — и слегка потряс его за плечо. Мальчик не открывая глаз потянулся и буркнул:

— Подремать не дадут! Я ведь всю ночь... — он открыл глаза, зевнул. — Зачем зовет?

— Зачем! Зачем! Откуда мне знать? Ян Вольдемарович сам тебе скажет, а мне приказано: найти Костю маленького и немедля в кабинет. Надевай сапоги, да поживее! — торопил он мальчика.

Поискам и вызову Кости предшествовал разговор в кабинете начальника ГПУ.

За большим письменным столом сидели начальник ГПУ Ян Вольдемарович, его заместитель — пожилой, похожий на учителя Попов, начальник ОББ — отдела борьбы с бандитизмом — широкоплечий бородач, «гроза бандитов» Бардин и гость, курчавый, пышноволосый военный, с веселыми озорными глазами — чекист из соседнего города.

Приезжий просил по-соседски оказать помощь в одном, как он сказал, «тонком», деле, требующем опытного человека, осторожного, смелого и находчивого.

— А разве у вас таких нет? — удивленно спросил начальник. — Что-то не верится. Я ваших орлов знаю!

— В том-то и дело, что есть взрослые орлы, — усмехнулся приезжий чекист, — нужен малолетний орленок.

Под видом беспризорника, бежавшего из детдома, он должен будет прибыть в их город, стать «своим» среди мелких воришек и завести знакомство с преступными людьми. Только таким образом возможно проникнуть в окружение опасного бандита по кличке Ворон, разведать, где его логово, и обезвредить. Трудность заключается еще и в том, что известно о нем очень мало. Высок ростом, густая черная

борода и усы. Носит кепку с большим козырьком, кожаные перчатки. Иногда бывает одет в штатский костюм, иногда во френч и галифе. Разыскать человека по таким приметам в городе с трехсоттысячным населением невозможно. Ворон очень осторожен, сам в преступлениях не участвует, а только руководит «работающими» на него малолетками.

Чекисты и работники уголовного розыска считали, что таких «работников» у Ворона не менее двух десятков. На счету этого «треста», как называли банду, были десятки ограблений, вооруженные налеты и несколько убийств. Дисциплина в банде суровая. Атаман отбирал награбленное себе и жестоко избивал в случае неповиновения или утайки ворованного. Задержанные малолетние преступники своего «наставника» не выдавали. Они заявляли, что не знают, кто он и где живет. Встречались с ним по ночам, каждый раз в новом месте, и всегда он закрывал лицо. При каждой встрече предупреждал: «Смотрите, что про меня пикнете — смерть! За семью замками найду!».

— Проникнуть в общество беспризорных, да еще стать там «своим» взрослому, если он не из уголовного мира... — тут приезжий чекист безнадежно махнул рукой, — легче влезть в бутылку.

По его словам, подходящий сотрудник у них был, но паренька хорошо знали в городе и появиться беспризорником он не мог.

— Вот если бы вы, — приезжий посмотрел на начальника ГПУ, — смогли направить к нам временно своего хлопца, того, что в прошлом году отличился... Может быть, и удалось зацепиться за какое-нибудь перышко Ворона. Большую бы нам помощь оказали! Помогите, товарищи! Вся надежда на вас!

Некоторое время в кабинете стояла тишина, потом начальник сказал:

— Что ж, помочь можно, — и, посмотрев на «грозу бандитов» Бардина, спросил: — Как ты на это смотришь, Кирилл?

Бардин поджал губы и неодобрительно покачал головой:

— Вы, Ян Вольдемарович, имеете в виду Костю маленького?

— А кого же еще? Не тебя же послать на такое дело? — пошутил начальник.

— Косте надо бы немного отдохнуть, совсем замотался парень, — недовольно заметил Бардин. — Зима, сами знаете, была напряженной,

а тут опять в пекло. Да и забываем мы, что Косте только осенью исполнится шестнадцать лет.

— Дело рискованное... Приказать Косте не прикажешь, несовершеннолетний, — вступил в разговор заместитель председателя.

— Что говорить, — заметил приезжий, — дело, конечно, опасное, но мы постараемся вашего парня обезопасить, прикрыть...

Бардин усмехнулся, пожал плечами:

— Прикрыть, обезопасить! Не такой Костя парень, что даст себя опекать.

— И то верно, — согласился начальник и распорядился найти Костю маленького.

* * *

«Костя маленький» работал уже два года, выполняя серьезные, порой опасные задания наравне со взрослыми чекистами. А попал он на работу в ЧК так.

Зимним днем в двадцатом году Бардин привел в кабинет председателя ЧК замороженного подростка, выглядевшего по росту не старше десяти-одиннадцати лет, одетого в серую гимназическую шинель с прожженной полрой и большие, разношенные валенки. Он растерянно топтался на месте, пытался улыбнуться и от смущения вертел в руках облезлую меховую шапку.

— Ян Вольдемарович, — обратился Бардин к предчека, — это мой земляк Костя Горлов, о котором я тебе говорил. Парень грамотный, только вот... ростом чуть не вышел.

Предчека через стол протянул руку Косте.

— Садись, Горлов, потолкуем!

Он задал Косте несколько вопросов, потом посмотрел на Бардина и чуть заметно кивнул головой на дверь. Кирилл Митрофанович попросил Костю выйти в коридор и подождать.

Когда за ним закрылась дверь, предчека недовольно заговорил:

— Смотрю на тебя, Кира, и дивлюсь. Вроде мужик умный, а предлагаешь... Как можно к нам на работу взять ребенка, да еще в твой отдел?

— А что, Ян Вольдемарович? Не вся же работа у нас на перестрелках с бандитами держится! А сколько писанины?

Чекисты долго разговаривали. Из-за двери до Кости доносились громкие, спорящие голоса, но слов было не разобрать. Наконец из кабинета предчека вышел Бардин и, отдуваясь, сказал:

— Охо-хо! Даже борода вспотела! Все уладилось, палка-махалка! Будешь, Костя, продолжать занятия в школе и понемногу втягиваться в работу нашего отдела. Пока, конечно, не в штате, ты же малолеток. Я и так приврал, сказал, что тебе пошел шестнадцатый. Будешь получать, как все, паек, обмундирование, а жить по-прежнему со мной... Добро?

Так Костя, прозванный маленьким, в отличие от Кости большого — коменданта ЧК и Кости толстого — начфина, стал работать в отделе по борьбе с бандитизмом. Еще звали его Чиж за маленький рост, веселый нрав и за то, что Костя всегда что-то насвистывал.

Познакомился с ним Бардин в Доме Советов, где на первом этаже жили несколько человек чекистов, а на третьем, в комнатке-мансарде, поселили Костю с матерью. Она была аптекарем санитарного поезда, прибывшего месяц назад из Петрограда и здесь расформированного. Мать стала работать в местной больнице, а Костя поступил в пятый класс трудовой школы.

Когда Бардин услышал знакомую фамилию и узнал, что Костин отец убит в боях с белогвардейцами, поначалу подумал, что это совпадение, и решил при случае проверить. Встретив Костю на улице, он поздоровался и, назвав его земляком, спросил: где Горловы жили в Петрограде?

— На Гребецкой улице, — ответил мальчик.

— А кем был твой отец? — продолжал расспрашивать Бардин.

— Мой папа был артиллерист, командир батареи, — с гордостью сказал Костя и, опустив голову, тихо добавил: — Он погиб в восемнадцатом году, где-то на Волге...

У Бардина не было никаких сомнений, перед ним стоял сын героя-артиллериста. Он сдержал волнение и только, крепко пожав руку мальчику, сказал:

— Настоящий человек был твой отец! — решив, что сейчас не время рассказывать Косте о подвиге его отца.

Их встречи стали частыми. Бардин не был в Петрограде с 1917 года и очень интересовался «новостями», а Костя, как и все петроградские мальчишки, хорошо знал о городских событиях последних лет.

Он с увлечением рассказывал, как линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» летом 1919 года огнем своих пушек подавили мятежные форты «Серая Лошадь» и «Красная Горка», а линкор «Севастополь» и несколько миноносцев, стоявшие в торговом порту и на Неве у села Рыбацкого, били по войскам Юденича и, что больше всего интересовало балтийца, какие «коробки» прикрывали подступы к невским мостам. Обычно они встречались и беседовали по вечерам, когда Бардин бывал дома. Костя приходил в его комнату, они вместе топили дымившую «буржуйку»^[7] и варили на ней в солдатском котелке густую перловую кашу, носившую название «шрапнель».

Бардин называл такие вечера «посиделками».

Во время разговора Бардин часто говорил «палка-махалка». Он пользовался этим выражением в самых различных случаях, и как обращение, и как одобрение. Вот и сейчас, когда Кирилл Митрофанович обратился к Косте: «А знаешь, палка-махалка...» — Костя не дал ему договорить и задал вопрос:

— Что это такое палка-махалка?

— Палка-махалка? — переспросил Бардин. — Палка-махалка — это вешка на якорю. Ставят такую палку с тряпкой на верхнем конце для обозначения глубоких мест. Стоит вешка, волной и ветром покачивается. Случись вода спадет, она ложится. Когда-то моей заботой было следить, чтоб палки-махалки не лежали на воде. Подплывешь на тузике^[8], укоротишь якорную веревку, и палка-махалка опять судам кланяется, верный путь указывает. Охо-хо! Давно это было, я поменьше тебя был...

И Кирилл Митрофанович рассказал Косте о своем детстве и юности.

Родился он в казачьей станице. Его родители были «иногородние», так называли казаки приезжих и ремесленников, проживавших в станицах. Мать он не помнил, она умерла, когда ему было четыре года. Учился Кирилл Митрофанович в станичной казачьей школе, куда «иногородних» не принимали. Попал туда в виде исключения. Его отец был механик, мастер на все руки, мог починить

и жатку, и ружье, и швейную машину, а в случае чего и остановившиеся часы. Вот такие часы, да еще подарок самого царя, станичному атаману починил отец, и за это, как знак большой милости, приняли Бардина-младшего в школу.

Когда он заканчивал четвертый класс, отца насмерть забодал сорвавшийся с привязи бык. «Добрые люди» продали нехитрое имущество отца за двадцать три рубля. Две золотые десятки зашили мальчику в пояс штанов, а три рубля мелочью дали на руки и спровадили его из станицы на все четыре стороны искать счастья. Он направился к Азовскому морю. Хозяин рыбных промыслов «сжалился» над сиротой и взял на работу «за харч и ночлег»! А об оплате сказал: «Еще посмотрю, какой ты есть работник!»

— Дали мне тузик, два весла, показали, как действовать, чтоб палки-махалки всегда стояли прямо! — Кирилл Митрофанович усмехнулся. — С того и началась моя морская служба. Стал я трудиться на «благодетеля» без денег и без имени. Звали меня купчина и его приказчики: «Эй, палка-махалка!» И так привязалась, прилипла ко мне эта «палка-махалка», что уж я на свое имя не отзывался и так стал окликать других.

Отработал я на хозяина год, оборвался за это время, а когда обратился к нему за деньгами, он удивился и спросил: «Какие еще тебе деньги? А то, что ты наел, напил за год, разве не стоит денег? Уж и так я по доброте своей с тебя не требую! А коль у меня служить не нравится, то вот бог, а вот и порог!».

Тогда на своей шкуре я впервые испытал, что такое кулак-мироед. И стала у меня с тех пор к ним лютая ненависть. Что оставалось делать? Забрал я у хозяина свой школьный документ, попрощался с рыбаками и ушел. В укромном месте выпорол зашитые монеты, купил костюм, сапоги, добрался до Перекопа, а оттуда на оставшиеся деньги пароходом по Черному морю в Одессу. Устроился на грузовой пароход. Ходил он во французские порты. Такой был самотоп, что, бывало, как придем в Гавр, стоим чинимся месяц-другой. А мне на пользу, научился говорить и читать по-французски. Два года я прослужил юнгой и еще четыре матросом. Когда мне исполнилось двадцать лет, призвали на военную службу и как опытного матроса отправили служить в Кронштадт. Вскоре началась война, а за ней революция. Сошел я на берег с минного заградителя и с тех пор все воюю с разной

нечистью. Поначалу работал в Петроградском Чека, был порученцем у Феликса Эдмундовича, потом в Московском — занимался разгромом всяких притонов и подпольных игорных домов. Прошлой весной с делегатами Десятого партсъезда ездил на ликвидацию Кронштадтского контрреволюционного мятежа. Возвратился в Москву, и вскоре меня с группой товарищей Феликс Эдмундович командировал на Украину для ликвидации бандитизма, — закончил свою биографию Кирилл Митрофанович.

О том, что за участие в ликвидации мятежа он получил орден Красного Знамени, Бардин умолчал. Но в Управлении об этом все знали, хоть он никогда не носил орден. Знали и подробности. За день до решающего штурма мятежной крепости он с тремя чекистами-комсомольцами пробрался в Кронштадт. Когда на следующую ночь прозвучали сигналы атаки, чекисты с тыла забросали гранатами два пулеметных каземата, мешавших своим огнем наступающей по льду пехоте.

— Ну вот, палка-махалка, теперь ты все обо мне знаешь, а последнее время я у тебя на виду. Давай доедай кашу и ступай спать!

Через несколько дней, на очередных «посиделках», Бардин неожиданно для Кости сказал:

— Знаешь, Костик, я ведь знал твоего отца... Был при его подвиге и гибели... — И он подробно рассказал мальчику о последнем, героическом бое его отца.

Мальчик нахмурился, крепко сжал губы. Долго молчал, а потом сказал дрогнувшим голосом:

— Папа по-другому не мог. Его отец, мой дедушка, командовал миноносцем и во время Цусимского боя не ушел с мостика, не спустил флаг, утонул вместе со своим кораблем... — И убежденно, повзрослому добавил: — Я буду таким же, когда вырасту!

— Пойдешь на флот?

— Не знаю, Кирилл Митрофанович. Я еще не решил. Все равно, где бы я ни был... Спасибо вам, Кирилл Митрофанович, что вы рассказали мне про папу! — он протянул руку Бардину и, наверно чтоб скрыть слезы, вышел из комнаты.

Зимой Костя с матерью заболели сыпным тифом. Мать умерла, а Костя выздоровел. Бардин привез его из больницы в свою комнату и окружил братской заботой. Когда через несколько недель Костя окреп

и стал ходить в школу, Бардин решил устроить его на работу, считая, что так мальчик будет меньше чувствовать свое сиротство.

До конца учебного года Костя аккуратно посещал школу, а в ЧК работал по вечерам не более двух-трех часов в день; поначалу он выполнял разные мелкие поручения Бардина и сотрудников, потом ему доверили дежурство у телефона и ведение несложных канцелярских дел. Мальчик был разбитной, смекалистый, правдивый. Постепенно ему стали поручать более серьезные задания. Здесь он проявил незаурядную находчивость и храбрость. Это особенно ценили чекисты. С тех пор прошло немногим более двух лет, и сейчас на его счету было несколько серьезных операций. Об одной из них, проведенной совместно с Бардиным в прошлом году, хорошо знали чекисты в соседних городах. Поэтому не было ничего удивительного в просьбе приезжего.

* * *

— Вызывали, товарищ начальник? — спросил Костя, открывая дверь.

— Вызывал, товарищ Горлов, — назвал его по фамилии начальник, тем самым подчеркивая серьезность вызова. — Садись!

Костя присел у стола.

— Хотим тебя, товарищ Горлов, командировать в помощь нашим соседям. Вот...

— Когда и куда ехать? — вскочил Костя.

— Сиди, сиди! Чего заволновался! Ты сначала послушай. — Лембер посмотрел на приезжего и подмигнул ему. Мол, видал какой? И, обращаясь к Косте, сказал: — Командировка не к тетке в гости на вареники с вишнями, а на серьезное, опасное дело. Может, тебе оно и не глянется?

— Я, товарищ начальник ГПУ, — обиженно сказал мальчик, — еще никогда не отказывался ни от какой операции или поручения и не говорил, нравится или не нравится!

Чекисты заулыбались, а Бардин кивнул головой:

— Правильно, Костя! Не было еще такого случая!

— Ну, ну, обиделись! — успокоил их начальник. — Вот познакомься с товарищем Найдичем, а зовут его...

— Лазарь Афанасьевич, — подсказал приезжий, — для друзей просто Лазарь, а то еще Рыжий Лазарь.

— Какой же ты рыжий? — удивился Бардин. — Чуб, как у цыгана...

— Усы, товарищ Бардин, растут у меня рыжие, вот ребята и прозвали... — Он встал, подошел к Косте и протянул руку. — Давай знакомиться, Горлов, не будем терять времени. Нам бы где-нибудь уединиться, побеседовать, а потом сразу за подготовку.

— За этим остановки не будет, — сказал Бардин и предложил: — Пойдемте к нам в отдел. Там сейчас свободна комната товарища Фоменко, он приедет дня через три. Если будут какие вопросы, стукните мне в стенку.

Найдич поблагодарил начальника за помощь.

— Думаю, дело у нас пойдет! — сказал он и вышел с Костей из кабинета.

* * *

Лазарь Найдич вместе с Бардиным стали готовить Костю в «беспризорники». Найдич подробно рассказал Косте то небольшое, что было известно чекистам о Вороне.

— Судя по всему, — считал Найдич, — он из «бывших». Может, белогвардейский офицер, а может быть, из буржуйских сынков. Одевается чисто, ходит в перчатках и всегда надушен. Один шкет рассказывал, когда беспризорники ограбили на рынке какую-то старую барыню и принесли добычу, Ворон ни на что не обратил внимания, а схватил флакон с духами. Тому, кто принес духи, он оставил большую долю награбленного да еще добавил два серебряных полтинника^[9].

Еще было известно, что Ворон носит бамбуковую тросточку со свинцовой начинкой. Ею он наказывает за любую провинность, а случалось, что ударом по голове убивал непокорного на глазах остальных членов «треста».

— Я тебя, Костя, не запугиваю, — говорил Найдич, — а предупреждаю. С Вороном шутки плохи. Если тебе удастся свести с ним знакомство, то ерепениться — хочу не хочу или не нравится, — об этом забудь! Такие номера с ним не пройдут! Возьмет свою палку и даст по голове...

— Авось обойдется без палки! — ответил Костя. — Я человек дисциплинированный. Прикажут, выполню! За что же меня бить? Да еще по голове.

* * *

Чекисты составили для Кости несколько «легенд»^[10], но в конце концов остановились на том, что лучше всего ничего не менять в его настоящей биографии, а только добавить, что после смерти родителей в Петрограде он попал в один из детских домов, откуда прошлой осенью бежал и добрался до Харькова. Здесь он заболел тифом, а когда выздоровел и стал «добывать» пропитание, его забрала милиция, но он снова бежал, на этот раз из железнодорожного детского приемника. Его болезнь и лечение в больнице подтверждались изготовленной чекистами засаленной справкой на имя 14-летнего Константина Носова.

— Был ты Костя Горлов — теперь будешь Носов. Органы соседние, не перепутаешь! — пошутил Найдич.

Он привез очень подробный план своего города и заставил Костю тщательно его изучить. На этом плане были нанесены разведанные угрозиском воровские притоны, места, где скупали краденое и где ютились беспризорники. Там же были отмечены проходные дворы, и Костя «практиковался» в выборе маршрута на случай, если за ним будет погоня. Найдич указал ему способы и места, куда нужно доставлять донесения, обычные и срочные. На всю эту «науку» Костя потратил неделю, после чего его проэкзаменовали Бардин, Найдич и второй чекист, приехавший в помощь Найдичу. Оставалось только подобрать соответствующий костюм, чтоб привести Костю в «беспризорный» вид, и подумать, как доставить его на место. Обычно беспризорники путешествовали на крышах поездов, на буферах, а то и на подножках вагонов. Такое прибытие было бы наиболее

правдоподобно, но способ опасен. Десятки беспризорников нашли свою смерть или получили тяжелые увечья под колесами вагонов. Против такой поездки категорически возражал Бардин.

— Опыта у парня нет. Замерзнет на ветру и сорвется. Или какой-нибудь проводник сбросит на ходу. Не будем же мы предупреждать: мол, на твоей крыше или в тамбуре, товарищ проводник, едет чекист на задание.

Найдич согласился и предложил другой план. Чекисты вместе с Костей обсудили несколько способов доставки его на вокзал и наконец остановились на одном, казавшемся наиболее удобным и скрытным.

* * *

Задолго до общей посадки, к мягкому вагону, прицепленному в хвосте состава, подошли Бардин, Найдич и второй приезжий чекист. Они несли большой, видимо, тяжелый брезентовый тюк и осторожно положили его на перрон около двери мягкого вагона. Бардин вошел в вагон. Через несколько минут проводник открыл задний тамбур и Найдич со своим помощником подняли тюк, внесли в последнее купе и тотчас закрыли дверь.

— Как ты там, беспризорник? Жив, не задохнулся? — спросил Бардин, присев на корточки около тюка.

— Душновато... — глухо донесся Костин голос.

— Так тебе и надо! Сам придумал упаковку, вот и терпи! — шутил Бардин, развязывая веревку.

Из тюка выкарабкался Костя. Он был неузнаваем. Голова подстрижена кое-как, местами торчат не захваченные машинкой волосы. Лицо и руки вымазаны сажей. На нем был надет рваный долгополый пиджак с подвернутыми до локтей рукавами и вместо пуговиц застегнутый до горла английскими булавками. На ногах брюки некогда серого цвета в масляных пятнах с синими заплатами на коленях, сильно обтрепанные снизу, покрывали бахромой ботинки, зашнурованные телефонным кабелем.

— Хорош! — сказал Бардин, оглядев Костю со всех сторон. — А головной убор где?

Костя вынул из кармана пиджака замызганный картузик с оборванным козырьком, аккуратно водрузил его на голову и, подбоченившись, стал высвистывать «Яблочко».

Бардин укоризненно покачал головой.

— Одно слово — чиж? Что с птицы взять. Давай, брат, прощаться! — Он обнял Костю. — Целоваться не буду, испачкаюсь. Да ты и не любишь.

В коридоре он сказал провожавшему его Найдичу:

— Береги парня, как своего сына!

* * *

За час до прибытия на место Найдич вывел Костю в тамбур и позвал заспанного проводника. Тот удивленно поахал, как мог беспризорник попасть в запертый тамбур, и предложил:

— Выкинуть надо эту шпану из вагона!

Найдич запретил ему даже думать об этом.

— Ничего ему не будет, поезд идет медленно. Умел вскочить на ходу, пусть и соскакивает! — ворчал проводник.

По прибытии поезда чекисты повели хныкающего Костю в детский приемник. На перроне Костя сел на землю и заревел во весь голос, привлекая к себе внимание неизвестно откуда появившихся нескольких беспризорников.

— Не пойду! Убейте — не пойду! — верещал Костя. — Дядечки граждане! Товарищи, отпустите! У меня на следующей станции тетя и дядя! Милые, голубчики, пустите! Век буду за вас бога молить!

Чекисты взяли его с двух сторон под руки и внесли в детский приемник. Здесь его вымыли, выдали чистое белье и вернули после дезинфекции одежду, сильно пропахнувшую карболкой. До конца дня он побыл один в отдельной комнате. Вечером пришел Найдич. Он сморщил нос и несколько раз вдохнул воздух.

— Перестарались дезинфекторы. Надушили твои туалеты. Теперь тебя по запаху беспризорники сразу признают своим, — пошутил он. — А теперь поговорим о деле. Работать начнешь завтра утром. Выйдешь на базар, потолкаешься среди покупателей. Замечай,

где крутятся беспризорники. Постарайся не попадаться на глаза милиционерам.

Затем Найдич указал приметы «жертв», которые будут дежурить на базаре в ближайшие два-три дня. Костя не стал спрашивать, кто они такие. Он хорошо знал, что для проведения различных операций привлекаются самые неожиданные люди, зачастую даже не знающие, какую они играют роль.

— Оглядишься, — продолжал Найдич, — увидишь пожилую женщину. На ней будет надета соломенная шляпа с яркими цветами из материи. Ты смело подойдешь, возьмешь из корзины кошелек и, не торопясь, отходи. Постарайся взять кошелек так, чтоб увидел кто-нибудь из беспризорных. Это еще не все, — продолжал советовать Найдич. — Наряду со своей смелостью проявляй товарищество. Добыл деньги — угощай ребят! И не куском хлеба, а веди в столовую, корми сытным обедом. Корми на все деньги. Завтра утром убежишь. — Найдич показал, где будет открыто окно. — Ну, прощай!

После его ухода в комнату поселили еще одного подростка лет четырнадцати. Познакомились быстро. Парня звали Петька Сапог. Беспризорничал он уже более двух лет, бегал из детдомов в нескольких городах.

— И отсель убегу! — уверенно заявил он. — Зря ты так убивался, когда тебя взяли, — укорял он Костю.

— А ты откуда знаешь, что я убивался?

— Откуда? Видел утром, как тебя сняли с поезда, а ты выл на всю станцию.

Костя сказал, что тоже собирается бежать, и показал Петьке окно, через которое, наверно, можно будет уйти.

Рано утром они бежали и прямиком отправились на базар. Потолкавшись около часа, Костя увидел женщину в шляпе, украшенной цветами. Она переходила от ларька к ларьку, приценивалась, но ничего не покупала. В корзинке у нее лежал пучок лука, а поверх него большой кошелек. Костя подошел к ней вплотную, оглянулся по сторонам. Издали на него смотрел Петька Сапог.

— Бери скорей! — зашипела женщина.

Он спокойно взял кошелек, отправил его за борт пиджака и отошел, затерявшись в толпе. Через несколько шагов он увидел Петьку

в обществе еще трех ребят и пригласил их закусить. Они купили белый каравай, колбасу, крутые яйца и молоко, а на оставшиеся деньги пачку папирос. После плотной закуски ребята решили отдохнуть там, где, по их словам, никто братву не трогает!

В огромном парке на одной из боковых аллей, скрытой густыми кустами, они застали еще нескольких оборванцев, благосклонно принявших от Кости угощение папиросами. Петька рассказал об удачливости «новенького», и ребята пожалели, что их не было поблизости.

Вечером новые знакомые привели Костю на ночлег. Это был уцелевший подвал обгоревшего двухэтажного дома. В подвале было тепло и сухо, на полу лежала солома, какие-то тряпки, кошмы. В одном из углов вокруг огарка свечи несколько беспризорников постарше азартно играли в карты. Оттуда неслась ругань, а изредка происходила потасовка, после чего игра продолжалась. Все улеглись на полу, тесно прижавшись друг к другу, как говорили ребята, «для сугрева».

И потянулись для Кости однообразные дни. Утром базар. Очередная «удача». Изредка перепадали и тумачи, случались и погони. Два раза его задерживали милиционеры, приводили в приемник. Вскоре приходил Найдич, давал советы, указывал приметы новой «жертвы». Костю мыли, меняли белье. Он отсыпался в спокойной обстановке, а через день-другой убегал. Среди жителей подвала Костя прослыл героем. Благодарные за щедрые угощения, жильцы подвала стали оказывать ему внимание: уступали лучшие места для ночлега, прикрывали во время дневной «работы» на базаре. Доверительно рассказывали о различных воровских делах. Но все его осторожные попытки узнать что-либо о Вороне, найти какую-нибудь ниточку кончались неудачей. Ребята молчали, хотя он знал, что некоторые из них работают «на хозяина».

В один из вечеров в нему подошел изредка ночевавший в подвале парень по кличке Гришка Рожа, прозванный так за лицо, густо покрытое оспинами. Он отозвал Костю в сторону и таинственно зашептал:

— Тебя хочет видеть один человек.

— Кто? — спросил Костя, почти наверняка зная, кто им интересуется.

Посланец сердито буркнул:

— Будешь много знать — скоро состаришься, а тогда и до смерти недалеко! Пойдем! — На улице он предупредил: — Ты того человека ни о чем не спрашивай. Отвечай — да или нет! Что прикажет — исполняй, а то...

Что может случиться, Костя уже знал. Они долго шли, сворачивали в какие-то улочки, перелезали через заборы и наконец очутились в саду, перед беседкой, густо заросшей зеленью.

— Стой здесь! Жди! — приказал провожатый и скрылся между деревьями. Через короткое время на садовой дорожке, подсвечивая себе под ноги фонариком, появился мужчина высокого роста. Он подошел ближе, махнул лучом света на дверь беседки и невнятно буркнул: «Заходи!».

Костя перешагнул порог. Вслед за ним, грубо оттолкнув его в глубь беседки, шагнул незнакомец. На Костю повеяло табаком, водочным перегаром и остро пахнувшими духами.

«По двум приметам, высокий рост и духи, — подумал Костя, — похоже, что это Ворон».

Незнакомец скользнул лучом по углам и грузно сел на какой-то ящик, затрепавший под его тяжестью.

— Ну? — грозно спросил он и, ожидая ответ, направил свет Косте в лицо. Потом еще более грозно повторил вопрос: — Ну! Кто такой? — Костя продолжал молчать. — Ты что, немой? — проревел хозяин беседки и выругался резким, похожим на воронье карканье голосом.

— Константин Носов, четырнадцать лет...

— На черта мне сдались твои годы и фамилия, — зло оборвал его незнакомец и погасил фонарик.

Косте стало страшно. Он сжался и приготовился бежать из беседки, когда на него посыпались вопросы вперемешку с руганью.

— Кто ты такой? Чем дышишь? Откуда появился?..

— Сейчас... Сейчас я урка^[11], — дрожа и заикаясь, тихо произнес Костя. — А раньше я был...

— Гм! Урка! — оборвал его неизвестный. — Какой ты урка? Ты рваная сямка^[12]. Вот ты кто! А кем был раньше?

— Раньше я был гимназистом...

— Гимназист, — повторил незнакомец, — скажи пожалуйста! Сямка со знанием латыни. Где же ты приобщался к классическому образованию?

— Учился во второй императора Александра Первого гимназии в городе Петрограде, — четко ответил Костя.

— В Петрограде? Во второй гимназии? — удивленно восклицал незнакомец, а потом стал задавать вопросы: на какой улице была гимназия, кто был директор, как звали «француза», чем занимался швейцар? Костя отвечал, а его собеседник приговаривал:

— Так, так! — В его произношении эти слова звучали: «Крак, крак!». Косте стало смешно, он приободрился и с легкостью ответил на вопрос: какое прозвище было у француза?

— Шарля Морисовича еще звали «Королевский язык», — улыбаясь, сказал он, — потому что все уроки начинал с заявления: «Дети, на французском языке говорят все коронованные особы!».

Незнакомец хмыкнул, помолчал.

— Да, было такое, — и уже спокойно, даже доброжелательно стал спрашивать: кто родители, где жили в Петрограде, давно ли беспризорничает? — Костя отвечал не сбиваясь.

— Вот совпадение! Земляк! И я учился во второй. — Он вздохнул. — Потом война, революция... Все для меня полетело к черту. И папины дома, и автомобиль... Эх! Лучше бы меня нашла красноармейская пуля на фронте...

«Найдет, не беспокойся!» — подумал Костя и вдруг услышал неожиданный вопрос:

— Знаешь, кто я? — Он включил фонарик и направил свет Косте в лицо.

— Откуда я могу вас знать? В городе я недавно, вас не встречал, а парень, что меня привел, сказал, «хочет видеть тебя один человек»...

— Так, так! — закаркал «земляк», погасил фонарик, щелкнул портсигаром, чиркнул спичку и закурил. На миг Костя увидел густую черную бороду и левую руку с обрубком мизинца.

«Еще одна примета», — успел подумать Костя.

— Ну, хватит о гимназии. Что было, то не вернется...

Незнакомец вздохнул, зажег фонарик и осветил Костю.

— Давай знакомиться. Я — Ворон. Меня не обманешь, ничего не утаишь! Ворон, как тебе известно, птица мудрая! — гордо объяснил бандит, будто он и впрямь был вороном.

— Очень приятно познакомиться, — вежливо ответил Костя и даже шаркнул ногой.

— Ты, гимназист, эти питерские штучки брось и позабудь! — зарычал Ворон, — а заодно пре-кра-ти шикавать! Подумаешь, богач! Зачем угощаешь шпану? Пришла тебе удача, принеси старшему. Отдай, а он тебя не забудет. Будешь сыт, пьян и нос в табаке! А то он, видишь ли, щед-рый, а ребятам только того и нужно. Перестали работать. — И внезапно закричал — Всю мою команду испортил! Чтоб этого больше не было! Что добудешь, принесешь мне!

— Ясно, господин... господин...

— Ворон! Ворон! Я для вас, сявок, только Ворон! Хозяин и судья! Мотай отсюда и помни: если что утаишь или наболтаешь чего не следует — изувечу, а то и прикончу! — Он сопровождал угрозу руганью.

— А где... где я вас найду? — заикаясь, робко спросил Костя.

— Не ищи. Все сдавай Роже! — И еще раз пригрозил: — Смотри у меня! Чуток сплутуешь — убью! Иди! — И, выходя за Костей из беседки, заорал — Гришка! Рожа! Отведешь этого сявку на хазу^[13], и чтоб был молчок о свиданке.

Едва дождавшись утра, Костя отнес и положил в условленном месте спичечный коробок с двумя окурками. Это обозначало «нужно срочно увидеться».

Часа через полтора он и несколько беспризорных были задержаны на базаре и приведены в милицию. Сюда, как и всегда, явился Найдич. Один за другим к столу подходили ребята. Найдич задавал несколько вопросов, делал запись в лежавшей перед ним книге. Последним подошел Костя.

— Что с тобой делать, Носов? — спросил Найдич, просматривая какие-то бумаги. — Три побега. Чем ты живешь? Воруешь?

— Зачем это мне, гражданин комиссар? Я всегда могу заработать. — И под смешки беспризорников он стал насвистывать «Яблочко» и пританцовывать.

— Ну, ну! Ты это брось, Носов! — сердито бросил Найдич.

— Могу и бросить, гражданин комиссар! — с вызовом сказал Костя. — Я человек послушный. Сказал раз, и все...

— Эх! Носов, Носов! — вздохнул Найдич. — Видно, придется с тобой разговаривать в другом месте! — И распорядился отправить Носова в изолятор, а остальных ребят в детский дом.

— Как же, Лазарь Афанасьевич, не Ворон? — с жаром доказывал Костя пришедшему вечером в изолятор Найдичу. — Не мои догадки. Сам назвался...

— Мог и наврать, — охладил его пыл Найдич. — Цену себе набивал, я, мол, Ворон, а не какой-нибудь безвестный вор.

— Нет, Лазарь Афанасьевич, — горячился Костя. — Три приметы сходятся. Первая, — он стал загибать пальцы, — высокий рост, вторая — черная борода, третья — надушен, за версту пахнет...

— А лицо? — перебил его Найдич. — Лицо какое?

— Рожу его я не разглядел, темно и кепка была у него натянута до носа... — Костя замолчал, а про себя подумал: «Наверно, что-то упустил?».

— Высокий рост, духи... — Найдич усмехнулся. — Все эти приметы не первого сорта. По ним человека не узнаешь, а борода... Бороду можно приклеить любую...

— Есть, есть еще одна примета! — закричал Костя. — Чуть не забыл! На левой руке у него нет мизинца...

— Вот это уже примета, — обрадовался Найдич. — За такой палец уже можно ухватиться.

— Так пальца же нет! — с удивлением воскликнул Костя и рассмеялся.

— Ничего, ничего! — серьезно ответил Найдич. — Ухватим! Беспалая рука понадежнее бороды!

Найдич прошелся по комнате, что-то обдумывая, а Костя с волнением ждал, что он скажет.

— Ну что ж, — решил Найдич. — Будем считать, что ты познакомился с Вороном. Теперь все зависит от тебя, от твоей ловкости. Будешь хорошим добытчиком для Ворона, — значит, войдешь к нему в доверие. А уж коль войдешь... — Найдич взмахнул рукой, как будто ловил муху, — возможно, сможешь ухватиться не только за его мизинец, а и за всю лапу.

— А как же я уйду из изолятора? — вздохнул Костя и покосился на зарешеченное окно.

— Тебя завтра переведут в детдом. Оттуда убежишь и...

— Опять по карманам? — с горечью воскликнул Костя. — Может быть, как-нибудь по-другому?

— Опять! — подтвердил Найдич. — Что поделаешь, работа такая. Ты ведь не для себя ворует. И обиды от твоих краж ни у кого нет. Так ведь? — Костя молча кивнул. — Сейчас нужно, чтобы ты приносил ему добычу пожирнее, что ему несколько скомканных бумажек?

— Так на него ведь работает десятка два пацанов, — возразил Костя. — Один несколько бумажек, другой несколько. Глядишь, и не так мало... — Найдич покачал головой.

— Не они его основные добытчики. Мелюзга! Они только разведчики, сигнальщики, а кстати, — заметил Найдич, — они, наверно, и за тобой следят.

— Ходят за мной два шкета.

— Вот видишь? Ты смотри в оба, уж больно чисто все у тебя получается. Как бы тебя Ворон не заподозрил.

— Чисто, чисто! — обиделся Костя. — Позавчера так наклали по шее, еле вырвался.

— А ты у кого тащил? — улыбнулся Найдич.

— У кого? У кого? — У той женщины, которую вы назвали Марья Ивановна! Только я полез в корзинку, как она подняла крик на весь базар. Какой-то дядька схватил меня и так дал, что до сих пор больно. Хорошо еще, что проходивший мимо матрос вступился, сказал, что не я тащил.

— Вот и подтверждение моего замечания. Ты подошел к Марье Ивановне и взял кошелек, как будто он лежал у тебя дома под подушкой. Ну, она и закричала, чтоб ты впредь был осторожнее. Понятно?

Костя не стал оправдываться, понимая, что, щегольнув своей лихостью, он совершил промах.

— А твой спаситель, моряк, — продолжал Найдич, — сотрудник уголовного розыска. Он тебя прикрывает. Узнаешь его? — Костя кивнул головой. — Добро! Если случится тебе встретиться с Вороном и тот матрос окажется поблизости — подай знак!

— Какой?

— Ну, хотя бы скинь свой картуз и левой рукой чеши голову. Так же поступиай, если увидишь меня или моего помощника.

— Ясно, Лазарь Афанасьевич.

— Сейчас старайся водить компанию с ребятами постарше, — наставлял Костю чекист. — Видимо, они и совершают налеты. Через них, если не сможешь сам, доберешься и до адреса «хозяина».

Найдич указал Косте приметы «богатых жертву. Ими будут крестьяне, приезжавшие на базар два раза в неделю. На оглоблях повозок у них будут обрывки цветных лент. Костя должен подойти к подводе вплотную, предложить купить карандаши, а услышав, „какого они цвета“, спокойно взять узелок с большой суммой денег, который хозяин подвинет к самому краю телеги. Перед уходом Найдич протянул Косте два цветных карандаша.

— Возьми товар для продажи! Да, чуть не забыл! Тебе привет от Кирилла Митрофановича. Вчера он прислал большое письмо. Беспокойся о тебе.

Костя покраснел:

— Что я, маленький? Будете, Лазарь Афанасьевич, отвечать, напишите, жив, здоров, осторожен... Думаю, скоро увидимся...

* * *

Костя исправно сдавал свои „уловы“ Роже. Сдавал при свидетелях, пересчитывая деньги до одной копейки. Ребята его поругивали, мол, мог бы немного оставить и себе. Кушать-то надо!

А на следующий день Рожа передавал ему похвалу от „известного тебе человека“, хотя все ребята отлично знали, кому идут деньги и кто благодарит.

Потом Рожа исчез. За несколько дней у Кости накопились деньги и часы с серебряной цепочкой. Куда делся Рожа — никто не знал, а один беспризорник посочувствовал Косте:

— Убег из города Рожа и твои деньги унес. Будет тебе от „хозяина“. — Но вот вечером в подвал, где ночевал Костя, кто-то принес новость. Во время налета на квартиру богатого торговца по улице проходили два командира. Услыхав крики о помощи, они бросились к дому. Налетчики открыли стрельбу из окон. В перестрелке два бандита были ранены, один убит. Убили Гришку Рожу.

— Он был у „хозяина“ за самого главного над нами, — поведал Косте по секрету один из друзей Рожи.

„Все порушилось, — думал Костя, — кто теперь сведет меня с Вороном и сколько времени я еще буду лазить в чужие карманы? Что делать с деньгами и часами?“ Свои „базарные трофеи“ он носил при себе и все время опасался, что у него ночью их могут выкрасть свои же соседи по ночлегу или отнять взрослые ребята, те, что по вечерам играли в карты и пьянствовали. Никаких инструкций на такой случай у него не было. Утром он написал записку с вопросами: „Как быть дальше? Как налаживать связь с Вороном после смерти Рожи?“. Записку вложил в спичечный коробок, опустил в тайник для срочных донесений и, как обычно, отправился на базар.

Ответа на свою записку Костя не получил. Не приходил никто и от Ворона. Два дня Костя, к его большому удовольствию, уходил с базара без удачи. Два дня его кормили беспризорники, и Костя стал думать, что кончились его мучения. Он отправил вторую записку с вопросом: что делать? Ответа не было. „Значит, нужно ждать и продолжать работу“.

Прошел еще один день, он принес Косте большую воровскую „удачу“, а вместе с ней и ответ на его запросы, что делать?

На базаре он увидел подводу с пестрыми лоскутками на оглобле. Пожилой вислоусый дядька сидел на мешках с зерном и закусывал, макая белую булку в горшочек сметаны.

— Дядя! — обратился к нему Костя, — купите для ваших детей цветные карандаши! — Но вместо ответа „Какого они цвета?“ дядька спросил: „А сколько они стоят?“. Костя отошел, подумав со страхом: „Уж не ошибся ли я? Может, не так спросил?“. Он прошелся еще раз между рядами возов, разглядывая оглобли. Только на одной болтались цветные тряпочки. Когда Костя поравнялся с ней, его окликнул усатый хозяин.

— Эй! Хлопец! — И поманил его рукой.

Костя подошел вплотную к возу.

— Какого цвета твои карандаши? — спросил дядька. Костя облегченно вздохнул, а усач наклонился к нему и смущенно зашептал:

— Понимаешь, промашку дал, забыл спросить про цвет.

Костя достал два цветных карандаша и протянул их дядьке, а тот продолжал шептать:

— Приказано тебе, хлопче, работать как работал, а сейчас бери, — он протянул к борту телеги сверток величиной с небольшую книгу и громко сказал: — Не! Мне карандаши ни к чему! Детей у меня нет! Иди, хлопец, с богом!

Костя сунул узелок за пазуху, а дядька шепнул:

— Иди, иди, да оглядывайся! За тобой кто-то досматривает, как бы не отнял...

В узелке находилась большая сумма денег, она должна была заинтересовать Ворона. Но как дать ему знать о своих удачах?

Когда он уходил с базара, его догнал какой-то гражданин в замасленной спецовке и голосом, похожим на голос Ворона, от которого Костя вздрогнул и прижался к стене, приказал:

— Иди за мной!

Костя на миг заколебался: идти или отстать? Голос похож, но ростом этот человек показался ему ниже Ворона, борода не окладистая черная, а небольшая клинышком, русая.

„Пойду, — решил Костя, — может, его послал Ворон или это кто-нибудь от Найдича“.

Они пришли в знакомый уже парк, сели на скамейку.

— Ну, как дела, Носов? — прокаркал незнакомец. — Или не узнал? — Он провел беспалой рукой по усам, по бороде и уставился на Костю зелеными немигающими глазами. — Не узнал?

Костя смущенно пробормотал:

— Темно было... Борода не та...

— Не та, не та! — подтвердил Ворон и рассмеялся.

Костя вспомнил слова Найдича „бороду можно приклеить любую“. А вот отсутствие пальца... Сомнения Кости рассеялись. Перед ним сидел Ворон. Костя старался разглядеть его получше, запомнить все приметы на его лице и в то же время придал своему лицу удивление и почтение. Краем глаза он косил по сторонам: не покажется ли матрос или Найдич. Но в парке было безлюдно, лишь где-то на дальней аллее с криком играли дети.

— Как дела, земляк? — повторил вопрос Ворон.

— Дела, господин Ворон, идут...

— Тс-с, ду-би-на! — зашипел бандит. — Зови меня... Ну, Павел Иванович.

— Вы же сами приказали, — обиженно заметил Костя. — А дела хорошие.

Он достал часы, завернутые в тряпку, и деньги. Ворон повертел в руках часы, довольно хмыкнул и спрятал в карман, потом взял деньги и, не считая, отправил их вслед за часами.

— Молодец! Хвалю! Вот это тебе, только шпану не корми! — Он протянул Косте несколько серебряных монет. — Хватит?

— Хватит, Павел Иванович! Спасибо!

— Ладно, Носов! Пора заняться серьезным делом, а не то тебя опять загребут. Приходи сегодня вечером, часам к семи в... Впрочем, лучше жди меня на Советской площади, у газетной будки. И никому об этом ни слова. Понял? А сейчас сиди, пока я не уйду.

Первой мыслью у Кости было сейчас же отправить срочное донесение и указать место встречи, но из кустов вылезли несколько знакомых ребят. Отделаться от них Костя не мог, а когда он их накормил, было уже около трех часов. Все же Костя успел написать коротенькую записку: „В“ будет сегодня в семь на Советской площади» и опустил ее в тайник срочных донесений.

* * *

Сверившись с часами на витрине часового мастера, ровно в семь Костя был у газетной будки. Накрапывал теплый летний дождик. На площади никого не было. Изредка ее пересекала дребезжащая извозчичья пролетка и торопливо проходили одиночные пешеходы. Костя безуспешно пытался укрыться от усилившегося дождя. На противоположном конце площади появились двое пьяных. Распевая «Ночка темная», спотыкаясь и поддерживая друг друга, они прошли мимо. Время шло, а Ворон не появлялся. Не видно было и кого-нибудь из чекистов. Костя подумал: «Верно, не получили мое донесение». Он промок, озяб, стал дрожать. Раза два он бегал к витрине часовщика. Последний раз часы показывали без десяти минут девять. Костя потоптался у будки еще с полчаса и отправился к себе в подвал.

Уходя с площади, он увидел в подворотне дома уже знакомых ему пьяных. Сидя, прислонясь к стене, они мирно похрапывали.

«Устроились, черти! Сухо и не дует!» — подумал Костя, не предполагая, что это могли быть страховавшие его работники ГПУ или угрозыска.

* * *

В подвале было накурено, и, как всегда, шла карточная игра. Продрогшему Косте показалось здесь на редкость уютно. Не снимая с себя насквозь промокшую одежду, он зарылся в грязное тряпье и долго не мог согреться и уснуть. Сквозь дрему ему послышался голос Ворона. Он о чем-то вполголоса разговаривал с ребятами. Потом громко приказал: «Поднять его!»

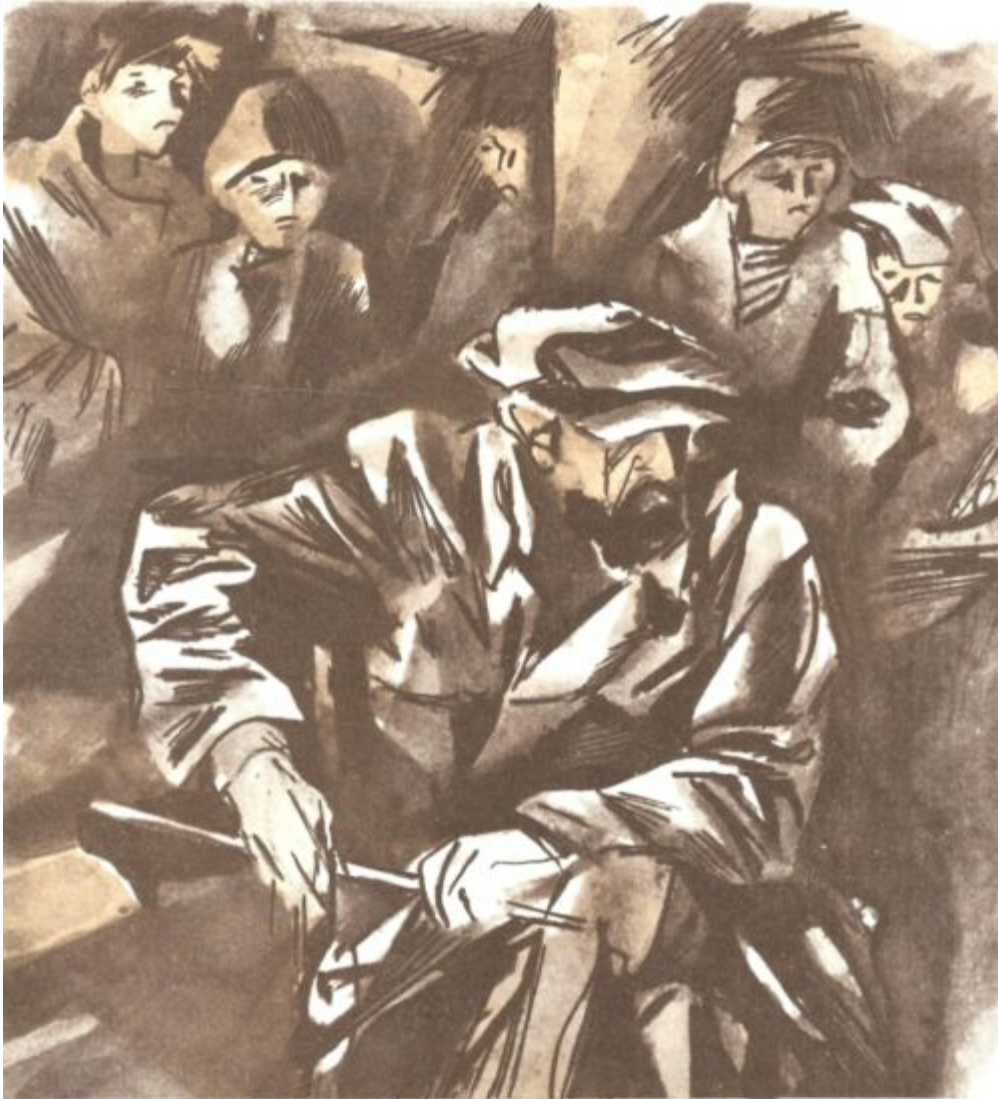
Костю растолкали. Горели две свечи. На ящике, служившем столом для картежников, в мокром дождевом плаще, надвинув кепку на нос, так что видна была только окладистая черная борода, сидел Ворон. На коленях у него лежала бамбуковая тросточка. Левой рукой в перчатке он поглаживал бороду.

В подвале стояла напряженная тишина. Ребята столпились в дальнем углу. Костя, преодолевая дрожь, подошел и стал перед бандитом.

— Почему не был где приказано? — тихо, угрожающим голосом спросил Ворон. — Не ожидая ответа, закричал — Почему, спрашиваю? Па-ра-зит!

— Был вовремя, — стараясь не дрожать, ответил Костя. — Вас не было до половины десятого...

— А-а-а! Учить атамана, когда ему быть... — В воздухе свистнула бамбуковая трость.

Костя не успел чуть отвернуться и закрыть лицо руками. От страшной боли он упал на пол. Удар пришелся по плечу. «Сейчас убьет», — мелькнула у него мысль. Он сжался в комок и услышал чей-то ребячий голос: «Не надо, хозяин!» — Что! Кто мне указывает? — завопил Ворон и ударил Костю еще раз по спине. От нестерпимой боли он на короткое время потерял сознание, а когда пришел в себя, смутно услышал удары, ругань и ребячьи крики. Атаман наказывал непокорных, осмелившихся вступить за товарища. Выкрикнув еще несколько ругательств и угроз, Ворон ушел. Костю обступили ребята, сняли с него одежду. Плечо распухло, он едва мог шевелить рукой. Хуже было со спиной. Трудно было повернуться и встать на ноги.

— Наверно, — высказал предположение один из ребят, — он тебе хребтюгу перебил. Надо бы тебя в больницу...

Костю напоили водой и приложили мокрые тряпки к спине.

— До утра не пройдет, — заявил «специалист», — отвезем в больницу. На извозчике, честь честью. Ты не сомневайся, мы тебя не бросим!

К утру боль немного утихла, и Костя наотрез отказался от больницы. Пять дней он пролежал в подвале. Пять дней беспризорники ухаживали за ним, проявляя трогательную заботливость. Ежедневно ему приносили горячую пищу, мазали плечо и спину какой-то мазью, купленной в аптеке. Пять дней, не получая от Кости донесений и не находя его на базаре, волновался Найдич, волновались за Костину судьбу и в уголовном розыске. Было принято решение в ближайшую ночь произвести проверку всех известных притонов, ночлежек, задержать как можно больше беспризорников и осторожно выпытать, где находится Носов.

Это решение опередил Костя. На шестой день он выполз из подвала. С трудом ковыляя, долго бродил по улицам, разыскивая пустой спичечный коробок и окурки, нужные ему для срочного вызова. Наконец все было найдено и опущено в тайник. Боль в спине усилилась, и он, отдыхая через каждые десять шагов, доплелся до базара. Через час его уже осматривал врач.

* * *

— Я, Лазарь Афанасьевич, даю вам слово комсомольца и чекиста, что этот гад от меня не уйдет, — заверил Костя Найдича, лежа в больничной палате. — Живого или мертвого я его добуду!

— Ты лежи, поправляйся, потом будем думать, как его взять. Теперь тебе уже не беспризорничать. Как ты объяснишь, что после больницы снова попал на улицу?

— Не на улицу, а в детдом, а оттуда...

— Опять побег! — воскликнул Найдич. — Ну, брат, Ворон не такой дурак. Никогда не поверит! Шутка сказать — пять побегов. Такое не у всякого рецидивиста бывает.

— А мне еще долго лежать?

— Сколько нужно, столько и полежишь! Ничего серьезного нет. Могло быть и хуже, если бы удар пришелся по позвоночнику.

Костя попросил ничего не сообщать о его неудаче Бардину. Найдич обещал, хотя уже отправил письмо с подробным описанием того, что случилось с Костей.

* * *

После выздоровления и «побега» из детского дома, на чем настоял Костя, он прибил к другой компании подростков и не заглядывал больше в подвал. Встречаясь на базаре с бывшими друзьями, он объяснял свое нежелание вернуться на старое жительство страхом перед Вороном.

«Не тронет он тебя больше! Поучил, чтоб ты ему не перечил, и все! — заверяли его ребята. — А не подошел он тогда к тебе, потому что по площади крутились двое лягавых. Он тобой доволен, а прибил... это у него так... ну, как злая собака. Ты ей ни к чему, а она все равно цапнет».

Уговоры на Костю не действовали, да и план у чекистов был сейчас другой. Костя должен был стать своим среди старших ребят, совершивших ограбление квартир, и, держась этой компании, выследить Ворона. Случайность разрушила этот план. В одном кинотеатре администратор пускал на последний сеанс беспризорных. Пускал на самый скверный ряд, перед экраном, да еще с уговором: «Сидеть на местах, не свистеть, когда обрывается лента, а главное, по карманам не лазить. Хоть одно нарушение, и пиши пропало! — предупреждал администратор. — Не видать вам тогда Гарри Пиля и Дугласа Фербенкса^[14] как своих ушей!».

На одном таком сеансе, когда оборвалась лента и в зале зажегся свет, Костя увидел Ворона. Он сидел в боковой ложе, рядом с девушкой, лицо которой показалось Косте знакомым, и угощал ее конфетами. Никакой бороды у него не было. Костя пригнул голову и тут же подумал: «А чего мне от него прятаться? Может, это и не он, а кто-то на него похожий?». Но тотчас его сомнения рассеял Ворон. Заглушая свистки и возгласы недовольных зрителей, он громко, своим «вороньим» голосом закричал: «Безобразия! Сапожники! Гнать вон!».

Что-что, а уж голос Ворона Костя запомнил хорошо и ни с каким другим спутать не мог. До конца сеанса оставалось мало времени, чтоб успеть добежать до ГПУ, и Костя решил проследить, куда отправится бандит. Он вышел из зала и притаился за афишной тумбой на противоположной темной стороне улицы. Отсюда хорошо просматривался освещенный вход в кинотеатр.

Кончился сеанс. Через главный вход выпустили десяток другой зрителей, остальные ушли боковыми, запасными дверьми, выходящими на другую улицу. Видимо, этим путем ушел и Ворон со своей знакомой. Костя бросился на другую улицу, но на ней уже никого не было. Раздосадованный таким промахом, он медленно побрел на ночлег, стараясь вспомнить, где и когда он видел женщину, сидевшую рядом с бандитом. Вспомнил на следующее утро. Она работала в приемном покое больницы.

По Костиному донесению, за женщиной и ее квартирой установили наблюдение, но результатов никаких это не дало.

А «трест» продолжал свою деятельность. За последнюю неделю было совершено несколько дерзких ограблений. Костя доносил, что это дела подручных Ворона, и настойчиво просил свидания с Найдичем. Через одну из «жертв» ему дали адрес парикмахерской, приказали туда явиться завтра с утра и попросить какую-нибудь работу.

* * *

В маленькой парикмахерской, куда пришел Костя, никого не было. Сам парикмахер сидел в кресле для бритья и читал газету. Звонок дверного колокольчика оторвал его от чтения, и он спросил:

— Тебе чего? Стричься, бриться?

— Мне бы какую-нибудь работу, — робко попросил Костя. — Второй день не ел...

— Катя! Катя! — закричал парикмахер и снова взялся за газету, — дай мальчику ведро и тряпку, пусть вымоет пол, и смотри, чтоб он ничего не унес! Иди! — он указал на дверь, прикрытую занавеской.

В другой комнате, вместо Кати, его встретили Найдич и матрос из уголовного розыска.

Костя еще раз подробно рассказал о встрече в кино. Все было сделано «в аккурате», сказал матрос. Только они с Найдичем сомневались в том, что с Вороном была девушка из больницы.

— Девушка хорошая, из приличной семьи. Отец учитель, брат красный командир, — перечислял Найдич, — и вдруг знакомство с таким бандитом?

— Может, обознался? — спросил матрос. — Ты где сидел?

— Я в первом ряду, а они сидели в ложе.

— Далековато! — заметил Найдич, — правда, Ворон тебе помог, подал голос. — Матрос засомневался:

— Ты же говоришь, что не было у него бороды...

— А он безбородый, — уверенно сказал Найдич. — Костя видел его то с черной бородой лопатой, то с русой клинышкой. Бороды он

меняет, а вот голос не заменишь! Меня больше интересует, не ошибся ли Костя насчет девушки. Может, не она? Неужели ты смог ее разглядеть и запомнить? Когда тебя доставили в больницу, ты едва языком ворочал и глаз не открывал.

— Разглядел и запомнил! — настаивал Костя. — Она! У меня память на лица хорошая! А еще у нее серьги, каких никогда не видел, большие с висюльками.

— Серьги, сережки, висюльки, бирюльки! Маловато для опознания! Маловато! — заметил матрос. — Да и откуда у нее знакомство с бандюгой?

— Откуда мне знать? Поймаете Ворона — спросите! — сердито сказал Костя.

— А ты, парень, не ершись! Я дело говорю, — обиделся матрос.

— Ну, ну! Петухи, — успокоил их Найдич. — Когда Ворон знакомился с девушкой, наверняка не сказал, мол, я бандит. Мужик он, видно, обходительный, кино, конфеты... Чего ж ей не водить с таким знакомство? Ближе к делу! Надо устроить, чтоб Костя еще раз ее повидал. Давайте завтра к пяти часам дня сходим к приемному покою. Костя поболтается по улице, а когда девушка выйдет, пусть подойдет к ней. Чтоб лучше присмотреться, что-нибудь спросит. Если обознался, что ж, бывает. А если она, то и мы на нее полюбуемся.

— Я, товарищ Найдич, в это время завтра не могу. Занят! — заявил матрос. — Да мне, пожалуй, у больницы лучше глаза не мозолить. Может, еще придется там караулить Ворона...

— Ладно! — согласился Найдич. — Пойду сам! Бывай здоров, Костя! Отработывай себе на кусок хлеба! — он кивнул головой на веник и ушел вместе с матросом.

* * *

В назначенное время Костя стал прохаживаться около входа в больницу. По его расчетам, было уже пять часов, а Найдич все не показывался. Костя прошелся еще раз и внезапно около подъезда больницы столкнулся с Вороном. На этот раз у бандита была светлая бородка клинышком, и если бы Костя не видел его раньше с такой бородкой, то никак бы не узнал. Франтовато одетый, бандит держал в

левой руке букет цветов, а правой небрежно помахивал тонкой щегольской тросточкой. От неожиданности Костя поначалу растерялся, а потом снял картуз и поздоровался. Бандит, даже не посмотрев в его сторону, чуть ускорил шаги и пошел дальше. Костя с картузом в руке остался стоять на месте.

«Что делать? Где Найдич? — одна за другой замелькали у него тревожные мысли. — Уйдет, как тогда?» А бандит тем временем удалялся по безлюдной улице все дальше и дальше. Костя вспомнил, что нужно подавать знаки, и стал чесать голову, оглядывая окна домов на противоположной стороне. «Авось Найдич откуда-нибудь смотрит», — подумал он и, продолжая чесать голову, бросился бежать за Вороном. Запыхавшись, Костя догнал бандита и снова поздоровался.

— Здравствуйте, Павел Иванович!

Ворон, не сбавляя шага, шепотом выругался и громко сказал:

— Отвяжись, босяк, а то позову милиционера!

Упоминание милиционера вызвало у Кости улыбку. «Позови, позови!» — подумал он, стараясь не отстать от яростно ругавшегося Ворона. Пройдя несколько шагов, бандит повернул голову к Косте и, показав ему трость, зашипел:

— Уби-рай-ся от-сю-да, па-ра-зит, по-ка цел! Отстань!

Костя не отставал. Он шел за бандитом, оглядываясь, и, не переставая, чесал голову. И вдруг далеко впереди Костя увидел идущего им навстречу Найдича с каким-то военным. Они оживленно разговаривали и, видимо, не замечали Костиных сигналов. Ворон резко остановился.

— Отстанешь от меня или хочешь получить? — Он замахнулся на Костю палкой, но Костя отскочил в сторону, а бандит больно хлестнул его по лицу букетом, бросил цветы на тротуар и метнулся к открытой калитке. Костя успел ухватить его за карман пиджака и во весь голос закричал:

— Сюда, сюда! Не уйдешь, Ворон! Никуда не уйдешь! Найдич, сюда! — Бандит рванулся, затрещала разрываемая материя.

В руке у Кости остался оторванный карман. От толчка он едва удержался на ногах, но снова бросился на бандита, стараясь схватить его и прижаться поближе, чтоб не попасть под удары трости.

— А-а, ля-га-вый! — шипел бандит. — Не взять тебе Ворона! Не взять! — Он изловчился и ударил Костю палкой. Удар пришелся по

недавно зажившему плечу. От невыносимой боли Костя закричал и разжал руки, но ногами обвил ногу Ворона. Бандит, волоча за собой Костю, втащил его во двор и, стараясь оторваться от него, бил по голове и спине. Кровь заливала Косте глаза, он чувствовал, что слабеет, но еще крепче сжимал ногу Ворона. От боли у него мутилось в голове. Он знал, что сейчас подоспеет Найдич и судьба бандита будет решена.

«Прикрыть голову... Вытерпеть несколько секунд!» — сам себе приказывал Костя.

Он внезапно вспомнил отца, его подвиг.

«Только удержать, удержать, как папа...» — успел подумать мальчик и, уже теряя сознание, из последних сил, рывком прижался к ноге Ворона и впился в нее зубами. Перед его глазами что-то ослепительно сверкнуло, грохнуло, и больше он ничего не слышал...

* * *

В больничной палате у койки Найдича сидел Бардин.

— Как же вы, опытные люди, не уберегли парня? — укорял он Найдича. — Пустили на такое опасное дело, были рядом и не подоспели вовремя... Ах, как непростительно! — Найдич, желтый, осунувшийся, молчал. Да и что он мог сказать. Опоздали да и не ожидали, что Ворон может появиться днем около больницы... — Хорошо еще, что бандит не попал Косте в голову, — продолжал Бардин. — Стрелял-то он в упор.

Найдич болезненно улыбнулся:

— Костя так впился в его ногу, что тому было не разобрать, где собственные ноги, а где голова Кости. Вот он дважды и выстрелил по Костиным ногам, а потом стал палить в нас. Со второго выстрела попал в меня...

— Как твои дела? — спросил Бардин. Найдич снова попытался улыбнуться, но поморщился и застонал.

— Что мне сделается? Вынули пулю. Прошла чуть выше сердца. Вот она лежит на столике.

Бардин взял с блюдечка пулю, покатал ее в руках.

— Похоже, второй номер браунинга, — определил он систему.

— Нет! Не второй. У меня их скоро коллекция наберется. Две нагановских вынули еще в девятнадцатом, винтовочную — в прошлом году, а теперь эта...

И, вероятно подумав, что Бардин может заподозрить его в хвастовстве, прекратил разговор о себе, спросил:

— Ты у Кости был?

— Был. Он хотел что-то мне сказать, да не смог. Очень ослаб! Эх! — вздохнул Бардин. — Не детская это работа — ловить бандитов.

Чекисты помолчали.

Бардин поинтересовался:

— Ворона как взяли? Целым?

— Почти, Кирилл Митрофанович. Когда я вышел из строя, а бандит бросился бежать, его ранил в ногу мой напарник. Он упал и выронил пистолет. Тут его и взяли.

— Не зря Костя работал! — с гордостью за своего воспитанника сказал Бардин.

— Не зря! — подтвердил Найдич. — Нам крепко, Кирилл Митрофанович, с Костей повезло. Больница рядом, сразу на операционный стол.

— Хорошо везенье, — иронически заметил Бардин и стал прощаться. — Выздоровливай, «коллекционер», а я еще зайду к Косте, хоть посмотрю на него.

— Передай привет от меня, — попросил Найдич. — Скажи, что скоро нас поместят в одной палате. Врач обещал.

* * *

Свой отпуск Бардин провел, аккуратно, дважды в день, навещая Костю. А когда Костя стал самостоятельно ковылять по палате, выехал с ним домой.

Ехали они в мягком вагоне, но на этот раз Костя был без «брезентовой упаковки» и вез подарки чекистов. Свою давнишнюю мечту — кожаную куртку, сшитую по его мерке, и красивую кожаную фуражку с красной звездочкой.

Часть вторая

ЮНГИ ЧЕКА

— Вот мы и дома, — сказал Бардин, переступив порог своего кабинета. — Открой, Костя, форточку, кто-то здесь накурил да еще окурков накидал под стол.

Костя открыл форточку и, стараясь ничем не выдавать своего волнения, подошел к столу.

— Садись, — указал на стул Кирилл Митрофанович, — поговорим!

Костя тревожно ожидал предстоящий разговор. Еще в поезде Кирилл Митрофанович говорил о том, что до полного выздоровления Косте предстоит другая, и уж во всяком случае не оперативная, работа. На Костины вопросы «какая?» Бардин отмалчивался, усмехался:

— Потерпи до дома. Приедем — узнаешь.

Про себя Костя думал, что Бардин еще сам не решил, какая это будет работа. Если не оперативная, то, наверное, в комендатуре, выписывать пропуска или принимать разные заявления от жителей городка. Какая это работа для опытного, каким он себя считал, чекиста?

В дверь постучали. Вошел комендант, прозванный за свой огромный рост и богатырское сложение Гулливером.

— С приездом, Кирилл Митрофанович! Здорово, юнга! — он протянул руку Косте. — Покажи, куда тебя клюнул Ворон?

Костя показал ногу.

— Уже все прошло, не болит...

— Не болит, — сердито повторил Бардин, — а почему хромаешь?

— Так это от привычки... Привык в госпитале ходить с палочкой...

— Отвыкай, отвыкай, юнга! — басил Гулливер.

— Что нового? — спросил Бардин.

Комендант стал рассказывать о найденном тайнике-складе зарытого в земле оружия и военного снаряжения. Судя по тому, что Бардин ничего не уточнял, Костя понял, что это сообщение о ржавых

винтовках его нисколько не интересует. Лишь в конце разговора Кирилл Митрофанович спросил:

— Где нашли тайник?

Комендант назвал хутор Кущи.

— Где, где? — внезапно оживился Бардин. — Так это же, где жили «гимназисты»? Проверь, Костя, по своей тетрадке.

Костя два года назад, с первых дней своей работы в ЧК, по указанию Бардина, завел тетрадь, куда аккуратно заносил сведения о всех бандах, действовавших в губернии.

«Гимназистами» называлась опасная банда, во главе которой стояли четыре брата и отец Никитченки. Атаманом был старик Никитченко, в прошлом владелец больших земельных угодий, паровой мельницы, хутора Кущи. Все четыре сына до революции учились в губернской гимназии, отсюда и название банды. Год назад хутор Кущи окружил отряд чекистов. Банда была разгромлена. В перестрелке отец Никитченко и один сын были убиты, а трем братьям с несколькими уцелевшими от разгрома бандитами удалось прорваться и скрыться. По предположениям чекистов, остатки банды рассеялись или ушли за пределы губернии, а Бардин считал, что «гимназисты» зализывают раны и отсиживаются где-то вблизи, чтоб собрать новую банду и ударить там, где их никто не ждет.

— Кто теперь живет на хуторе? — поинтересовался Бардин.

— Несколько демобилизованных красноармейцев с семьями. У них там организован ТОЗ^[15]. Они же и обнаружили тайник.

Чекисты поговорили о разных служебных делах. Прощаясь, Гулливер пригласил Костю в гости.

— Заходи, юнга! Я тебе такой пистолетик подобрал, ахнешь, когда увидишь!

Когда он ушел, Бардин, как бы продолжая начатый разговор, сказал:

— Теперь, Костя, поговорим о твоих делах. Что думаешь делать дальше?

Костя пожал плечами.

— То, что и делал, работать!

— Гм! Работа работе рознь. Тебе сейчас нужна такая, чтоб не бегать, не утруждать ногу... Словом — сидячая! Да ты не дуйся!

Никто переводить тебя в писари не собирается. У тебя какое образование?

— Шесть классов.

— Так, так! А что если ты зимой отдохнешь да позанимаешься, а к весне сдашь экзамены за седьмой класс?.. Работать будешь в отделе полдня или день работать — день заниматься. Посмотрим, как удобнее. Закончишь семь классов, поедem с тобой в Москву. Меня рекомендуют в Горную академию, а ты с семью классами легко поступишь на последний курс рабфака, а там институт... Эх, Костик, каких мы с тобой дел наделаем с образованием! Не все же нам бандитов ловить? Ну, по рукам? — и, встав из-за стола, Бардин протянул руку Косте.

* * *

Всю зиму, три раза в неделю, по вечерам приходил преподаватель заниматься с Костей и Бардиным по математике. Историей, географией и обществоведением они занимались самостоятельно. Здесь Бардин был значительно сильнее, и Костя только удивлялся, когда и где он успел почерпнуть столько знаний. Правда, было у Кирилла Митрофановича такое правило: услышав какое-нибудь незнакомое слово или упоминание о событии, он тотчас доставал небольшую записную книжку, с которой никогда не расставался, записывал услышанное и ставил против записи вопросительный знак. После этого начинал рыться в одном из восьмидесяти шести томов словаря Брокгауза и Ефрона, стоявших в его кабинете, в шкафу, под замком. Найдя объяснение, зачеркивал вопросительный знак.

Когда он читал, оставалось для Кости загадкой. Вероятно, ночами. Дни Кирилла Митрофановича даже сейчас, когда в отделе было относительно спокойно, проходили в постоянном, кропотливом труде, оставляя время на обед и ужин, да и то когда придется.

Распределить так свое время Костя не мог. Занятия дома, канцелярская работа в ГПУ, которую Бардин называл «чистописанием», занимали у него весь день. Он уже не прихрамывал и даже отважился походить на лыжах. Хорошо шла учеба.

Преподаватель говорил, что Костя без труда сдаст экзамены за седьмой класс.

Но внезапно, в конце весны, все изменилось. В уездах за сто пятьдесят — двести верст ожила банда Никитченко. Банда разграбила несколько кооперативов, пассажирский поезд и сожгла два сельсовета. Была известна база Никитченко, откуда они совершали свои разбойные рейды. Несколько раз туда направлялся эскадрон особого назначения и чекисты оперативники. Но банда, как будто ее предупреждали, ровно за день до прибытия эскадрона уходила в леса, тянувшиеся на сотни верст. Чтоб прочесать их, понадобился бы не один полк. Кроме Никитченко в городе объявилась пока неуловимая шайка из четырех-пяти человек, совершавших дерзкие налеты среди бела дня на учреждения, магазины и на частные квартиры. Налеты несколько раз сопровождались убийствами. Бандиты в полумасках, вооруженные пистолетами, действовали молча. Лишь в нескольких случаях потерпевшие слышали, как одного налетчика, высокого роста, со шрамом на подбородке, называли по имени «Георгий», а иногда «Жорж». Опытные сотрудники отдела, да и сам Бардин, считали, что это не местные профессионалы-уголовники, а «гастролеры», вероятнее всего, группа «недобитков» из белогвардейских офицеров. Свои догадки они объясняли так: бандит-уголовник никогда не назовет своего дружка «Георгий» или «Жорж», а скажет «Егорка», «Жора», «Жорка».

— Точь-в-точь как шмели, — определил банду сотрудник Семчук. — Днем летают, жужжат — ночью спят, а гнезда не найти!

— Найти можно, но если подберешься — загрызут. С детства помню, — добавил Бардин.

Банду закодировали «Шмели». Совместно с уголовным розыском были проверены десятки Георгиев, когда-либо замешанных или подозреваемых в преступлениях, но и это не дало никаких результатов. Подтверждалось предположение чекистов, что банда не связана с городскими уголовниками. Были разосланы запросы о «Георгии-Жорже» с описанием его примет в соседние города. А «Шмели» продолжали бесчинствовать.

Кабинет Бардина превратился в круглосуточно работающий штаб, куда со всего города стекались донесения. Костя переселился сюда из квартиры и не отходил от телефона. Однажды под вечер он принял

телефонограмму из милиции. В ней сообщалось, что два часа назад был ограблен ювелирный магазин. Хозяин пытался оказать сопротивление и железной палкой проломил голову одному налетчику со шрамом на подбородке. Хозяина тут же застрелили. Произошло это на глазах у девушки, покупавшей золотую цепочку.

— Девушка еще и сейчас не может прийти в себя, — добавил передававший телефонограмму дежурный.

Костя понес телефонограмму в кабинет начальника ГПУ, где в это время шло совещание о принятии чрезвычайных мер по ликвидации «Шмелей». Когда Костя прочел телефонограмму, кто-то из чекистов сказал:

— Что ж, хоть один «шмель» потерял на время жало.

На это начальник ГПУ Лембер мрачно заметил:

— Как бы остальные от этого не стали кусать еще злее. — И, заканчивая совещание, приказал: — В самый сжатый срок ликвидировать «Шмелей»! Все товарищи свободны! Бардину остаться!

Бардин пришел в свой кабинет через час, вызвал коменданта и приказал:

— Круглосуточно держать наготове два автомобиля. И чтоб сразу заводились, а не пых, пых... — добавил он.

— Так бензин же... — начал было Гулливер, но Бардин его оборвал.

— Не знаю, не знаю! Я не механик. Будут пыхать машины, сам повезешь вместо бензина. Иди! Да, кстати. Столовая уже закрыта?

— Закрыта, Кирилл Митрофанович! Время позднее, одиннадцатый час... Могу предложить закусить в комендатуре. Есть хлеб, сало, сахар. Чайничек вскипячу!..

— Спасибо, — поблагодарил Бардин, — придем через десяток минут.

* * *

Когда через некоторое время Бардин с Костей вышли из кабинета и подошли к лестнице, с первого этажа донеслись голоса споривших.

— Пусти! Не будь гадом! — верещал хриловатый мальчишеский голос. Ему отвечал спокойный басок вахтера:

— Иди в комендатуру! Если у тебя впрямь важное дело, дадут пропуск, а так не пущу! — И опять мальчишеский голос:

— Пойми ты, репа с глазами, дело важнейшее, а ты...

— Иди, иди! А будешь ругаться...

— В чем дело? — спускаясь по лестнице, спросил Бардин вахтера, загородившего дорогу на лестницу оборванному подростку. Вахтер отдал честь Бардину:

— Такой настырный пацан. Говорит, важное дело, а какое, может сказать только самому главному.

— Дело какое? — улыбаясь, спросил Бардин.

Оборванец посмотрел на него снизу вверх и недоверчиво спросил:

— А вы всамделе главный?

— Не веришь? Могу показать документы, — серьезно ответил Бардин и достал из верхнего кармана гимнастерки удостоверение.

— Не! Зачем мне документы? Не шибко я грамотен...

— Так какое дело? — повторил Бардин.

Мальчонка посмотрел по сторонам и, понизив голос, сказал:

— Тайное! Не могу при всех. Ведите меня куда-либо в темное подземелье...

— Вот чудак-человек, — рассмеялся Бардин. — Зачем мне вести тебя в подземелье, да еще в темное?

Они поднялись по лестнице в кабинет Бардина. Парнишка робко переступил порог, огляделся, шмыгнув носом и спросил, указывая на Костю:

— А при ём рассказывать можно?

— Можно, можно! Это мой помощник.

— По-мощ-ник... — недоверчиво протянул мальчишка. — Скажете такое! Где же это видано, чтоб у са-мо-го главного был в помощниках пацан, — он захихикал, — по-мощ-ник...

— Ну, давай рассказывай, не тяни! — начал сердиться Бардин.

— А вы на меня не нукайте! — внезапно вспыхнул подросток. — Не старый режим! Что я знаю, для вас золото, а мне тьфу, — и он плюнул на пол. — Я могу и уйти...

Костя ожидал, что Бардин взорвется. Чистота в его кабинете была корабельная, а тут вдруг плевков. Бардин нахмурился, оторвал кусок газеты и протянул ее мальчишке.

— Вытри, а бумагу брось в угол!

Мальчик смутился, покраснел, но вытер плевков и бросил бумагу в мусорную корзинку. А Бардин в это время приговаривал:

— Ты не обижайся, а посуди сам. Один плюнет, другой плюнет... Что же это будет? Кабак! А сюда ведь люди ходят по важным, «тайным» делам. Так ведь?

Мальчик стоял посреди кабинета, потупясь и не подходя к столу. В руках он мял снятую с выбритой головы изношенную, бархатную пилотку. Был он невысок ростом, коренаст. С виду ему было лет двенадцать-тринадцать. Одет в рваную гимназическую куртку с подрезанными рукавами, в не менее рваные брюки и ботинки с прикрученными проволокой подошвами.

— Как звать? Да ты подходи, не бойся, садись! — пригласил Бардин.

Парнишка подошел к столу, солидно прокашлялся и спросил:

— А курнуть у вас нет?

— Нет! — обрезал его Бардин и повторил вопрос: — Как зовут?

— Жаль, что нет! — ответил парнишка. — С утра бычка во рту не было... Все внутри ссохлось, — он снова прокашлялся и внезапно заторопился. — Зовут Василий Кузьмич, а фамилия Рубаков. А еще прозывают Пилот, — он показал пилотку. — Из-за нее. Из-за моей чепы летчитской.

— Кто же тебя так прозывает? — Бардин нарочно завел разговор «не по делу», чтоб успокоить посетителя.

— А братва, беспризорники. С кем сейчас компанию веду, — объяснил Василий.

— А раньше с кем вел компанию?

— Раньше? Раньше я был боец Красной Армии. Воевал в бригаде самого Котовского, — гордо ответил мальчик. — Дошел с ней аж до Крыма. Там у Чаплинки был ранен. — Он встал со стула и, закатав штанину, показал сине-розовый шрам, идущий от колена вдоль икры. — Казак рубанул клинком, гад...

— Как же он исхитрился? — спросил Бардин. — Чтоб так достать клинком, ему нужно было лежать на земле...

— Не, он на полном скаку, верхом. Я был ездовым на артиллерийском уносе. Он, гад, наскочил, думал перерубить построжку, да прошибся и угодил по ноге. Ну я ему прямо в бороду

пальнул из нагана, а уж потом без памяти свалился на землю. Попал в госпиталь, а когда выписался, котовцы где-то у Тамбова добивали банды. Я подался к ним. В поезде украли все документы, деньги и часы, подарок самого Григория Ивановича Котовского. — Мальчик тяжело вздохнул и замолчал, а Бардин за него досказал:

— Стал пробиваться к своим, на крышах поездов, в пути «добывал» пищу как придется, без денег. Потом забрали в детский приемник, оттуда бежал...

— А что мне было там делать, — зло огрызнулся Василий. — Кормят только-только, чтоб ноги не протянуть, курева не дают. Целый день сказки рассказывают про разных там заморских царевен и волшебников-фокусников. К чему мне все это? — И, внезапно насторожившись, спросил Бардина: — А, а вы откуда обо мне все знаете?

— Я, Василий Кузьмич, многое что знаю. Такая у меня работа, потому, наверно, ты ко мне и пришел?

— Да-а? Я знаю, откуда вы знаете, — хитро улыбнулся мальчик. — Зна-ю! В детском приемнике обо мне все записано. Вот откуда!

Бардин покачал головой:

— Нет, Василий Кузьмич. Таких, как ты, ребят, сейчас тысячи, а судьба их одинакова. Отцы не вернулись с германской, матери, деда, бабки поумирали от тифа. Наверно, и у тебя так?

Мальчик опустил голову и тихо-тихо сказал:

— Так. Только деда и бабки у меня давно нет, от тифа умерли сестры, а мать убил сосед кулак Шкоропий.

— За что? — спросил Бардин.

— За то, что работала в Совете и хлеб, припрятанный богатеями, у них отбирала. Эх, попался бы он мне? — Вася вскочил со стула и, сжав кулаки, прокричал — Я его морду по гроб помнить буду! Только бы повстречать!..

— Успокойся, Василий, — остановил его Бардин. — При Советской власти ни один бандит никогда не уйдет от наказания. Выкладывай свое «тайное дело», а потом пойдем чай пить.

Мальчик улыбнулся:

— Хорошо бы чайку... с хлебцем... — И, согнав улыбку, стал рассказывать: — Значит, дело было так. Кручусь я около

иллюзиона^[16], поглядываю...

— За карманами? — весело спросил Бардин и подмигнул Косте.

Мальчик покраснел и, насупившись, буркнул:

— Этим не занимаюсь. Я пою жалостные песни, танцую, и мне дают, кто копейку, кто две.

— Ну, ну! Я пошутил. Значит, выглядываешь. А что выглядываешь?

— Бывает такое, что кто-нибудь купит билеты на двоих... Ну, там для барышни или для товарища. Ждет, ждет, они не идут, а звонит уже третий звонок. Я враз тут как тут. Дяденька, возьмите меня с собой. Бывает, что сжалятся и берут. Вот и сегодня, на третий сеанс... Стоит буржуй...

— Откуда ты знаешь, что буржуй? — спросил Костя.

Мальчик смерил его пренебрежительным взглядом.

— Откуда? Да очень просто. Морда гладкая, волосики прилизанные, брючки дудочкой со складочкой, ботиночки — шик-блеск. Кто же это, по-твоему? Рабочий человек? Да? Значит, стоит тот буржуй, а я рядом. Народ уже весь вошел в иллюзион, а он все зырк сюда, туда. Тут к нему подходит еще такой же, только постарше и тихо говорит: «Жорж не придет. Его сегодня ранили. Павел Павлович просил, чтоб ты сейчас к нему пришел».

Когда мальчик сказал: «Жоржа ранили», Бардин насторожился, а Василий продолжал:

— Они уходить, а я за ними и ною: дяденька, дайте билетик, вы же не пойдете.

А они идут, хоть бы оглянулись, да еще не по-нашему лопочут. Офицерье проклятое...

— Ты же говорил буржуи, а теперь офицерье, — перебил его Костя.

— Офицерье! — настойчиво повторил Василий. — Я их за сто шагов узнаю. Офицер завсегда так ходит. Правой рукой машет, а левую к боку прижимает. Привыкли придерживать шашку, чтоб не болталась. Вот прошли они до угла, а я все ною и ною. Тут тот, что ждал, обернулся ко мне, обругал и бросил скомканную бумажку. Я схватил и бегу к иллюзиону. Добежал, развернул на свету, а это не билеты. Бросил он мне, белогвардейская морда, какую-то бумажку. Я за ними бегом, думаю, догоню, скажу, дяденька, вы мне вместо билетов бросили вот это. Может, что нужное? Тут он мне, наверно, дал бы билеты. Пока я бегал туда-сюда, они ушли далеко. Темно, хорошо еще, что один во всем белом. Догнал, когда они уже заходили во двор. Я говорю, дяденька... а он, антанта проклятая, как закричит: «Отстань, не то пристрелю, как собаку!» И слышу, что он шпалером^[17]клацнул... Я, конечно, отошел да издали обругал его как мог... Не дело это, товарищ начальник, офицерью по улицам шляться и пугать ребят шпалером. Я-то не из пугливых, а...

— Бумажку ту выбросил? — спросил Бардин.

— Как можно? Вот она, — Василий протянул Бардину смятую записку.

Кирилл Митрофанович стал читать, потом бросил бумажку на стол и стал задавать вопросы.

— Когда это было?

— Время не скажу, ну сами посчитайте. Ждал тот гад третьего сеанса. Бегал я за ними туда-сюда, да к вам, да ругался с охраной, пока вы не вышли, почитай, что час с четвертью прошел.

— Знаешь, на какой улице дом?

— Как называется, не знаю, я на ней никогда не был, а объяснить могу запросто. Дайте карандаш. Нарисую...

— Дом, дом сможешь указать? — нетерпеливо спрашивал Бардин и распорядился: — Костя, Гулливера ко мне! Живо! А ты, Василий Кузьмич, поедешь с нами, покажешь дом!

— Поеду! Вы у него шпалер заберите, а то он еще чего натворит. Такие людей убивают запросто. Рассказывают, что третьего дня зашли четверо в Сахаротрест, «руки вверх» и бац, бац. Кассира ранили, милиционера убили.

Бардин хмурился, но не перебивал словоохотливого парнишку. Наконец пришел Гулливер с Костей и Бардин стал отдавать

приказания:

— Подать две машины. Поедем на операцию. Я, ты, Костя с этим парнишкой. Возьмешь человек пять бойцов из караульного взвода и человека три оперативников, кто еще не ушел из Управления.

— Есть, товарищ Бардин! — козырнул Гулливер. — Искать оперативников не придется, у меня в комендатуре чай гоняют человек пять. Вас с Костей ждали...

— Ладно! Действуй! Красноармейцам захватить несколько гранат. Ты, Костя, возьмешь карабин, а браунинг в карман!

Бардин достал из сейфа маузер, зарядил его и сказал Косте:

— Кажется, мы вышли на «Шмелей».

* * *

Через несколько минут две машины с чекистами подошли к иллюзиону.

— Отсюда пойдем пешком, — приказал Бардин. — Машинам ждать, а ты, Василий, показывай дорогу!

— Пойдем прямо, прямо, потом налево будет другая улица, а на ней через несколько домов будет проулок, где тот дом...

— Похоже, что это Попов переулок, — сказал один из чекистов. — Место глухое, у каждого дома сад. Надо бы обложить дом со стороны садов по Монастырской улице.

Чекисты прошли несколько кварталов. Вася остановился, зашептал:

— Вот он, проулок, а дом по левой стороне четвертый от угла. Перед ним решеточка побеленная, а за ней цветы духовитые. Сразу найдете.

— Костя, пойдешь с Васей по переулку, он покажет тебе дом, а ты посмотри, нет ли там кого в дозоре. Если возле дома или на противоположной стороне кто-нибудь есть, пройдете мимо до конца переулка и возвращайтесь. Карабин оставь здесь! — приказал Бардин.

Мальчики ушли.

Двух чекистов и двух красноармейцев Бардин отправил на Монастырскую улицу.

— Ты, Гаврилюк, будешь старшим. Зайдешь в любой из дворов, предъявишь свой документ. Скажешь, что сейчас бежал вор с вещами и что люди видели, как он перелез через забор четвертого от угла дома в Поповом переулке. Возможно, он спрячется в садах. Как попадете в нужный сад, начнете петь, чтоб я знал — вы на месте. До этого мы операцию не начнем. Открывать стрельбу только в том случае, если кто-нибудь полезет через забор. Стрелять по ногам. Взять их надо живыми!

— Увидишь, где там ноги, где голова, — пробурчал Гаврилюк, возглавлявший группу. — Темень, в трех шагах ничего не видно.

— Чувствовать, чувствовать надо! На ощупь стрелять! — пошутил Гулливер. — Поторапливайтесь, ребята!

Пока велись приготовления к оцеплению, Костя с Васей пошли по переулку. Еще издали Костя почувствовал сильный запах цветущего табака.

— Здесь? — шепотом спросил он Васю.

Вася только сжал Костину руку. Они прошли мимо невысокой оградки, за ней, перед домом, благоухали цветочные клумбы. Ни один лучик света не пробивался через закрытые ставнями окна, выходившие на улицу. Во дворе, неподалеку от калитки, Костя успел заметить дверь и крылечко под навесом.

Они прошли в конец переулка, постояли, громко разговаривая о каком-то Гришке, и медленно возвратились обратно, оживленно беседуя и приглядываясь к дому. На этот раз Костя заметил, что стена дома, выходящая к соседнему двору, от которого ее отделяет невысокий забор, глухая, без окон и дверей.

Чекисты выслушали Костино донесение, перекинулись несколькими словами об осторожности, приготовили оружие.

— Ну все, — сказал Бардин, — пошли, товарищи!

— А я, товарищ начальник? И мне с вами?

— Зачем тебе лезть в пекло? — спросил Бардин.

— Так я же боец! — обиделся Вася. — Как я могу терпеть, когда товарищи идут в бой?

— Сейчас ты не боец. Где у тебя оружие? Поскучай здесь, пока мы не возьмем твоих знакомых, — пошутил Гулливер.

— Зна-ко-мые! — не на шутку возмутился Вася. — Да я таких знакомых стрелял на фронте, как бешеных собак! Зна-ко-мые! Скажете

же такое, товарищ начальник!

Чекисты рассмеялись, а Гулливер серьезно заметил:

— Какой ты боец? Где у тебя дисциплина? Начальник приказал, — значит, закон! Посиди здесь, поскучай, пока мы не управимся.

Чекисты по переулку цепочкой подошли к дому. В это время со стороны Монастырской улицы донеслось далекое нестройное пение.

— Ребята подходят к месту, — тихо заметил Бардин и стал отдавать приказания — Ты, Семчук, с Горловым во двор соседнего дома, где глухая стена. Перелезешь через забор, вдруг там есть окно или какая-нибудь форточка, через которую можно вылезти. Ляжешь на землю, а то не ровен час, начнется стрельба со стороны сада и тебя зацепит. Костя останется на улице, будет следить, чтоб никто не подошел к дому с того конца переулка. Будьте осторожны, не лезьте на рожон, помните, что из темной комнаты хорошо видна улица. Семчук, за старшего, — закончил Бардин. — Идите!

* * *

Семчук с Костей прошли мимо дома, вошли в соседний двор, и Семчук уже собирался перелезть через забор, когда его остановил Костя:

— Лучше я полезу...

— Это еще что? Тебя приказ не касается?

— Приказ приказом, а вас в белой гимнастерке за версту видно. Вы ведь будете лежать на темной земле.

— А ты, Костя, пожалуй, прав! Что же делать?

— Не бежать же вам за кожанкой домой. Полезу я, — настаивал Костя.

— Ох, попадет мне от Кирилла Митрофановича, — вздыхал Семчук, подсаживая Костю на забор. — Патронов у тебя сколько?

— Хватит! Карабин заряжен и две обоймы в кармане.

Костя осторожно спустился по ту сторону забора. Семчук подал ему карабин. Костя лег на землю и пополз узким проходом между забором и домом, ощупывая перед собой землю, чтоб не наткнуться на

что-нибудь, что может загреметь. Он дополз до угла дома, огляделся. Справа темнела часть фасада, чуть впереди прямо перед ним большая цветочная клумба. «Ну и позиция! Хуже не выбрать! — сердито подумал Костя. — Надо вперед и повернуться, тогда будет видна вся сторона дома».

Где-то впереди послышалось пение. Костя быстро переполз в клумбу, изрядно помяв цветы, повернулся лицом к дому. Его глаза уже освоились в темноте, и теперь он четко видел весь фасад. Окна угадывались по свету из щелей ставень, блестела стеклами веранда. «Близко, — подумал Костя, — если выбегут несколько человек, не успею перезарядить карабин, как они окажутся рядом со мной».

Он переполз немного назад. Теперь он лежал позади клумбы и смотрел на дом снизу вверх. Если даже в доме погасят свет, люди, выбежавшие в сад, будут хорошо видны на фоне неба. «Только бы они не выбежали до того, как Кирилл Митрофанович начнет штурм дверей», — тревожно подумал Костя.

Семчук вышел на улицу, чтоб занять Костин пост. В это время на противоположную сторону перебежал красноармеец с винтовкой и стал за деревом.

«Порядок, — решил Семчук, — боец доглядит и за окнами и за улицей». Он вернулся, прошел в глубь двора. Около забора нашел какой-то сарайчик и забрался на его крышу.

— Порядок, — еще раз повторил он и, вставив маузер в приклад, взял на прицел фасад дома.

* * *

Бардин немного обождал. По его расчету, группа с Монастырской улицы и Семчук с Костей должны были уже занять свои места.

— Теперь наш черед, — обратился он к коменданту. — Мы с тобой войдем во двор, посмотрим, где там дверь. Потом обойдем дом, выясним, что находится со стороны сада. Пока боец Бабкин возьмет наблюдение за дверью. Боец Кудренко — на противоположную сторону улицы. Следить за окнами. Если начнут открываться ставни — стрелять по окнам! Ясно? У кого гранаты?

— У меня, товарищ начальник, две, а две у Лахно. Он пошел на Монастырскую, — ответил красноармеец.

— Дай их мне!

— Зачем тебе, Кира, самому, — зашептал Гулливер. — Понадобится, Бабкин кинет их не хуже тебя.

Бардин не ответил и заткнул гранаты за пояс.

— Пошли по местам!.. — приказал он.

Гулливер открыл калитку, и чекисты вошли во двор.

— Стань так, чтоб видно было всю эту сторону дома, — шепотом наставлял Бардин красноармейца. — Если кто-либо попытается выйти через окна или в дверь, окрикнуть «Назад!», а в случае неподчинения стрелять!

Бардин постоял, прислушался. Из дома не доносилось ни звука. Ставня одного окна, что рядом с дверью, была приоткрыта, и оттуда просачивался слабый свет. Бардин подтолкнул Гулливера локтем, тот, поняв без слов, чуть пригнувшись, подошел к окну и заглянул в щель. Это была кухня. Свет пробивался сюда через приоткрытую дверь в комнаты. Гулливер очень осторожно прикрыл ставню и заложил ее крючком. Они, едва передвигая ноги, пригнувшись, прошли под окнами к углу дома. Бардин лег на землю и пополз вдоль фасада, выходящего в сад. Из-за ставень до него донеслись невнятные голоса, но подняться с земли к окну он не рискнул. «Как бы Семчук, увидев человека под окном, не бахнул», — подумал он и пополз обратно.

— Ну как? — зашептал Гулливер.

— Эта сторона наиболее удобна для прорыва в сад. Один Семчук там не управится, — шепнул Бардин. — Подождем, пока наши «певцы» не подойдут к забору вплотную, тогда и начнем! Пока я побуду здесь, а ты иди к дверям. Бабкина отправь на улицу, к Кудренко. Пусть стоят за деревьями и не высовываются. Старший Куд...

Бардин не успел договорить, как со стороны сада, за забором, кто-то вполголоса запел:

Эх, яблочко, куда котишься?

и несколько голосов подхватило:

В Губчека попадешь — не воротишься!

— Будем начинать, Кира? — шепнул Гулливер.

— Начнем!

Они вернулись к красноармейцам. Бардин повторил, что ему делать, а когда боец ушел, поднялся с Гулливером на крылечко. Они стали по сторонам двери, и Бардин тихо постучал. За дверью — тишина. Он постучал еще раз, настойчивее и громче. За дверью послышались шаги и громкий голос грубо спросил:

— Кого черти принесли?

— Откройте, Павел Павлович, — вежливо попросил Бардин. — Есть дело.

— Какие могут быть дела ночью? Что нужно? — гремел голос за дверью. — Кто такой?

— Откройте дверь! — строго приказал Бардин. — Гэпэу!

За дверью пошептались и другой голос сказал:

— Что за глупые шутки? Это вы, ротмистр?^[18] — И послышался щелчок досылаемого в пистолет патрона.

— Дом оцеплен! Не советую дурить! — все еще спокойно посоветовал Бардин.

За дверью рассмеялись, а первый голос сердито произнес:

— Пошутили и хватит. Кто меня спрашивает?

— Начальник отдела борьбы с бандитизмом Бардин, — а теперь откройте дверь!

За дверью замолчали, потом кто-то яростно выкрикнул:

— Ты, рыжая собака, нам и нужен! За все ответишь сполна! Только сунь свою морду в дверь!

— Откройте дверь немедленно! — настойчиво потребовал Бардин. И сразу же из дома загремели выстрелы.

Пули, пробивая дверные филенки, отрывали куски дерева, пролетавшие мимо голов чекистов. Стреляя из-за двери, осажденные бандиты надеялись или прорваться из дома здесь, либо хотели отвлечь от выхода в сад.

— Осторожно! — крикнул Гулливер Бардину. — Стань за косяк!

Как только послышались выстрелы со стороны двора, чуть скрипнула дверь, выходящая на веранду. В щель, освещенную из комнаты, выглянул человек. Щель стала шире, человек в белом костюме шагнул вперед, а за его спиной показался другой.

«Сейчас побегут! Надо стрелять!» — решил Костя и выстрелил, целясь повыше голов. Одновременно дважды выстрелил Семчук. На веранде послышался вскрик и звон разбитого стекла. Дверь захлопнулась, а свет из щелей в ставнях погас.

— Дай, Костя, еще разок по окнам, чтоб не пытались высунуть нос! — откуда-то сверху, позади раздался голос Семчука.

«Наверно, залез в том дворе на дерево», — подумал Костя и «дал» два раза по окнам. Дребезг стекол подтвердил попадание, а Семчук закричал:

— Молодец, Костя! Порядок!

То же сказал и Гулливер, услышав выстрелы со стороны сада.

— Колечко замкнулось! Порядок! — И, обращаясь к осажденным, предложил: — Господа хорошие! Бесплезно патроны жечь! Сдавайтесь, лучше будет!

А в ответ неслись ругательства и пистолетные выстрелы.

На минуту стрельба утихла, а затем забухали винтовочные выстрелы со стороны улицы.

— «Шмели» пытаются разлететься во все стороны, — кричал Бардин. — Сейчас будут пробиваться у нас. Смотри за ставнями! Назад! — закричал он и, спрыгнув с крылечка, стал стрелять в распахнувшееся окно. — Назад!

В это время во двор вбежал красноармеец Хмара, а вслед за ним Вася Пилот.

— Ложись, ложись! — закричал Гулливер. Но было уже поздно. Из окна раздалось несколько выстрелов, Хмара выронил винтовку и упал на землю. Рядом с ним оказался Вася. Он подхватил винтовку, прикрикнул на пытавшегося подняться раненого.

— Лежи, лежи, а то кровью истечешь! Я их, гадов, сам... — и, лежа на земле, дважды выстрелил по окну.

— Молодец, Вася! — крикнул Бардин. — Не давай им подходить к окну! А я с ними поговорю по-другому. Эй! Вы! Сдавайтесь или

заброшаю гранатами! Считаю до пяти, — и начал счет — Раз, два...

Из дома кричали:

— Варвары, скоты! В доме раненые, женщины, дети! Скоты!

— Женщины с детьми пусть выходят в дверь, — прервал счет Бардин. — Даю три минуты на размышление!

В ответ неслась ругань, выстрелы из-за двери и из окна.

Вася отполз к раненому красноармейцу, взял у него две обоймы, а затем открыл частый ответный огонь по окну, из которого мелькали вспышки пистолетных выстрелов. Выстрелы из окна прекратились, что дало возможность Бардину, прижимаясь к стене, подобраться под самое окно и начать счет:

— Раз, два, три, четыре. Пеняйте на себя! — после счета пять он бросил в окно гранату и приготовил другую.

Глухо бухнул взрыв. В наступившей тишине из глубины дома донесся одиночный пистолетный выстрел, потом крики:

— Сдаемся! Сдаемся!

— Выбросьте оружие в окно! — приказал Бардин.

Из окна во двор полетели четыре пистолета.

— Выходить в дверь, по одному с поднятыми руками, — командовал Бардин.

За дверью загредел отодвигаемый засов, щелкнул замок, и в проеме двери показался высокий мужчина в светлом костюме. Он держал одну руку вверх, другая опущена вниз, рукав ее залит кровью.

— Этот, этот был у иллюзиона! — закричал Вася. — Будешь знать, гад, как на людей шпалером клацать! Доклацался!

— Прекрати, Рубаков! — прикрикнул на него Бардин, а Гулливер стал обыскивать раненого. Из двери вышли сразу двое. Один, помоложе, поддерживал еле переступающего ногами пожилого. Едва спустившись со ступенек, он грузно плюхнулся на землю и застонал.

— Есть еще кто в доме? — спросил Бардин.

— Поручик Георгий Волынский, — простонал пожилой. — Он мертв, царствие ему небесное! Застрелился... Ваша... ох... взяла, господи чекисты!

— Семчук, — закричал Бардин в сторону сада, — зови Гаврилюка с ребятами. Все кончено! Пока они не подойдут, оставайся с Костей на месте!

Через несколько минут Гаврилюк с одним красноармейцем прибежал во двор.

— Одного бойца и Гуркина я оставил против окон. Там же и Костя Горлов, — доложил он Бардину.

— Ладно! Пойдем, Гулливер, посмотрим «шмелиное гнездо», а ты, — приказал он красноармейцу, — бегом к машинам. Пусть подъезжают сюда. Да перевяжите чем-нибудь раненых. — Свети, Гулливер.

Держа пистолеты наготове, они вошли в дом. В передней и коридоре никого. В первой комнате, иссеченной осколками гранаты, разбросанная взрывом во все стороны мебель. Во второй стояли рояль и обеденный стол, несколько чемоданов. В третьей — две кровати, а на полу, в углу сидел человек. В опущенной руке у него был зажат тяжелый кольт, грудь залита кровью.

— Посвети получше, — сказал Бардин.

Гулливер направил свет фонарика на лицо мертвеца. Подбородок рассекал шрам.

— Жорж-Георгий! — воскликнул Гулливер.

— Он самый, — подтвердил Бардин. — А голову ему проломили сегодня вечером во время налета. Банда «Шмелей» больше не существует! Пойдем, Гулливер, здесь нам больше делать нечего, — заключил Бардин.

На улице уже фыркали машины.

— Забери, Кирилл Митрофанович, раненых и езжай с ребятами в Управление. Я пока постерегу задержанного, — предложил Гулливер. — А чтоб не скучать, с Гаврилюком пошуруем в доме. Наверно, «Шмели» что-нибудь запасли на черный день.

* * *

Уже светало, когда Бардин с Костей и Васей Пилотом подъехали к Управлению.

— Ну, Василий Кузьмич, заходи, — пригласил Бардин. — Сейчас мы с тобой будем чаевничать, потом спать, а уж утром подумаем, как тебя отблагодарить. Большое ты сделал дело!

— Да я что? — застеснялся Вася. — Разве я думал... Случай вышел. Вижу, беляки, а я на этих гадов ух какой злой, да еще на меня шпалером клацают. Этого мне уж никак не стерпеть было. Чайку попью, а благодарить меня не за что.

За чаем в кабинете Бардина Костя спросил Кирилла Митрофановича, что было в той записке, что принес Вася?

— Ничего особенного. Так, различные семейные дела. А вот одна фраза меня сразу насторожила: «Георгий узнал адрес Мордвинова», а это бывший контрразведчик, палач и убийца. Те двое шли к Георгию, тут у меня и сплелось все вместе: раненый Жорж, раненый налетчик, адрес белогвардейца у Жоржа. Я и подумал: а что, если этот Георгий и есть Жорж, со шрамом на подбородке? Да и на всякий случай надо было выяснить, кто это шляется с пистолетом и кто он такой? Кого может интересовать адрес Мордвинова? Видишь, сколько вопросов нашлось к дому в Поповом переулке. Жаль только, что адрес Мордвинова у Жоржа теперь не узнать. Да ты ешь, Вася, не стесняйся, — подвинул он мальчику нарезанное сало.

Вася посмотрел на него сонными глазами.

— Ей-богу, больше не лезет! Прожевать еще смогу, а сглотнуть — никак!

Отодвинув кружку с недопитым чаем, он положил голову на край стола и уснул. Бардин перенес мальчика на диван и укрыл кожанкой.

* * *

Утром в кабинет Бардина пришел Гулливер и принес два чемодана.

— Вот что натащили «Шмели», — показал он, раскрывая чемоданы, набитые ценностями, пачками денег и какими-то бумагами. — Наверное, это еще не все, — докладывал он Бардину. — Я оставил там Гаврилюка и Семчука, пусть поищут в саду. Больно уж сад подозрителен, грядочки, клумбочки...

— Ладно, — остановил его Бардин. — Пусть роются. Деньги и ценности сдай в финчасть, а бумаги мы с Костей посмотрим. Может, и найдем что дельное. Ты мне лучше скажи, что будем делать с

Васей? Не отправлять же его в детдом, откуда он сбежит. Парень мне нравится, разбитной, смышленный и гордый.

— А что, если его пристроить воспитанником в эскадрон? — предложил Гулливер.

— Дело! — согласился Бардин. — Звони, Костя, Зотову, пусть скачет сюда, и позови Васю.

Командир эскадрона особого назначения не заставил себя долго ждать. Через пятнадцать минут рослый кавалерист с орденом Красного Знамени на груди, щелкнув шпорами, четко отрапортовал Бардину о прибытии для получения задания. С удивлением он выслушал приказ.

— Зачислить этого парня, — Бардин указал на Васю, — воспитанником в эскадрон. Умыться, одеть в красноармейское обмундирование, а чтоб не зря ел казенный хлеб, назначить ездовым на патронную двуколку. Согласен? — спросил он просиявшего мальчика.

Вася прижал к груди свою пилотку и от волнения не мог выговорить слова, а только кивал головой и улыбался, а на глазах его выступили слезы радости.

— И еще, — добавил Бардин, — пусть политрук займется с ним. Парень неграмотен...

— Нет, товарищ начальник, — смущенно возразил Вася. — Это я вчера сказал так, понарошку. Думал, если вы мне не поверите, то обижаться не будете. Что взять с неграмотного? — И, посмотрев на Бардина, хитро прищурился: — Верно ведь?

Бардин с Гулливером рассмеялись, а командир эскадрона спросил:

— А ты, хитрюга, шибко грамотен?

— Церковно-приходское двухклассное кончил с похвальным листом, — скороговоркой выговорил Вася.

— Ну, силен! Профессор, — одобрительно заметил Бардин. — Все же пусть политрук с ним займется.

— Пошли, «ученый», в баню, а потом переодеваться, — позвал командир эскадрона. — В такой амуниции я тебя и на конюшню не пущу!

На пороге Вася повернулся и, обращаясь к чекистам, торжественно сказал:

— Спасибо, товарищи начальники! Пилот, нет, Василий, — поправился он, — Рубаков на всю жизнь, по гроб жизни будет

истреблять гадов, где бы они ни появились! Верно, верно! — засмутился он, увидев улыбки чекистов, и юркнул за дверь.

* * *

Вторую неделю Костя отстукивал на пишущей машинке порученную ему Бардиным опись архивных дел за истекший год. Печатал он одним пальцем, беспрестанно ошибаясь и попадая по соседним буквам, отчего ему приходилось по несколько раз перепечатывать одно и то же. Опись не подвигалась, а груда папок с делами у Костиного стола, казалось ему, росла все выше и выше.

— Ничего, ничего, — подбадривал Бардин. — Зато научишься печатать на машинке.

— А зачем это мне? — пробовал спорить Костя. Он считал печатание на машинке женской работой, и уж во всяком случае, не нужной для мужчины-чекиста.

— Зачем? — повторил Кирилл Митрофанович. — А затем, что чекисту нужно уметь и знать многое! Быть смелым, решительным, не кланяться пулям, — это ты умеешь. А вот терпению, еще большему, чем у рыбака, и внимательности тебе еще следует поучиться.

Ох, уж эта машинка! Вот и сейчас Костя разыскивал очередную букву, чтоб ткнуть ее пальцем, когда в дверь постучали и, бряцая шпорами, в кабинет вошел красноармеец. Костя оторвался от машинки и сразу не узнал Васю. Да и немудрено. Одет был Вася в хорошо подогнанное красноармейское обмундирование с синими «разговорами»^[19] на груди, буденовку с шишаком и сапоги на высоких каблуках. Все это делало его выше ростом и солиднее.

— Здравия желаю! — лихо козырнул Вася. — А где старшой? Скоро будет? Ну, я подожду. Ты чего это стучишь?

Костя объяснил.

— Так, так, — понимающе кивнул головой Вася. — Значит, бумаги про разных гадов на хранение, может, еще сгодятся? Бумага — это, брат, дело серьезное! Вот и твой начальник через бумажку на тех беляков вышел. Верно я говорю? — и, не ожидая ответа, пригласил Костю: — Ты бы пришел в эскадрон. Я тебе покажу своего коня. Зовется он Бойчик. Меня сразу признал, а сейчас если отвязать

его от коновязи, так он за мной по двору как собака ходит! Бойцы дивятся, спрашивают, «чем ты его приворожил?». Не знают, что я Бойчику свой сахар скармливаю.

Вася стал рассказывать, как ему живется в эскадроне:

— Еды — сколько хочешь. Мало — дадут добавку. Одежда, обува — во! — Вася повертелся и прихлопнул ногой. — Работа — почистить утром коня, задать ему корма, напоить. Потом часа два со мной занимается товарищ Малов, знаешь его? Политрук. Говорит, к осени подготовлю тебя в четвертый класс семилетки, а там... Эх, — мечтательно сказал Вася, — года через три-четыре подамся обучаться на учителя.

— Хочешь стать учителем? — удивился Костя. — Ты же вояка. Тебе нужно идти в военное училище.

— Не! — солидно возразил Вася. — Навоевался, хватит! Ты что ж, думаешь, что так и будем все время воевать? Вскорости вгонят буржуйкам кол в могилу... и конец всем войнам! Не веришь? Вот и товарищ Ленин говорит — жить будем мирно, в достатке, в грамотности. Нет, брат, учитель это дело верное!

— Правильно, Рубаков! — подтвердил вошедший Бардин.

— Здравия желаю, товарищ начальник! — вскочил Вася. — Боец Рубаков прибыл к вам с бумагой от комэска товарища Зотова! — Он снял буденовку, достал из нее записку и протянул ее Бардину. — Могу быть свободным?

— Иди, иди! — отпустил его Бардин.

Вася сделал четкий поворот, а у двери обернулся и пригласил Костю:

— Приходи в эскадрон. Покажу коня, посмотришь, как бойцы занимаются джигитовкой. Приходи!

— Придет, не обманет, — за Костю пообещал Бардин.

Вася еще раз козырнул, щелкнул шпорами и вышел.

— Орел! — с удовольствием сказал Бардин. — Такой хоть в огонь, хоть в воду! А ты стучи, стучи!

* * *

Прошло несколько недель. По-прежнему банда «гимназистов» оставалась безнаказанной. Командир эскадрона дважды выезжал на операцию по ее ликвидации, и оба раза банда уходила в леса.

Давно уже Бардина и сотрудников отдела интересовало, кто и как предупреждает «гимназистов» об опасности. То, что такое оповещение существовало, не вызывало никаких сомнений.

— Только телеграф или телефон, — говорил Бардин.

Но ни того ни другого в селе Покровке, считавшемся базой «гимназистов», не было. Да и сам хутор находился за двадцать верст от железной дороги.

И вот эту загадку удалось разгадать с помощью Васи Рубакова.

После очередной неудачи комэск Зотов решил послать в разведку Васю. Под видом беспризорника, как в свое время проводил разведку Костя, Вася должен был «зайцем» и на крышах вагонов добраться до станции Рогаткино, там пересесть на поезд, идущий через полустанок Вишняки, а оттуда пешком в Покровку.

Отправляя Васю, комэск дал ему такое задание:

— Ты, Василий, в Покровке полазь, посмотри, послушай! Может, и пронюхаешь, кто оповещает Никитченко. Не уйдет тогда от нас банда! И еще постарайся проведать, куда они деваются по тревоге? То ли уходят в лес, то ли рассыпаются по соседним хуторам?

Двенадцать дней от Васи не было никаких известий. Комэск, молчавший об отправке Васи, забеспокоился, пришел и доложил Бардину.

— Самоуправствуете, товарищ Зотов, — рассердился Кирилл Митрофанович. — А если его там узнают?

— Не узнают, товарищ начальник... Мы его переодели во все рваное...

— Ты думаешь, одел парня в лохмотья, и все? Ты думаешь, что никто из банды не бывает в городе и не видал его на тачанке? Узнают, убьют Василия! Как можно было посылать мальчишку одного в звериное логово? Случись что-нибудь с Рубаковым, головой ответите, товарищ Зотов! Вам доверили сироту. Доверили, чтоб вы стали ему отцом! Вместо этого посылаете его волкам в зубы! Идите и подумайте, что можно сделать, чтоб его оттуда вернуть, если он еще жив!

За все свое знакомство с Бардиным, Костя никогда не видел его таким расстроенным. Костя даже немного ревниво подумал:

«Волновался ли Кирилл Митрофанович так за меня, когда я выслеживал Ворона?» — и необдуманно сказал Бардину: — Ничего с Васей не случится... Не случилось же со мной ничего, пока я не вцепился в Ворона, а Вася только посмотрит, послушает...

В ответ на это на него сердито обрушился Бардин:

— Много ты понимаешь! Да и сравнивать нечего. Ты выслеживал Ворона там, где тебя до этого времени никто из уголовников не знал и где ты в любой момент мог обратиться в милицию или гэпэу за помощью, а мальчика в красноармейском обмундировании кто-либо из банды «гимназистов» мог приметить в нашем городе. Чем ты рисковал? Отлупит тебя раз-другой Ворон, и все. А Васю убьют. — Бардин досадливо махнул рукой и вышел из кабинета.

* * *

Вася, одетый в какую-то невообразимую женскую кофту, рваные красноармейские брюки и ботинки разных цветов, без головного убора, перепачканный угольной пылью, на тормозной площадке доехал до станции Рогаткино. Здесь после безуспешной попытки забраться на крышу пассажирского поезда, пропустил его, а вечером устроился на открытой платформе, груженной щебенкой, и рано утром, замерзший, голодный, прибыл на полустанок Вишняки. Товарные поезда здесь не останавливались, и Васе пришлось спрыгнуть на ходу, когда состав прошел с версту за станцию.

Разведчик вернулся к платформе, но спрашивать дорогу на Покровку не стал. Он обошел станцию. Позади нее на небольшой площади стояла подвода, запряженная парой лошадей. На ней, поверх нескольких мешков, сидела дородная женщина и лежа похрапывал седоватый дядька.

— Тетенька, — попросил Вася, — подайте что-нибудь от вашей доброты! Два дня не ел!

— Иди, иди! Бог подаст! — сердито буркнула женщина. — Одному подай, другому подай! Много вас дармоедов! Иди, иди, пока кнут не достала!

«Проклятая кулачка», — подумал Вася и заныл — Тетенька, ей-богу два дня не ел, — и часто-часто закрестился. — Я не дармоед. Могу что хочешь сработать! Могу станцевать, спеть...

Услыхав слово «спеть», дядька потянулся, сел и спросил густым басом:

— Это кто здесь такой веселый?

— Я, дяденька!

— Иди, иди! — гнала его тетка.

— Погодь, Катря, — остановил ее дядька. Ты как сюда попал?

— С поезда, с товарняка соскочил. Думал, работу найду, я не дармоед, как думает тетя Катря, — зачастил Вася. — Я могу любую крестьянскую работу...

— Гм! Крестьянскую? — усомнился дядька.

— Могу и с коровами, и на огороде, и около коней... — перечислял Вася свои специальности, — могу и по домашности...

— А в наймыки^[20] в Покровку пойдешь? — спросил дядька. — Больно уж ты мал...

— Пойду, дяденька! К вам? — радостно закричал Вася. — С полным удовольствием!

— Та на беса он тебе сдался? — обрушилась на мужа Катря.

— Не нам, зачем он нам? Куме Марфе нужен хлопчик.

— Пусть она сама и ищет, — не унималась тетка, а Вася молил:

— Возьмите меня к вашей куме! Век буду бога за вас молить! —

И стал часто креститься.

— Как же я тебя могу взять? — Дядька почесал затылок. — Я живу в Огневке, а кума в Покровке. К ней туда, — он указал дорогу, идущую от станции к недалекому лесу, — а мне туда, — и указал в противоположную сторону.

— Дяденька, — заныл Вася, — расскажите от вашей доброты, как спрашивать вашу куму, а я уж сам дойду.

— Вот привязался, как репей, — закричала тетка. — Иди прямо и прямо, а прозвище его проклятой кумы...

— Ты куму Марфу не трожь! — напустился дядька на жену.

Они заспорили, а Вася припустил к лесу. Главное, дорогу он узнал, а уж как быть дальше, увидит на месте.

Лесной дорогой, по наезженной колее Вася пришел в Покровку, когда уже смеркалось. Лес вплотную примыкал к большой

деревне. Васе повезло. На околице его окружило несколько ребят. Без труда он узнал, где живет «кума Марфа», которой нужен наймык, но обращаться к ней ребята не советовали.

— Работы у Марфы на троих взрослых хватит. Баба злая, кормит наймыков хуже, чем собак. Вот они от нее и бегут. — Ребята указали на стоящую чуть в стороне хату под железной крышей. — Лучше сходи туда, к тетке Одарке. У нее работы мало. Корова, две свиньи, огород, конь и хлопец, вроде тебя, Колькой звать.

Вася поинтересовался, почему хлопец не справляется с таким небольшим хозяйством.

— Га! Не справляется. Справлялся бы, если б не ездил часто на станцию. Уезжает на три-четыре дня, а тетка Одарка едва управляет со своими «самоварами», — затараторили в ответ ребята. Видя Васино недоумение, объяснили — Самогон она варит. На все село первая. Да еще на приезжих! Где уж тут ей хозяйствовать?

В тот же вечер Васю приняла наймыком тетка Одарка. Она велела ему выбросить кофту и дала взамен латаную-перелатанную рубашку.

— Спать будешь с Колькой на сеновале, там есть дерюжка, укроешься. Утром, как выгонишь корову, прополешь с Колькой огород, только смотрите мне, чтоб ни одного огурца не трогать! — погрозила она мальчикам.

Прошла неделя. Вася старался как мог. Изредка ему перепали колотушки, правда, реже, чем Кольке, тихому, забитому мальчику.

— Сживает она меня со света, проклятая бандитка! И не мать она мне, а мачеха. Мать умерла давно, — рассказывал Васе мальчик. — Отца убили два года назад. Убегу я от нее при случае.

От него Вася узнал, что тетка Одарка варит самогон для банды братьев Никитченко и что старший из них, Мефодий, скоро на ней женится. Еще он узнал, что когда банда выходит из леса, то он, Колька, едет на станцию Вишняки и дежурит там до тех пор, пока банда в селе или телеграфист не говорит ему одно слово. Тогда он сразу скачет в Покровку, а банда на коней — и в леса. Какое слово ему говорит телеграфист, Колька не сказал, а Вася не стал спрашивать, чтоб не вызвать никаких подозрений. Он только спросил у мальчика:

— Где же они там живут?

— Где! В лесу. У них нарыты землянки, а вокруг завалы, не подберешься!

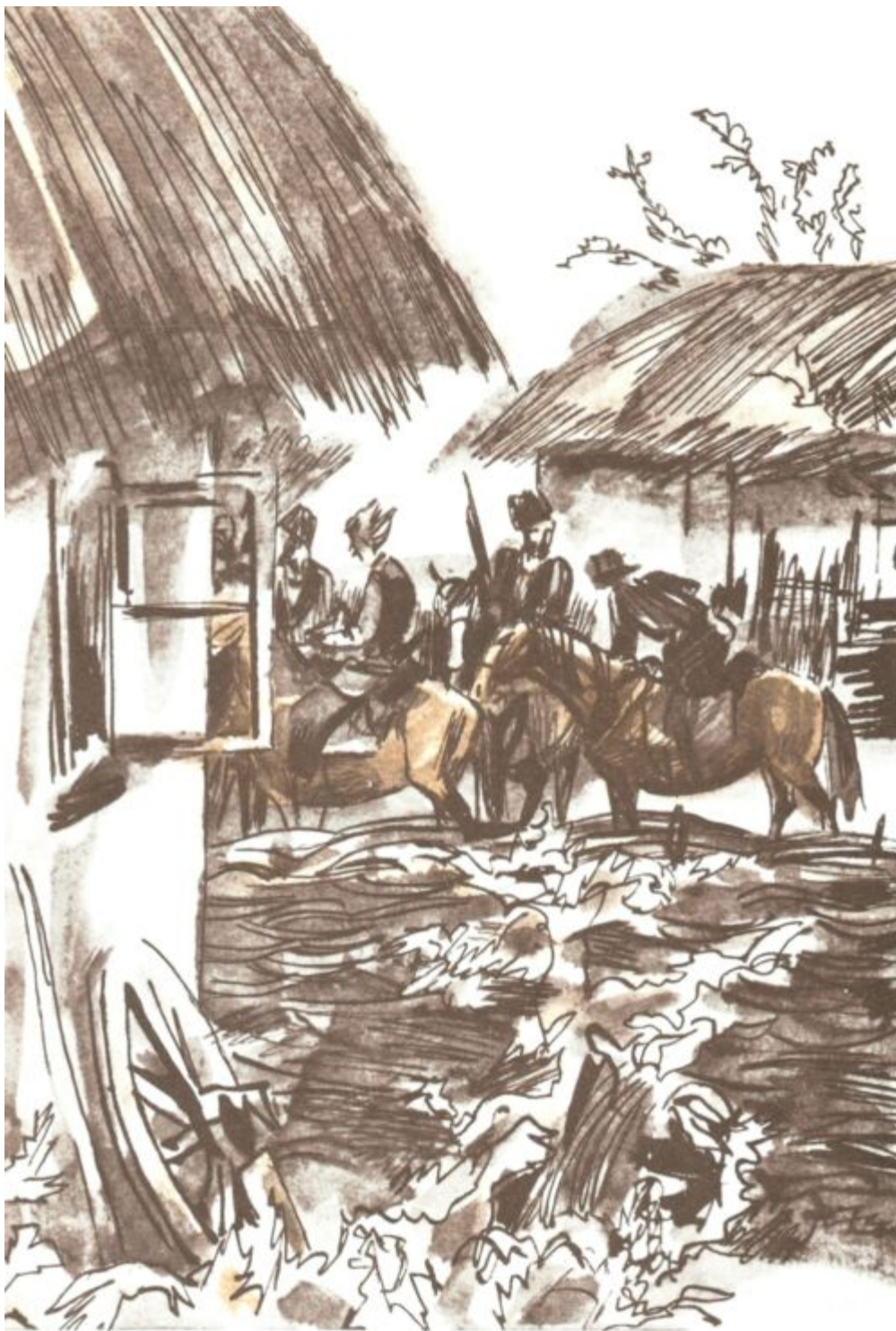

Теперь Вася считал, что оставаться ему в Покровке незачем, и ждал подходящий случай, чтоб сбежать, взяв на дорогу хотя бы краюху хлеба. По пути в Покровку он весь день питался малиной, в изобилии росшей вдоль дороги. Предлог нашелся. Тетка Одарка жестоко отколотила Васю, не объясняя за что, и, только отпустив, сказала: — Будешь знать, как сливки лакать!

Когда же выяснилось, что сливки исчезли днем, а Вася с рассвета до вечера был на соседнем хуторе, Одарка тут же схватила палку и принялась дубасить Кольку. Неизвестно, чем бы это кончилось, но в это время по улице проскакал верховой, остановился неподалеку от дома Одарки и трижды выстрелил из винтовки. Затем, привязав лошадь, сообщил:

— Сейчас придут! Весь отряд, дня на три!

Через полчаса в деревню въехала банда. Человек двадцать— двадцать пять, на хороших лошадях, вооруженные кто карабином, кто обрезом.

Впереди — щуплый чернобородый с маузером через плечо и обрезом у седла. Он спешился у двора Одарки, бросил поводья Кольке и, важно выпячивая свою бороду, вошел в дом. Одарка с радостным возгласом «Мефодий Богданович, дорогой!» повисла у него на шее.

Чернобородый отстранил ее, оглядел комнату и, увидев Васю, злобно пропищал:

— А это что за фигура?

— Наймык, наймыка взяла за харчи, Мефодий Богданович! Хлопец исправный, шустрый! — лебезила Одарка.

— Гони в шею! Да смотри, чтоб ничего не утащил! — пискливо приказал чернобородый. — И топи баню! Братья сейчас придут, а Кольку, паршивца, на станцию!

Одарка вытолкала Васю во двор, а Колька тем временем, не ожидая приказания, уже выводил из сарая лошадь. Одарка дала ему небольшой узелок и вместо напутствия пообещала «задать еще за сливки».

Вася помог Кольке взобраться на коня и вместе с ним отправился на станцию.

* * *

Утром, по пути на работу, Костя встретил Васю.

— Ты где пропадал? Что это у тебя? — ужаснулся он.

Желто-фиолетовая опухоль закрывала Васин левый глаз.

— Это? — Вася дотронулся до опухоли и, ойкнув, скривил лицо. — Это пустяки! Вот на спине почище будет! Невинно я пострадал! Потом расскажу. Веди к начальнику!

— Опять «тайное дело»? — улыбаясь, спросил Костя.

— Наитайнейшее!!! — зашептал Вася.

Переступив порог бардинского кабинета, Вася вытянулся, звонко щелкнул шпорами и доложил:

— Товарищ начальник! Боец Рубаков вернулся из разведки и прибыл для тайного доклада!

Кирилл Митрофанович улыбнулся:

— Все у тебя тайны! Может, пойдем в «темное подземелье»? С твоим фонарем там светло будет. Где схлопотал?

— Было дело, товарищ Бардин, — солидно заметил Вася. — А в подземелье мне без надобности.

— Тогда садись к столу и докладывай, — пригласил Бардин.

Звеня шпорами, Вася подошел к столу, уселся и приступил к докладу с вопроса:

— Интересно вам, кто Никитченкам шлет вести?

— Интересно!

— Тогда, значит, все в аккурате! Значит, не зря в Покровку ездил, — обрадованно воскликнул Вася. — Это все дело Кольки!

— Не тайны у тебя, Василий, а загадки! Кто такой Колька? Какие вести? Если что знаешь, не тяни, рассказывай.

— Банду в Покровке оповещает Колька. Вот какое дело, товарищ начальник!

Бардин посмотрел на Костю, подмигнул ему.

— Так, так! Значит, Колька? — спросил он Васю, таким тоном, будто ему все остальное ясно. — Ты только поначалу расскажи, кто он такой, Колька?

— Он! — Вася пренебрежительно хмыкнул. — Колька — пацан двенадцати лет. Не в нем дело. Он только как получит слово на телеграфе, враз на коняку и в Покровку...

— Погоди, погоди! — остановил его Бардин. — Ты столько наговорил. И Колька, и Покровка, и слово на телеграфе. Рассказывай все по порядку.

— Можно и по порядку, — согласился Вася.

Свое «тайное дело» он начал с того, как добрался до Покровки, как устроился в наймыки. Потом перешел к описанию села:

— Село богатое, сытое, а вокруг кулацкие хутора. Народ вроде хороший...

— Так уж и хороший? — усомнился Бардин. — Село бандитское и хутора, наверно, такие же!

Вася не стал спорить, а уклончиво заметил:

— Народ там разный. Кто победнее, те против бандитов, а у богатеев что ни хата, кто-нибудь в банде ходит.

— А каких больше? — спросил Костя.

— Не за тем я туда добирался, чтоб кулачье считать, — сердито буркнул Вася. — Товарищ Бардин просил рассказывать подробно про Кольку, вот я и...

— Просил, — подтвердил Бардин, — только долго ты до него добираешься.

— Могу покороче, — проворчал Вася и зачастил: — Тетка Одарка, у которой я был в наймыках, Колькина мачеха, чертова самогонщица. Самогон варит на всю банду Никитченко, а самый старший из них, Мефодий, ее жених. Вот он и приехал с бандой, человек в тридцать, все верхи...

Бардин насторожился, стал расспрашивать, как вооружена банда, есть ли пулеметы?

— Есть один шош, только он, верно, неисправный, приклада у него нет. Ну, приехали. Приходит в нашу хату сам Мефодий Никитченко. Тьфу! Я думал про него невесть что. А он... Росточек, чуть повыше Кости, ножки тоненькие, в лаковых сапожках. Только и есть в нем чего атаманского, так борода, как у попа, да маузер через плечо. Велел выгнать меня со двора, а Кольку, значит, на стрему, в Вишняки. Пошли мы на станцию. Колька верхом, а я пехом. Колька все слезами обливается. Ему на станции дежурить, может ден пять-шесть, а Одарка дала ему полбуханки хлеба да пяток кривых огурцов. Я его все утешаю, а сам думаю, с какого бы бока к нему подобраться. Пацан, видать, много знает, но помалкивает, боится. Всего только и рассказал мне Колька, что будет жить на станции, пока ему на телеграфе не скажут, что из нашего города выехал эскадрон. Тут он враз в Покровку... Пожил я с ним на сеновале у телеграфиста три дня. Спим. Вдруг лезет хозяин, будит Кольку, говорит ему слово, а меня взашей. Выскочили мы на двор, Колька мне: «Прощай, Гриша!» Я там назвался Гришей, — объяснил Вася. — «Прощай, — говорит, — когда еще свидимся!» и был таков.

— Что же это за слово? — поинтересовался Бардин.

Вася пожал плечами.

— Кто его знает? Колька мне не открылся. Я так думаю — тревога. Может, и какое другое. Только после этого Колька галопом в село, а там — спасайся кто может!

Бардин заулыбался, а Вася с жаром заговорил:

— Верно, верно! Вы не смейтесь! Я сам проверил. Вот как дело было. Колька ускакал, а днем в Вишняки прибыли наши эскадронцы и аллюр три креста в Покровку, а банды тю, тю... и след простыл! Жители сказали, что еще утром ушла в лес. Чья это работа?

— Ты откуда знаешь? Ездил с эскадроном в Покровку? — спросил Бардин.

Вася хитро прищурил здоровый глаз и помотал головой:

— Зачем мне было туда ездить? Раскрываться? Я только шепнул взводному, сколько человек в банде, и враз отошел. А что банда ушла, я узнал, уже когда эскадрон вернулся на станцию.

— Колька тебе больше ничего не рассказывал? Не говорил, от кого телеграфист получает сигнал? — спросил Бардин.

— Он и сам про то мало что знает! Что с пацана спросишь? Я так думаю, что это кто-то с нашей станции весть подает...

Бардин заулыбался.

— Вы не смейтесь, товарищ начальник, — обиделся Вася. — Я этих гадов недобитых, на вокзалах насмотрелся. Все они заодно! Что кондукторы, что телеграфисты! Верно я говорю! Им бы только кусок пожирнее урвать... — горячился Вася.

— Ну! Ну! — успокоил его Бардин. — Так уж все они гады? А кто же тогда поезда водит? Кто хлеб везет голодающим?

Вася смущенно замолчал.

— Ты про телеграф в Вишняках кому-нибудь рассказывал?

— Никому, ничего, товарищ начальник! Только командиру эскадрона доложил, какие лошади в банде и чем она вооружена.

Бардин вышел из-за стола и протянул руку Васе:

— Спасибо, товарищ Рубаков, за разведку! Мы все проверим, и, может быть, тебе придется еще раз съездить в Покровку. О том, что рассказал здесь, помалкивай!

— Разве я не понимаю, товарищ начальник, чем меньше народа знает про такое дело, тем крепче тайность!

— Правильно понимаешь, боец Рубаков! — похвалил Васю Бардин. — Можешь идти!

Вася вытянулся, четко отковырял, а у дверей обернулся:

— А в Покровку я могу выехать, всегда с полным удовольствием!

Когда за ним закрылась дверь, Бардин сказал:

— А ведь Вася прав. Много еще на железной дороге притаилось врагов. Надо будет проверить телеграфистов на вокзале...

— Кирилл Митрофанович, на днях мы получили письмо от комсомольца телеграфиста с вокзала? — напомнил Костя.

— Кажется, что-то об отправке скота? Где это письмо?

— Вы не стали им заниматься, а велели передать на проверку товарищу Семчуку, а он в отъезде. Но я хорошо помню его содержание.

— Ну-ну, напомни, о чем там речь!

Костя вкратце пересказал письмо, в котором младший телеграфист сообщал о странном случае. Во время дежурства пришел старший телеграфист и отправил его «погулять», сказав, что подежурит сам. Комсомолец не стал спорить, вышел в следующую комнату, а через тонкую перегородку услышал, как старший стал выстукивать телеграмму. На слух он уловил неоднократно повторяющийся вызов: Малин, Малин. Потом разобрал: «Отправлены вагоны с крупным рогатым скотом, и цифры». Его удивило то, что с нашей станции никогда крупный рогатый скот не отправлялся. Когда он вернулся с «прогулки» и посмотрел книгу записей служебных телеграмм, отправленных за сегодняшний день, никакой отгрузки скота в Малин или в другой пункт там не оказалось. Комсомолец просил чекистов поинтересоваться этим делом.

— Поедешь на вокзал и проверишь все записи на телеграфе за последний месяц, — приказал Косте Кирилл Митрофанович.

Никаких записей о скоте, как и писал комсомолец, в книге не значилось. Начальник станции, к которому обратился Костя, подтвердил, что никогда крупный рогатый скот отсюда не отправлялся. Работники железнодорожного ГПУ дали хорошую характеристику комсомольцу-телеграфисту.

— Парень надежный, был чоновцем^[21]. Отец у него командир бронепоезда, мать работает в губкоме партии, — рассказал о нем начальник отделения ГПУ. — Такой не совет.

Проверенный Костей сигнал потребовал немедленного расследования. Телеграфиста-комсомольца вызвали в ГПУ. Он снова повторил свой рассказ. Назвал число, когда это произошло.

— Я его хорошо запомнил, на следующий день были именины сестренки.

Чекисты установили, что в этот же день отправлялся в Покровку эскадрон особого назначения.

— Такие люди, — отозвался о телеграфисте Бардин, — наши верные помощники. Без помощи населения многое и надолго могло бы

остаться нераспутанным. Запомни и будь ко всему и ко всем, кто к нам обращается, внимателен и чуток. Это тоже надо знать и уметь чекисту!

Бардин начал операцию, назвав ее «Испорченный телефон», с ареста старшего телеграфиста, но тот все отрицал, уверяя, что служебные телеграммы записываются в книгу, что он вообще никогда никаких телеграмм на станцию Малин не отправлял.

Тогда на станцию Малин выехал Костя. Местные работники ГПУ вместе с ним пересмотрели сотни метров телеграфной ленты и наконец нашли нужную телеграмму. В ней говорилось, что отправлены четыре вагона крупного рогатого скота и с ним едет хозяин, далее шла дата, соответствующая отправке эскадрона во главе с комэском. Телеграфист, принимавший эту телеграмму, был арестован и допрошен. Он показал, что неоднократно получал такие телеграммы и тут же с пометкой «весьма срочно» передавал их содержание на станцию Вишняки. За это ему каждый раз неизвестно от кого переводили по десять рублей.

Его показание было передано шифром Бардину. В тот же день на станцию Вишняки выехали Вася и с ним два работника ГПУ, одетые почти в такие же лохмотья, как и Вася. Они занимались «поисками работы» в пристанционном поселке, а Вася держался на самой станции, добывая себе пропитание «жалостными песнями». На четвертый день появился Колька. Он очень обрадовался, встретив «Гришу», рассказал, что банда только что прибыла, а завтра состоится свадьба его мачехи с Мефодием Никитченко. Банда будет гулять в Покровке не меньше недели, так как самогона Одарка наварила ведер пятнадцать.

— Всех кур и двух кабанов зарезала проклятая ведьма, — жаловался Колька. — А вернусь, ни одной кости не останется.

Как только появился Колька, один из чекистов вскочил на тормозную площадку проходившего поезда и с соседней станции послал телеграмму Бардину. На следующей день эскадрон прибыл в Вишняки и на рысях пошел в Покровку. Вместе с эскадроном на Колькиной лошади ускакал и Вася.

Незадачливый телеграфист, увидев прибывших кавалеристов, попытался скрыться, но был арестован чекистами. В аппаратной телеграфа среди мусора нашлись телеграфные ленты из Малина, извещающие об отправке скота.

* * *

Вася вывел эскадрон к Покровке со стороны леса. Банда была окружена, перепившиеся бандиты не смогли оказать серьезного сопротивления. Лишь троим бандитам и Мефодию Никитченко, раненному в рукопашной схватке красноармейской саблей, удалось пробиться к лесу. Преследовать их из-за наступившей темноты и незнания лесных дорог не стали. Захваченные бандиты показали, что младших братьев Никитченко, Якова и Петра, на свадьбе не было. Их ждали к утру. Комэск оставил часть людей в Покровке для «торжественной» встречи братьев, а с остальными и захваченными бандитами вернулся на станцию. В эскадроне было трое раненых.

Братья Никитченки ни завтра, ни послезавтра не явились. Вероятно, их успели предупредить на соседних хуторах о сильной стрельбе со стороны Покровки, а может быть, их встретил Мефодий.

Бардин остался недоволен исходом операции.

— Поторопился комэск, — считал он. — Надо было дать им упиться на ночь, а уж нагрянуть под утро. Может быть, к тому времени подоспели бы и остальные братья. А то вся головка «гимназистов» уцелела. Того и гляди, воспрянут. Все потому, что не поехал никто из оперативников, а Зотову, что? Он привык: «Сабли к бою! В атаку за мной!» — жаловался Кирилл Митрофанович Гулливеру, а тот его утешал.

— Где им воскреснуть, Кира? База в Покровке не существует, коней нет. Из кого и где собрать банду? Да и старший брат, наверно, надолго вышел из строя. Боец, что рубанул его шашкой, говорит: «Метил по голове, да конь чуть уклонился и я его достал по плечу. Уж коли выживет, то сухоруким останется!».

— Все это так, а дело «Испорченный телефон» не завершено. Где теперь искать «гимназистов»?

— Найдем, — уверенно заявил Гулливер. — Не иголка в сене!

* * *

К середине июля Костя наконец закончил свое «чистописание». Бардин освободил его от поручений, и он усиленно занялся учебой. В

один из особенно жарких дней Кирилл Митрофанович предложил Косте поехать на два-три дня за город:

— Подышишь свежим воздухом и заодно поможешь следователю Савину. Ты его знаешь...

— Это тот, что в тире никак не может попасть из нагана за пять шагов в ростовую мишень?

— Он самый, — улыбнулся Бардин. — Стрелок Савин никудышный, но следователь он дотошный.

— Зачем он в Хохловку?

— Там кто-то стрелял в селькора. Задержали двух кулацких сынков, надо провести расследование на месте.

Костя не стал возражать против поездки, а только спросил:

— Когда ехать?

— Сегодня после обеда. Зотов даст тачанку, ездового и двух бойцов в охрану. Мало что там может встретиться. Да, вот еще что, ты свой браунинг не бери. Зайди к Гулливеру и возьми что-нибудь посолиднее.

— Можно, чтоб ездовым поехал Вася, — попросил Костя.

— Это дело Зотова. Я не возражаю! — дал слово Бардин.

Не возражал и командир эскадрона. Больше всех обрадовался поездке Вася.

— Вот здорово! Я ведь из тех мест! Хохловка от моей родины за пятьдесят верст. Может, кого знакомого встречу. А какая там река! Ух! Тот берег не видно! Ты знаешь, Костя, какой я любитель плавать? Ого-го-го! — хвастал Вася. — Любую реку переплываю без отдыха! А ныряю, поверишь... на берегу считают: раз, два, иногда до тридцати, а из воды... одни пузыри.

— Ну, ну, водолаз, — прервал его командир эскадрона. — Ты смотри коней не замори и не опои. Поедешь переменным аллюром. Где чуть подъем — шагом...

— Ясно, товарищ комэск! Придут кони туда и обратно как огурчики!

Комэск посмотрел на Костю, спросил:

— Так и поедешь в белой рубашечке, в сандалях? А если непогода?

— Не размокну, не сахарный! А сандалии ношу, потому что побаливает нога, особенно перед дождем.

— Вот видишь. У тебя же самый верный барометр. «Не размокну!» — повторил он и приказал Васе: — Запрягай!

— Есть, товарищ комэск, — козырнул Вася и побежал к конюшням.

— Рубаков! — крикнул ему вдогонку командир. — Возьмешь у старшины гимнастерку для Горлова!

Через десяток минут Вася подал парную тачанку к казарме. Костя надел гимнастерку, подпоясал ремнем с кобурой парабеллума, полученного у коменданта. Гулливер предлагал Косте маузер, но он отказался, считая, что «маузер ему не по чину», да и стрелять из него не приходилось. Из парабеллума в тире он тремя выстрелами выбил две тройки и пятерку, а следующей очередью — две четверки и семерку.

Следователь Савин задерживался в Управлении, и Вася снова завел разговор о реке:

— Эх, Костя! Люблю я поплавать, рыбку половить, а то просто так посидеть на бережку. Сидишь, а кругом тихо, смотришь, как река мимо течет и тучки в ней видно... А еще бывает, белые кувшинки покачиваются... Красота! Я, Костя, никогда цветы не рву. Сорвешь, и все! Через час от него никакой красоты нет. Я ко всему жалость имею!

— Как же ты воевал? — удивился Костя. — Стрелял в людей?

— Разве беляки и бандиты — люди? — взорвался Вася. — Звери! Вот мы едем в Хохловку, расследовать, кто стрелял в комсомольца селькора. Думаешь, кто стрелял?

— Наверно, кто-то из кулаков, кого задел селькор.

— А кулаки кто? — закричал Вася. — Враги, бандиты! Их всех, кто идет против Советской власти, надо истреблять под корень! Уж если мне попадется бандит, я с ним разговаривать не буду!

Костя стал доказывать, что наказание может назначить суд или трибунал, а то, о чем говорит Вася, — самосуд, расправа, что так поступают бандиты. Вася нетерпеливо слушал, потом досадливо плюнул и рассердился всерьез.

— Чего мне с тобой болты-болтать? Суд, трибунал! Су-у-дят, жа-а-ле-ют! Да разве бандиты исправятся? Не согласный я с тобой! Больно ты добрый к врагам! Одно слово... Хлюпик! Кишка тонка! — обругал он Костю.

Костя обиделся, но смолчал, хоть и был согласен с Васей, что бандитов надо истреблять беспощадно. Спорил он с Васей лишь потому, что ему, чекисту, не к лицу поддерживать самосуд или расправу на месте, без суда, о чем говорил Вася.

Некоторое время они помолчали, потом Вася протянул руку Косте.

— Ты меня, Костик, извиняй. Уж больно я лютый к бандитам. Мешают они нашей мирной жизни... Эх! — Он посмотрел на небо. — Быть непогоде. Вона какая набегает хмара, да и рана ноет, — добавил он, поглаживая ногу.

Костя тоже чувствовал, как будто что-то покалывало вокруг зажившей раны. Гулливер неоднократно шутя говорил ему: «Теперь у тебя, Костя, свой постоянный барометр. Вроде карманных часов, всегда при тебе, а заводить не надо».

Когда уже зашло солнце, пришел следователь Савин.

Тощий, небольшого роста, в синих очках, с пухлым брезентовым портфелем в руках. Носил он высокие болотные сапоги, серый потертый пиджак, подпоясанный солдатским ремнем, сильно оттянутым висевшей на нем кобурой с наганом.

Костя представил себе, как Савин целится, стреляя из револьвера, и не мог сдержать улыбку.

— Кто здесь Горлов? — спросил Савин.

— Я Горлов Константин, — представился Костя, — а это Василий Рубаков — ездовой. Бойцы охраны Шахрай и Бобылев.

Савин кивнул, снял очки, критически оглядел Костю, потом протянул руку:

— Савин Иван Павлович. Значит, мне в помощь? Так, так!

— В помощь, Иван Павлович, — подтвердил Костя и добавил: — Конечно, если понадобится.

Савин еще раз кивнул головой и, обойдя бричку со всех сторон, зачем-то постучал ногой по рессорам, покачал кузов брички, как бы сомневаясь в надежности экипажа, что вызвало бурное вмешательство Васи.

— Крепкая тачанка! Чего вы ее качаете? Когда ездим на банду, на нее ставим «максим» и пять коробок с лентами, да еще четверо бойцов. А скакать приходится не только по дороге.

Савин пожал плечами.

— Верю, товарищ боец. Только б не попасть нам под такую грозу, какая была вчера. Куда спрячешься в поле? Может, отложить поездку до утра? — нерешительно спросил он подошедшего комэска.

Комэск посмотрел на небо:

— Дождь пойдет, но не раньше ночи. По дороге у вас Костянская, до нее пятнадцать верст. Будете там часа через два, а то и три. После вчерашнего дождя не дорога, а каша. Если пойдет дождь, то хоть полдороги одолеете. На всякий случай возьмите плащи. Старшина! Выдай пять плащей!

Комэск оказался прав. Дорога раскисла. Жирный чернозем налипал на колеса по самые ступицы. Вася часто соскакивал с облучка и счищал грязь с колес. До Костянской добирались три часа и приехали туда поздно вечером. Вася с красноармейцами почистили лошадей и поставили их в сарай сельсовета. Следовательно и красноармейцы устроились на ночлег в сельсовете, а Вася предложил Косте:

— Давай пойдем на сеновал! Мягко на сене, воздух духовитый и не так жарко, как в доме. Хочешь сахара? У меня два куска остались, не успел Бойчику скормить.

Костя от угощения отказался, и они забрались на сеновал. Костя сразу же уснул, а Вася долго ворочался в душистом сене, вспоминал мать, службу у Котовского. Он уже стал дремать, как вдруг где-то совсем близко послышались звуки незнакомого инструмента. Тонко-тонко он выводил незатейливый мотив.

«Похоже и на скрипку и на дудочку, — старался угадать Вася, — пойду посмотрю». — И стал осторожно натягивать сапоги.

— Ты куда, Васек? — спросил, проснувшись, Костя.

— Выйду послушаю! Больно интересно играют! Слышишь?

— Ну и пусть играют. Играют, ты слушай, а зачем ходить? Темень. Село чужое...

— Пойду, ничего со мной не случится! Я же с оружием!

Был у Васи старый пятизарядный револьвер Смит-Вессон. Стрелял он огромными свинцовыми пулями большой убойной силы, и при выстреле грохотал, как пушка.

Вася вышел из сарая и сразу погрузился в темноту безлунной южной ночи. Шагая на таинственный звук, он через десяток-другой шагов подошел к небольшой хате. Из окна ее падал свет, освещая

сидевшего на завалинке однорукого мужчину, окруженного с двух сторон ребятами. Однорукий держал у рта какую-то темную штуку, похожую на дыньку. Из нее неслись таинственные звуки.

Вася подошел, щелкнул шпорами, поздоровался и спросил:

— Можно послушать?

— А вы кто будете? — спросил музыкант.

— Боец эскадрона особого назначения Василий Рубаков! — четко отрапортовал Вася.

— А я местный учитель Стороженко Павел Петрович. — Музыкант положил инструмент на колени и протянул Васе руку.

— На чем это вы играете? Полсвета объехал, а такого инструмента не видел!

— Наверно, товарищ боец, вы как раз и не были в той половине света, где на таком инструменте играют, — пошутил учитель. — Называется он окарина^[22]. Хотите посмотреть?

Вася взял окарину, повертел ее во все стороны, дунул в одну из дырочек. Получился жалкий писк. Ребята засмеялись. В стороне за домом послышались громкие голоса, и к ним приблизилась компания из пяти взрослых парней.

— Айда с нами, Павел Петрович! Что ты с этими малявками возжаешься? — обратился один из них к учителю.

Вася повернулся к парням лицом, а они, увидев у него за поясом огромный револьвер, замолкли.

— Идите, ребята, своей дорогой. Мне и тут хорошо, — сердито сказал учитель.

Когда парни отошли, кто-то из ребят сказал: «Кулацкие сынки. Ходят по селу, самогон ищут!» — а другой добавил: «Весь, наверно, скупил Шкурупий, к нему полон дом гостей понаехал!».

Вася замер. Фамилия была похожей на Шкоропий.

— А как его зовут? — спросил он ребят.

— Не то Федор, не то Фома, — ответила девочка.

— Мы с ним знакомства не водим, — продолжил учитель. — Человек он приезжий, живет бирюк-бирюком. В деревню ходит очень редко.

— А может, его зовут Филя, Филипп? — спросил Вася.

— Может, и так, — согласился учитель. — Знаете его?

— Как вам сказать? — солидничал Вася. — Лежал со мной в госпитале боец Филя Шкоропий. Был он ранен в ногу.

— Он, он! — закричали ребята. — Дядько здорово хромает!

— А как к нему пройти? — спросил Вася.

— По улице прямо и прямо до конца деревни. Потом будет небольшой лужок, шагов сто, а за ним хата Шкурупия, — объяснил учитель. — Только куда вы в такую темь?

— Ничего, найду! — Вася попрощался и зашагал по указанной дороге, размышляя: «Шкурупий — похоже на Шкоропий, мог чуток сменить буквы... Зовут Федор или Фома — похоже на Филипп, Филя... Хромает, приезжий... Живет, ни с кем не водится... Приметы вроде сходятся... А может, и не он? Надо глянуть. Вдруг он? Что тогда? Был бы здесь товарищ Бардин, враз бы все решил!»

Дом, светясь двумя окнами, стоял за низкими густыми кустами. Вася снял шпоры, положил их в карман. Постоял послушал. Где-то рядом пофыркивали кони. Он подошел ближе. Кусты кончились, и он наткнулся на жердяную ограду. По ту сторону ее стояла пароконная тачанка с поднятой оглоблей. Две лошади хрупали лежащее в ней сено. Из дома доносились мужские голоса. Вася пролез под жердину и, пригнувшись, подошел к дому. Под ноги ему подкатилась небольшая собачка. «Только бы не гавкнула». Он достал кусок сахару и, наклонившись к собачке, протянул ей. Она взяла угощение и захрустела сахаром, а Вася, присев на корточки, ласково гладил ее, приговаривая шепотом: «Хорошая, хорошая, умница Бобка!». Собачка завилала хвостом, а Вася продолжал медленно подвигаться к окнам. Подошел, привстал на цыпочки, заглянул и сразу отпрянул от окна. В комнате, освещенной лампой, за столом, уставленным разной снедью, бутылками и стаканами, сидели четверо мужчин. Лицом к окну — чернобородый, показавшийся Васе знакомым, а рядом с ним убийца Васиной матери Филипп Шкоропий. Двое спинами к окну, а пятый, длинноусый, в глубине комнаты, заводил граммофон. Все еще сомневаясь, Вася на миг прильнул к стеклу. Сомнения его рассеялись.

«Так вот вы где, гады, окопались! — зашептал про себя Вася. — Теперь не уйдете!»

В чернобородом он узнал атамана «гимназистов» — Мефодия Никитченко. Левая рука висела у него на повязке. «Это его в Покровке рубанул Семен Ермаков», — подумал Вася. А хозяина дома он узнал

бы и через пятьдесят лет. Вот сейчас он размахивает рукой, что-то доказывая своему соседу, а тогда у него в руке была кочерга, ею бандит на глазах лежавшего в тифу, беспомощного Васи забил насмерть его мать.

Вася едва сдержался, чтоб не закричать или начать стрелять.

«Нет! — решил он. — Свалю одного, двух, остальные разбегутся... отгонят меня, запрягут тачанку и... поминай, как звали... Надо увести коней в село, а потом вернуться. Два бойца с карабинами, у следователя наган, Костя и я с револьверами, да если еще налететь на банду неожиданно... Ого! Какая сила!»

В сопровождении собачки он вернулся к изгороди. Из дома донеслась музыка и разноголосое пение. Вася стал действовать, не боясь зашуметь. Он вытащил три жердины и положил их на землю. Затем подошел к лошадям, огладил их, отвязал от тачанки и вывел за изгородь. Только он взялся за загривок одной лошади, чтоб вскочить ей на спину, как собачка подняла лай. Вася и так и этак ее называл, она дружелюбно махала хвостом и лаяла.

Стукнуло отворяемое окно, и хорошо знакомый Васе, визгливый голос Шкоропия спросил: «Кто там?».

Вася замер и, прикрываясь лошадьми, достал револьвер.

* * *

После ухода Васи Костя никак не мог уснуть. Сначала он прислушивался к музыке, потом она утихла, а Вася не возвращался. Костя стал беспокоиться: не случилось ли чего с мальчиком? Он взял пистолет, спустился с сеновала и вышел на улицу. Навстречу ему пробежали несколько ребят.

— Не видали, ребята, тут молодого красноармейца? — спросил он.

— Видали, видали! Он с нами разговаривал возле школы, а потом пошел по той дороге. — Ребята указали куда.

— Ничего не говорил, куда идет?

— Пошел до дому Шкурупия, а может, куда в другое место!

Услыхав фамилию, Костя насторожился. Вспомнилось:

«Кажется, такая фамилия у бандита, убившего Васину мать», и как вчера Вася сказал: «Может, встречу кого знакомого».

«Как бы, парень, чего не натворил!» — подумал Костя и бегом припустил к дому Шкоропия.

* * *

— Кто там? — повторил Шкоропий и, не дождавсь ответа, закрыл окно.

«Сейчас выйдет, — решил Вася. — Больше ждать нельзя». Рукояткой револьвера он сильно ударил по крупу одну, потом другую лошадь, гикнул, как делал подымая на галоп Бойчика. Испуганные кони, сопровождаемые лающей собачкой, умчались к деревне.

В это время Костя был уже шагах в тридцати от дома, он слышал, как гикнул Вася. Мимо, чуть не сбив его с ног, промчались две лошади, и он еще быстрее побежал к дому.

Когда убежали лошади, Вася шагнул ближе к дому. Между ним и крыльчком росли густые кусты бузины, в них он и укрылся. Ждать пришлось недолго. Скрипнула дверь, на крыльцо кто-то вышел и визгливым голосом повторил: «Кто там?»

— Здравствуй, Филипп Шкоропий! — поздоровался Вася, еще не решив, что делать дальше. Отведя руку с револьвером за спину, он шагнул из куста и повторил: — Вот и свиделись, Филипп Шкоропий. Не признал?

Бандит молчал. В его руке что-то блеснуло. Вася на всякий случай шагнул обратно за куст и присел.

— Кто такой? Кто такой? — взволнованно заговорил Шкоропий. — Нема тут никакого Шкоропия! А ты кто?

— Я Рубаков! Сын Оксаны Рубаковой. Той, что ты гад...

Вероятно, только сейчас Шкоропий заметил исчезновение лошадей и закричал:

— Кони! Где кони? — И тотчас со стороны крыльца сверкнул огонек. Левое плечо Васи обожгла боль.

— Ах ты гад! Еще стреляешь! — Вася не целясь выстрелил в сторону крыльца и лег ничком, у самых корней куста.

Шкоропий еще раз выстрелил в сторону куста.

Вася не отвечал.

Крики Шкоропия, выстрел Васиной «пушки» и ответные выстрелы со стороны дома Костя услышал, добежав до изгороди. Он лег на землю и пополз к кусту, откуда доносился легкий стон. Затем из куста сверкнуло пламя и грохнул выстрел Васиного Смит-Вессона, раздался шум падающего тяжелого тела, ругань и вскрики: «Ой нога! Хлопцы, сюда! Ох, больно, больно!».

Костя подполз вплотную к чуть стонущему Васе и зашептал:

— Что с тобой, Вася?

— Зацепил меня гад, — едва слышно ответил Вася. — Больно, рукой не шевельнуть... Уходи... я прикрою... В хате — Никитченки... Уходи...

А на крылечке уже топало несколько человек. Женский голос причитал: «Ой, что с тобой, Филечка! Ой, горе мое!» Что-то кричали мужские голоса и невнятно выкрикивал раненый:

— Какой-то хлопец стрельнул... ох, больно, ноженька... Я стал сходить... ох... по ступенькам, упал и сломал ногу...

Костя не стал прислушиваться. Надо было решать: «Уходить или, прикрывая Васю, дать бой?» Решение пришло само: «Он будет отходить, но не к деревне, а в сторону. Подымет стрельбу, выстрелы отвлекут и уведут бандитов от Васи, всполошат товарищей в деревне. Надо стрелять и все время менять позицию. Поднять как можно больше шума. Патронов хватит. В пистолете восемь, да еще две обоймы в кармане».

Правильность решения подтвердило то, что стал кричать Шкоропий:

— Хлопцы! Стреляйте туда... ох... ох... по кустам... Тама хлопчик... Ох, больно ноженьке! Стреляйте...

Со стороны крыльца сверкнуло несколько выстрелов. Пули засвистели над Костиной головой. Лежавший рядом Вася вскрикнул, забился и смолк.

— Васёк, Васёк! — зашептал Костя. — Что с тобой? — Он дотронулся до Васи и внезапно понял, что Вася убит. Едва сдерживая рыдание, Костя отполз от кустов и выстрелил в сторону дома. Потом вскочил, пробежал с десятков шагов и только успел лечь, как над его головой просвистала очередь пуль. «Из маузера бьют!» — подумал Костя и пополз, птясь назад. Но вот под ним хрустнула сухая

ветка и опять засвистали пули. Стреляли из двух или трех пистолетов и обреза. Из него при выстреле вырывался сноп пламени, освещающая стрелявших.

«Теперь буду бить прицельно, наверняка! Задешево меня не взять! Только бы не нащупали», — решил Костя.

Правда, бить прицельно было трудно. При выстреле тяжелый пистолет рвал руку вверх. Стреляя из парабеллума в тире, Костя клал его на сгиб левой руки, лежа использовать этот прием он не мог. Все же он расстрелял всю обойму, отполз и перезарядил пистолет. Во время перезарядки, четко вырисовываясь на фоне неба, неподалеку от Кости появился силуэт человека. Постоял, как бы прислушиваясь, потом два раза выстрелил в сторону, где лежал Костя. Пули ударили в землю чуть в стороне.

«Где... где?» — выкрикнул кто-то из бандитов. «Вон за тем кустом», — ответил другой. Тотчас раздалось несколько выстрелов, пули засвистели над Костей. Освещенный вспышками выстрелов бандит повалился, ломая кусты. Кто-то закричал: «Сюда, сюда! Мефодия убило!» — и понеслась яростная ругань.

«Свои зацепили, — решил Костя, — одним меньше!»

Он два раза выстрелил на звук голосов и стал отползать.

Отползать, пятясь назад, было трудно. В правой руке тяжелый пистолет, приходилось отталкиваться от земли левой. Вдобавок, когда он бежал из деревни, подвернулась нога, и сейчас очень болело место старого ранения. Превозмогая боль, Костя вскочил и, сделав несколько скачков, упал, больно ушибив колено, и тотчас отполз.

А от кустов неслись крики: «Вот он! Стреляй, Онисим! Вот он!».

Снова слышались выстрелы. Сейчас бандиты стали осторожны и не приближались. Костя отчетливо видел силуэты трех человек, но не стрелял. Далеко.

— Эй! Сдавайся, собачий сын! Двух человек убил! Сдавайся, мы милиция! Все равно тебя возьмем! — ругаясь, кричали бандиты.

Костя продолжал отползать. Теперь передвигаться стало легче. Кусты и высокая трава попадались реже. Он полз, ничем не прикрытый, и, не будь на нем темной одежды, был бы немедленно расстрелян прицельным огнем. За его спиной слышалось журчание воды и повеяло влажной свежестью.

«Куда это меня занесло? Похоже к реке», — от удивления он едва не свистнул. Чуть сдвинувшись с места, почувствовал, как его ноги опускаются вниз.

«Обрыв! За ним река! Дальше отползать некуда!» Костя впервые почувствовал страх. Он все время ожидал, что с минуты на минуту в тылу бандитов захлопают выстрелы, Савин с бойцами придут на помощь, выручат его и Васю. Но время шло, а выручка не приходила.

Костя взял себя в руки. «Врете, гады! — думал он про себя. — Не взять вам чекиста живым! Дорого я вам стану!»

В это время его противники разделились и пошли вперед. Один прямо на него, второй — справа, третий — слева.

«Обходят! — догадался Костя, старательно выцеливая ближнего к нему среднего. — Только бы не промазать!» Тот шел не пригибаясь, и Косте показалось, что бандит совсем рядом, подпускать его ближе — опасно, и он плавно нажал курок. Грохнул выстрел, раздался отчаянный вопль: «Уби-и-или!» — и силуэт исчез. Исчезли и два других. Видимо, они легли на землю. Тишину нарушили громкие стоны раненого.

— Больше не полезешь! — озорно воскликнул Костя и пожалел. Раненый, перестав стонать, закричал:

— Бейте, хлопцы, на голос! Бейте его гранатой!

Отползая, Костя оказался за небольшим земляным бугорком, а ноги его уже свешивались с берегового обрыва. Позади шумела река. Отползать дальше было некуда. У Кости мелькнула мысль: «От гранаты не спрячешься!» — и он дважды, не видя цели, выстрелил туда, где минуту назад маячил левый силуэт.

— Кидай! Кидай! — снова закричал раненый. — Тебе, Петро, сподручней! Ох! Кидай!

Костя прижался головой к бугорку, а левой рукой уцепился за какой-то травяной кустик. «Если не зацепит осколками, чтоб не сбросило взрывом», — успел он подумать, как сверкнуло пламя. Костя почувствовал удар по спине и острую боль в правой лопатке. Какая-то сила оторвала его от земли, подбросила вверх. Теряя сознание, он выронил пистолет и полетел куда-то в темноту.

* * *

Первым услышал выстрелы Савин. Он разбудил спавших бойцов, и они выбежали во двор. Здесь уже был сельский милиционер. А стрельба все усиливалась. Со всех сторон к сельсовету сбегались люди. Появился председатель, два комсомольца с охотничьими ружьями, секретарь партячейки с винтовкой.

— Стреляют между хутором Шкоропия и берегом, — сказал милиционер. — Стреляют человека три-четыре. Оружие разное...

— А где Костя и Васёк? — спросил Савин.

— Спят на сеновале, — доложил боец.

— Позвать! — приказал Савин.

Боец подбежал к сараю, позвал: «Васёк! Товарищ Горлов!»

— Лезь вверх! — крикнул второй боец. — Спят ребята, умаялись.

Мальчиков на сеновале не оказалось.

К группе подошел учитель.

— Вы кого ищете? — спросил он Савина. — Не парнишку ли в буденовке с револьвером?

— Его, его? Где он?

— С полчаса назад подходил ко мне. Я играл возле школы, он послушал, потом спросил про Шкоропия и ушел к его дому.

— А другого, побольше ростом, с ним не было? — спросил Савин.

Учитель не успел ответить. Вдали блеснуло пламя и грохнул взрыв.

— Граната. По-над берегом, — определил милиционер. — Видать, попали ваши ребята в заваруху.

— Надо выручать, товарищ начальник, — обратился боец к Савину.

Стрельба прекратилась. Стало тихо, лишь по всей деревне лаяли собаки. К этому времени у сельсовета собралось уже человек двадцать.

— Что делать будем, товарищ начальник? — спросил милиционер Савина.

— Надо подойти поближе к дому Шкоропия, откуда все началось, — посоветовал председатель сельсовета.

— Как думаете, бойцы? — обратился Савин к красноармейцам. — Я ведь человек не военный, в таких делах не участвовал...

Красноармейцы и милиционер поддержали предложение председателя сельсовета, а милиционер стал распоряжаться.

— Пойдут только вооруженные! — приказал он.

— Двигаться вдоль хат, цепочкой. Если кто появится, подпустить близко, окликнуть, но не стрелять. Пошли!

Цепочками, с обеих сторон неширокой улицы они вышли на край села. Остановились. Со стороны невидимого отсюда дома Шкоропия неся надрывный собачий лай.

— Во-он хата Шкоропия, — зашептал милиционер, указывая на два огонька. — Окна светятся, стало быть, кто-то дома.

— Может, двинем дальше? — вполголоса спросил один из бойцов.

— Тс-с-с! — зашипел на него Савин. — Кто-то идет!

Послышались легкие шаги и голос, звавший лошадей: «Кось, кось, кось!» Шаги приблизились, голос стал громче: «Кось, кось, кось!»

Шагах в пятнадцать показался человек. Тут не выдержал один из комсомольцев. С криком «Стой! Ни с места!» он ринулся к подходившему человеку. Тот бросился бежать. Комсомолец и еще двое — за ним. В темноте послышалась возня, а когда подбежали Савин с милиционером, перед ними стоял коренастый мужчина с большой рыжей бородой. Руки у него были скручены назад.

Держали его двое, а третий обыскивал. В сапоге незнакомца оказался наган. В пяти ячейках барабана были стреляные гильзы.

Савин взял наган, понюхал ствол, стреляные гильзы.

— Стреляли не более получаса назад. Ты стрелял?

— Нет!

- Наган твой?
- Нет. Подобрал около мертвяка...
- У какого мертвяка?
- А там, — он кивнул в сторону дома. — Там убитый...
- Что здесь делаешь? — стал допрашивать Савин.
- Я коней ищу. Как стрельба началась, они сорвались и сюда...
- Почему убегал?
- Забоюлся. Там стреляют, тут...
- Ты кто такой?

— Левченко Онисим, заготовитель. Был поблизости, ну и заехал к куму Шкоропию, а у него гости. Сидим закусьваем, музыку слушаем. Вдруг кто-то затарахтел в окно. Кум вышел, а во дворе бахнуло и закричал кум. Мы выбегли на крыльцо. Кум кричит, что стрелял какой-то хлопчик из кустов. Ну, а те гости стали стрелять по кустам, а я помог хозяйке внести кума в хату. Потом, значит, когда грохнуло, прибегает один из гостей и говорит: «Брата Мефодия убили, царствие ему небесное, а брата Якова ранили, помоги перенести в хату». Я и пошел. Перенесли мы раненого, а убитый остался там, в кустах. Наган лежал рядом, я его подобрал и сунул за сапог. Вещь нужная. Ездишь по заготовкам, деньги возишь, думал, сгодится.

— Как фамилия братьев?

— Откуда ж мне знать? Что они братья, узнал, когда прибег тот и сказал «помоги».

Отвечая Савину, задержанный все время поворачивался лицом к дому, как бы желая что-то там разглядеть.

— Где сейчас тот, что тебя звал на помощь?

— В хате, наверно, где ж ему быть? Горе-то какое, один брат убит, другой — ранен. И кто только тот бандюга, что стрелял?

— Хватит болтать, — оборвал его Савин. — Поведешь нас к дому, а потом туда, к убитому.

— Нет моего согласия, — стал орать во весь голос Левченко. — А если тот хлопчик опять начнет пулять? К чему мне лезть под пули? — И внезапно завопил — Не пой-ду! Хоть убейте, не пой-ду! А-а-а! Не пой-ду!

— Заткните ему рот, — приказал Савин.

— Не пой... — успел выкрикнуть задержанный и осекся. Бойцы запихнули ему в рот какую-то тряпку.

— За мной, товарищи! — скомандовал милиционер.

Когда они стали подходить к дому, слева из кустов послышался легкий, как вздох, стон.

— Кто тут? — окликнул милиционер.

Никто не отвечал. Стон прекратился. Подошел боец, осторожно карабином раздвинул кусты и закричал:

— Вася тут! Убитый!

Подбежал Савин, наклонился над мальчиком. Вася был без сознания и едва дышал. Лежал он, сжавшись в комочек, весь залитый кровью. В руке револьвер. Его осторожно вынесли из кустов и положили у крыльца.

— Есть в селе фельдшер? — спросил Савин. — Бегом за ним! Кто-нибудь пусть останется с мальцом, да заберите у него револьвер, как бы он не пальнул в беспамятстве!

Вася застонал, открыл глаза, зашептал что-то непонятное.

— Что тебе, Васёк? — спросил боец Шахрай, опускаясь на колени около Васи. — Может, водички испить?

Вася внезапно заметался, стал разборчиво шептать: «Где... где Кос-тя... Там... Там... Ни-кит-чен-ки!.. — Он замолчал, потом сделал попытку подняться и снова зашептал: — Ско-рее... Ско-рее...» Шепот его становился все тише и тише.

— Кончается! — тихо сказал Савин.

Вася вытянулся, захрипел, глаза его закрылись...

Шахрай припал ухом к его груди, послушал. Молча поднялся, снял фуражку и, не стесняясь, заплакал.

— Нет больше нашего Васька... Погиб как герой... Эх, какой был парень!

* * *

В хате, кроме плачущей хозяйки и двух раненых, больше никого не оказалось. Шкоропий с перебитой ногой лежал на кровати и стонал, а его кум Яков, раненный в грудь и, очевидно, потерявший много крови, сидел на полу, прислонясь к стене, прижимая к груди окровавленное полотенце, ругался и скрежетал зубами.

Жена Шкоропия ничего о своих гостях рассказать не могла, а только повторяла: «За что моего Филю, изранетого на войне с беляками, стрелил тот проклятый хлопец?».

Савин с милиционером обыскали все надворные постройки, погреб, чердак, но «брата», о котором говорил Левченко, и след простыл.

Прибежавший фельдшер узнал «кума Якова». Это был один из братьев Никитченко.

Постепенно совсем рассвело, стал хорошо виден кровавый след от дома в кусты.

Развернув людей цепью, Савин повел их по следу. Вскоре наткнулись на убитого. Рядом с ним лежал маузер и несколько стреляных гильз.

— Так это же старший Никитченко! — воскликнул милиционер. — Вот где нашел свой конец, бандюга!

— Верно, верно, он, — подтвердил один из сельчан. — А тот, кто убег, наверно, их меньшей, Петр. Слава богу, от таких злодеюг избавились!

На самом берегу, где он крутым трехсаженным откосом обрывался к реке, Савин указал на небольшой холмик. Около него разбросанный во все стороны дерн и углубление в земле с опаленными краями, несколько стреляных гильз от парабеллума.

Савин присел на корточки, пошарил в разрытой земле. В его руке оказался небольшой кусочек железа. Он повертел его в руках, поднося к самому носу. Казалось, что он его обнюхивает.

— Здесь взорвалась граната. Судя по осколку, бутылочная^[23], — определил Савин. — Такая дает сильную взрывную волну и много мелких осколков. Вы бы, ребята, спустились по откосу, ближе к воде, может, что-нибудь найдется в кустах, — обратился он к комсомольцам.

Два комсомольца, осторожно поддерживая друг друга, спустились почти до уреза воды. На одном кустике висела Костина сандалия.

Савин осмотрел ее со всех сторон, но ничего не обнаружил.

— Как же так? — заволновался Шахрай. — Где же он сам? Уж если бы зацепило Костю гранатой, была бы кругом кровь или... — боец замялся, — или куски одежды...

— Видимо, — пытался объяснить Савин, — взрыв ранил или контузил Горлова, сбросил в воду, а там он утонул. Надо будет достать

невод и пошарить под берегом.

— Бесплезно, — вздохнул председатель сельсовета. — Невода в деревне нет. За это время утопленника унесло далеко, верст за пять, за шесть. Смотрите, какая тут быстрина...

После многодневных ливней бурно текла мутная, вспененная река. По ней, как в весеннее половодье, плыли подмытые с корнями деревья, остатки каких-то строений, кусты с налипшим на них разным мусором.

— Верст за сорок отсюда есть плесы, туда его, наверно, и вынесет. Там его и искать, — посоветовал председатель.

Савин записал, где находятся плесы, и обратился к бойцам:

— У кого конь лучше?

— У меня, товарищ начальник! — ответил Шахрай.

— Скачи в город, в гэпэу к Бардину. Доложишь, что и как. Я останусь тут до его приезда.

* * *

Бардин, командир эскадрона и человек двадцать бойцов с пулеметной тачанкой прискакали в Костянскую в полдень.

Савин доложил, что произошло и какие он намерен принять меры по поискам Горлова.

— Веди на берег! — приказал Бардин.

Он постоял на берегу реки, видимо не слушая объяснений Савина. Махнул рукой и пошел обратно в деревню. Здесь было уже все приготовлено для похорон Васи. Он лежал около школы, в наспех сбитом гробу, покрытый букетами полевых цветов.

Бардин распорядился:

— Васю на пулеметной тачанке отвезти в город. Будем его хоронить, как и подобает герою, с оркестром, с отданием воинских почестей.

Тем временем Савин еще раз допросил жену Шкоропия и задержанного в деревне Онисима Левченко. Из их скупых и путаных ответов стало ясно, что в гостях был еще один «кум», по всей вероятности, третий брат Никитченко — Петр. По описанию Левченко, был он высок ростом, носил длинные усы и слегка прихрамывал.

Бардин приказал командиру эскадрона:

— Разбей эскадронцев по четыре-пять бойцов и отправь на ближние хутора. Пусть поспрашивают — приметы у бандита заметные. Далеко он уйти не мог. Взять желательно живого!

На хутора поскакали кавалеристы. В одном удалось напасть на след длинноусого. Пастух рассказал, что утром из леса вышел незнакомый человек без шапки, с длинными усами. Куда пошел человек, пастух не заметил, а мальчишка-подпасок, не сводивший восхищенных глаз с кавалеристов, подсказал:

— К дядьке Гнату... Перелез через плетень и в хату...

Бойцы спешили, окружили хату. На печи спал усатый. Когда его стали будить, он выстрелом ранил красноармейца и, отстреливаясь, выпрыгнул в окно. На огороде его настигла красноармейская пуля.

«Гимназисты» перестали существовать навсегда.

* * *

Поиски Кости продолжались. Во все прибрежные села и города были посланы запросы с просьбой сообщать об утопленниках, но ни на один ответа не приходило. Ничего не нашли и на плесах, где посоветовал искать председатель сельсовета.

Прошел месяц. Были осуждены и понесли наказание бандиты, задержанные в Костянской.

Тяжело переживал гибель ребят Бардин. В его бороде и на голове появились седые волосы. Обычно веселый и общительный, Бардин стал угрюмым. Он допоздна засиживался в своем кабинете, стараясь за работой отвлечься от тягостной мысли: «Я виноват, послал ребят без опытного оперативника».

В один из таких вечеров, часов около одиннадцати, Бардин услышал шум в коридоре, выкрики и веселый смех. Было это очень неожиданно, и он собрался уже выйти, узнать, что стряслось, как распахнулась дверь и к нему, хромя, бросился Костя.

Осунувшийся, с бритой головой, в комнатных тапочках, бязевой рубашке с тесемочками вместо пуговиц, подпоясанной шнурочком.

Бардин обнял его, но говорить не мог. Молчал и Костя. Так они и застыли посреди кабинета. А в комнату со всех отделов сбегались

сотрудники. Пришел и начальник гэпэу. Бардин все продолжал молча обнимать Костю.

— Ну, утопленничек! Рассказывай, как гостилось у русалок! — шутливо обратился к Косте начальник. — Да отпусти ты его, Кирилл! Никуда он отсюда без пропуска не убежит! Выкладывай, Горлов, что с тобой случилось?

* * *

А случилось с Костей вот что: упав в беспамятстве в воду, он сразу пришел в себя и почувствовал, что тонет. Изо всех сил заработав руками и ногами, он вынырнул и не стал сопротивляться подхватившему его течению, стараясь только держаться на поверхности. Нестерпимо болела голова, ныла раненая левая лопатка. Левая рука стала тяжелой, как бревно.

«Хорошо, что я без сапог. Утащили бы на дно». Он плыл и думал: «Только бы подальше отсюда!».

Быстрое течение стало сносить его к берегу. На мелководье плавала большая сплавина^[24]. Костя ухватился за нее рукой и, выгребая ногами, выплыл на стрежень. Здесь поток был еще стремительнее, но сплавина держала его на плаву. Он только рулил ногами да изредка делал гребок свободной рукой. Так он плыл довольно долго. Ему казалось, что не менее часа. Внезапно стала стынуть раненная Вороном нога, и холод пополз по всему телу. Он стал ослабевать. Гребки ногами становились все реже и реже. «Тону», — подумал Костя. Но тут же отбросил эту мысль. «Только бы не потерять память! Надо на берег!» Он стал из последних сил загребать к низкому берегу. Река делала в этом месте крутой изгиб, образуя небольшой песчаный плес. Течение вынесло сплавину и ослабевшего мальчика на песок. Он нашел в себе силы отползти в глубь берега, забился в осоку и — потерял сознание.

Утром его заметил пожилой рыбак, пробиравшийся с удочками на ранний клев. Он вытащил мальчика из осоки, потормошил его. Костя не открывал глаз, тяжело дышал.

«Ах ты беда какая! — заохал рыбак. — Малец, кажись, ранен и весь горит!». Гимнастерка на Косте была изорвана в лохмотья. Лицо и

руки исцарапаны, а на спине кровоточила рана.

Рыбак, бросив удочки, убежал в деревню за помощью. Возвратился с двумя женщинами. Они отнесли Костю к фельдшеру на дом.

Фельдшер оказал ему первую помощь. перевязал Косте рваную рану на лопатке. Промыл и смазал йодом глубокие царапины на руках и лице.

Как он попал на берег реки, кто он и при каких обстоятельствах так изранен, фельдшер расспрашивать не стал. Было это бесполезно. Костя сутки не приходил в сознание, бредил, задыхался от кашля и звал Кирилла Митрофановича, Васю, Шахрая, кричал: «Не возьмете! Я прикрою!» — и снова кашлял.

Фельдшер определил у него воспаление легких и горячку. Больницы в деревне не было. Костю отправили в город, за сто верст, поездом.

В поезде он пришел в себя и решил никому не говорить, что он чекист. Во всяком случае до выздоровления. Да и кто бы поверил грязному оборванцу, без документов? Только бы посмеялись...

Доставленный в больницу, он назвал себя Константином Носовым пятнадцати лет, беспризорником, убежавшим из детского дома, указав тот город, где он выслеживал Ворона.

Обрабатывая Костину рану на лопатке, врач извлек из нее небольшой кусочек железа с зазубренными краями и наложил на рану шов.

— Чем это тебя так? — заинтересовался врач.

— Из ружья! Пугнул меня какой-то чудак, думал, что я позарился на его яблоки.

— Из ружья-то из ружья. А чем оно было заряжено? Кусками железа... Действительно стрелял «чудак».

В больнице Костя узнал, что находится в двухстах верстах от своего города. Можно было, конечно, сообщить туда в ГПУ, но Костя не хотел расстраивать Бардина, как-то не подумав, что его могут считать погибшим.

Не сообщил о себе еще и потому, что приближался день выписки из больницы. Костя решил приехать домой без предупреждения. Правда, он немного побаивался, как бы ему не попало за то, что Бардин называл «самоуправством и

самонадеянностью». Полезли с Васей, не подумав, что может случиться, вот и поплатились!

Могло попасть и за утерю парабеллума.

О мальчике с «подозрительным ранением, полученным неизвестно где», сообщили в милицию. К Косте дважды приходил следователь, но и ему ничего добиться не удалось. «Проходил мимо сада, а дядько вдруг выпалил из ружья. Я закричал и свалился в воду. Что было потом, не помню!» — упрямо повторял Костя. Где это было, как называется деревня, он назвать не мог. Не мог же он рассказать посторонним людям, в чужом городе, что в Костянской он пристрелил какого-то бандита. Нет! Об этом надо в первую очередь доложить Бардину.

— Ладно, — сказал следователь, — выздоровеешь, пойдешь в детский приемник. Пусть они с таким беспамятным разбираются!

«Ну этому не бывать! — решил Костя. — Маленько окрепну — сбегу!»

Как будет добираться домой, он еще не представлял.

Костя стал поправляться. Полностью затянулась рана на лопатке, зажили ссадины и царапины. Его стали выпускать на прогулку в больничный сад. Убежать отсюда было бы легко, но как добраться до вокзала в тапочках, нижнем белье и линялом халате?

Утром, собираясь на прогулку, Костя обратился к дежурной сестре:

— Ольга Ивановна, дали бы мне какие-нибудь брюки. Мерзнут ноги, я ведь, наверно, потерял много крови?

Он получил старенькие брюки и шнурок, чтоб их подвязать.

Операция бегства была им проведена за пять минут. В дальнем конце сада Костя спрятал в кустах халат. Выпустил нижнюю рубаху поверх брюк, подвязал ее шнурком и перелез через забор на какую-то глухую улицу. Издалека донеслись паровозные гудки. Костя пошел на их звуки и минут через пятнадцать оказался на вокзале. На перроне увидел работника транспортного ГПУ. Он прошел два раза мимо чекиста, потом на третий задержался и тихо сказал:

— Мне нужно к начальнику! По очень важному делу, — добавил он.

Чекист удивленно посмотрел на мальчика, пожал плечами и прошел в вокзал. Костя за ним.

Начальник, показавшийся Косте знакомым, долго всматривался в Костино лицо, потом улыбнулся.

— А я вроде тебя знаю. Ты работаешь у Бардина?

Костя кивнул головой.

— Я к вам приезжал зимой, искал фотографии...

— Белогвардейских контрразведчиков, — подсказал Костя. — Я их нашел в архиве.

— Правильно, — подтвердил чекист. — Спасибо тебе! Мы по этим фотографиям большое дело размотали. Ты как сюда попал?

— По делу! — не вдаваясь в подробности, ответил Костя. Да и чекист не стал расспрашивать.

— Надолго?

— Нет!

— Помощь какая нужна?

— Отправить меня как можно скорее домой, — попросил Костя.

— Переодеваться будешь?

— Нет! — Костя хотел появиться дома в таком виде. Авось его жалкий вид если не пронесет грозу, то во всяком случае смягчит наказание. А он чувствовал себя виновным и за то, что отпустил ночью Васю, и за свое «самоуправство».

— Есть хочешь?

— Конечно! — обрадованно воскликнул Костя.

В кабинет принесли еду. Костя едва успел поесть, как подошел поезд. Чекисты устроили его в купе проводников мягкого вагона.

Прощаясь, Костя попросил позвонить в больницу, сообщить, что через несколько дней он по почте вышлет захваченные «по ошибке» вещи.

К вечеру Костя был дома.

Часть третья

СЛЕДЫ ТЕРЯЛИСЬ В ЛЕСАХ

На следующий день после возвращения Бардин пошел с Костей на военное кладбище. Сняв фуражки, они молча постояли у аккуратного, обложенного дерном холмика с деревянной пирамидкой, увенчанной красной звездой. На пирамиде металлическая дощечка с выгравированной надписью:

РУБАКОВ ВАСИЛИЙ КУЗЬМИЧ

1908–1922

Боец эскадрона особого назначения ГПУ.

Геройски погиб в схватке с бандой.

О многом передумали они, стоя у Васиной могилы. Бардин — о своем безрадостном детстве, о юнгах ЧК, какими были погибший Вася и чудом спасшийся Костя. «Эх, — думал он, — не детское это дело громить бандитов», — и винил себя за отправку ребят в ту роковую поездку, да еще без оперативного работника, а с глубоко штатским человеком Савиным. «Не уберегли ребят! Ни я, ни Савин!» — повторял он про себя.

А Костя все не мог решить, правильно ли он поступил, не оставшись с Васей. Он задавал этот вопрос и Бардину, и Гулливеру, и другим чекистам. От всех он слышал один ответ: «Правильно!».

— Ты же произвел отвлекающий маневр, — объяснял ему председатель ГПУ. — А то, что Савин не смог прийти вовремя на помощь, вина не твоя.

Все же сомнения не покидали Костю, и он мысленно рисовал себе картину, как бы они вдвоем с Васей отбивались от бандитов до прихода помощи, забывая о том, что Вася был ранен, а вытащить его из-под пуль он бы не смог.

* * *

В Москву Бардин с Костей не поехали. Вступительные экзамены в академию давно закончились, истек и срок поступления на рабфак. В отделе после ликвидации банды «Шмелей» и братьев Никитченко стало относительно спокойно.

Бардин считал, что Костя «после купания» должен отдохнуть и окончательно залечить рану. Поэтому он не поручал Косте никакой оперативной работы, а усадил за разборку разных архивных бумаг.

Через месяц Бардин намечал продолжение Костиных занятий, с тем чтоб за зиму подготовился на последний курс рабфака. Не оставлял своей мысли о поступлении в академию и Кирилл Митрофанович.

— Пропустим, палка-махалка, годик. Ничего нам не станет. Мы еще молодые, особенно ты, — говорил он Косте. — Ну, станешь профессором на год позже. Даже как-то солиднее будет!

После одного такого разговора Бардина вызвали к начальнику ГПУ, а возвратясь от него, Кирилл Митрофанович сказал Косте, что они завтра уезжают.

Куда и зачем, Костя не стал спрашивать. Работа в ГПУ научила его не задавать вопросы старшему, за исключением тех случаев, когда что-то непонятно в приказе.

«Болтовня и праздные вопросы не украшают мужчину, особенно чекиста, — неоднократно учил Костю Бардин. — Будет в том нужда, тебе скажут!»

На следующее утро они встретились на вокзале. Только сейчас Кирилл Митрофанович сообщил Косте:

— Из Москвы пришел приказ: мне временно прибыть в распоряжение Тамбовского ГПУ, для выполнения одного задания, — он улыбнулся, — а ты будешь моим первым помощником!

* * *

В Тамбов они приехали вечером. Их встретил товарищ в штатском костюме, привез на какую-то тихую улочку в стороне от центра города. Здесь у пожилой женщины поселили Костю.

Когда они с Бардиным остались одни, Кирилл Митрофанович сказал:

— Несколько дней тебе придется посидеть дома. Кормить тебя будет хозяйка. Кто ты — она не знает. Если спросит, скажи, приехал сюда поступать в техникум. Что будем делать? Скажу одно: работенка будет интересная. Ну бывай!

Несколько раз по вечерам Кирилл Митрофанович приходил на квартиру Кости. Они вместе с хозяйкой пили чай. Бардин, пощипывая подрастающие усики, рассказывал разные смешные истории и расспрашивал Костю, как он готовится к экзаменам.

В одно из таких посещений Бардин попросил Костю «проводить его до угла». На улице очень скупно рассказал о предстоящей операции и чем они с Костей будут заниматься. Разговаривая, Бардин достал кيسет, свернул сигарку и закурил, что противоречило его твердому убеждению о вреде табака. На Костино замечание: как же это так? — он пожал плечами.

— Мало ли чего приходится делать во вред здоровью? Кроме того, мастеровой человек привычнее смотрится с сигаркой. Да и какое это курево — легкий табачок? То ли дело махра или самосад.

Он сообщил, что в ближайшие дни съедутся все товарищи, назначенные на операцию, и группа начнет действовать. Потом критически оглядел Костин полувоенный костюм и спросил:

— Деньги есть?

— Есть, Кирилл Митрофанович! У меня вся зарплата цела.

— Зарплата, зарплата! Много твоей зарплаты, — пробурчал Бардин. — Возьми, — и протянул Косте деньги. — Сходи завтра на барахолку, купи ботинки, брюки, пиджачок, лучше толстовку и обязательно пеструю кепку. Смотри, чтоб вещи были крепкие, но не новые.

Костюм и ботинки Костя приобрел без труда, а пеструю кепку долго искал на барахолке и в тамбовских магазинах. Наконец нашел. Была она в коричневых полосах по серому фону, чуть великовата и сползала на нос. Похоже, она предназначалась для циркового клоуна.

Кирилл Митрофанович кепку похвалил. «В ней не потеряешься. За версту видно!» Тогда Костя не знал, для чего ему нужно носить такую приметную вещь. Кирилл Митрофанович считал, что особо выделяться чекисту ни к чему, и осуждал товарищей, носивших франтовские желтые сапоги или чрезмерно широкие брюки галифе.

«Нарядился как петух, — говорил он. — Того и гляди, взлетит на забор, закричит: ку-ка-ре-ку!»

Через несколько дней Костю вызвал на улицу какой-то молодой человек и передал записку от Бардина: «Приходи в новом костюме, только кепку спрячь в карман».

Посланец проводил его на другой конец города во двор, заставленный пустыми бочками и ящиками. Они поднялись по темной лестнице на второй этаж. Дверь открыл незнакомый военный и провел в большую комнату. Здесь за столом сидело человек десять в штатских и военных костюмах. На стене висела большая карта Тамбовской губернии, кое-где на ней черные флажки. У карты стояли Бардин и пожилой военный, как узнал потом Костя, начальник Тамбовского ГПУ. Он кивнул Косте головой:

— Садись! — и продолжил прерванный разговор. — Банды как таковой нет, разгромлена...

— Разгромить-то разгромили, а сам Антонов исчез! — заметил один из сидевших за столом.

— Говорят, что убит, а кто утверждает, что бежал за границу... — добавил другой.

— Никуда он не ушел! — сердито оборвал его начальник. — Антонов и его брат скрываются на Тамбовщине. Да, да, товарищи! Не удивляйтесь! Чаще всего братцев видели здесь. — Он указал на три черных флажка южнее Тамбова. — Сведения, товарищи, точные. Получены от верных людей, а вот взять бандитов тем людям было не под силу. Как вы знаете, опытных чекистов у нас мало. Губерния большая, места глухие, население запугано оставшимися кое-где антоновскими одиночками-недобитками. У них братья Антоновы находят приют и поддержку.

Я обратился к товарищу Дзержинскому с просьбой помочь нам и получил ответ...

Начальник отошел от карты к столу. Достал из ящика лист бумаги и прочел постановление коллегии ОГПУ^[25] о выделении в помощь Тамбову нескольких чекистов из соседних губерний и о принятии срочных мер к поимке братьев-бандитов Антоновых.

— Феликс Эдмундович потребовал срочно разработать план операции и представить на утверждение. План мы представили, Феликс Эдмундович его утвердил и добавил: «Посылать донесения о

ходе операции каждые два дня». — Начальник спрятал постановление и пошутил: — Так что, товарищи, поедете из пыльного Тамбова на дачу, в леса. Говорят, там, кроме бандитов, много ягод и грибов, — он улыбнулся и перешел к делу. — Нашим планом предусмотрено создание трех поисковых групп и двух истребительных. Руководство всей операцией поручено начальнику ОББ. Одну из поисковых групп возглавит товарищ Бардин.

Председатель вернулся к карте.

— В этих местах, — он указал на карту, — в районе Тамбова, неделю назад произошли две железнодорожные катастрофы, а третью удалось предотвратить. Причина катастроф одинакова — подрыв рельсов. Видимо, действуют одни и те же люди. Есть некоторые основания предполагать, что это дело рук Антоновых. С планом работы своей группы вас ознакомит товарищ Бардин.

— Задание у нас, товарищи, — начал Кирилл Митрофанович, — очень простое: найти в намеченном для нас районе надежных людей и с их помощью обследовать все уголки, где могут скрываться братья Антоновы, а выявив, действовать по обстановке. В случае невозможности захвата — уничтожить!

А план операции такой: мы разделимся по два человека и выедем в наиболее подозрительные районы, установленные местными товарищами. В районах наших действий, на железнодорожных станциях будут находиться истребительные отряды по четыре-пять человек. Вызов их и вся связь через Тамбов. Как мне связываться с вами — подумаем вместе. Тамбовский адрес, куда посылать сообщения, а также шифры — получите у меня через день-другой. Вопросы есть?

— У меня вопрос, — поднялся широкоплечий белобрысый чекист. — Даже два! Первый: допустим, приеду я в деревню. Не пойду же представляться Советской власти, мол, прибыл из тамбовского гпэу Василий Вихров, рассказывайте все, что вам известно про Антоновых? — Чекисты заулыбались, а Вихров продолжал — Второй вопрос: где будет пункт сбора донесений, как их передавать, через кого получать ваши указания?

— Будут еще вопросы? — спросил Бардин. — Сразу на все отвечу.

— Как быть с оружием? — спросил пожилой чекист.

— Начну с последнего, — поднялся из-за стола Кирилл Митрофанович. — Оружие, конечно, иметь при себе. По возможности не громоздкое. Хорошо кольт. Пушка надежная. Плоский, легко спрятать, перезарядить пять секунд, да и обоймы к нему удобные. Можно бельгийский браунинг третий номер, но он менее надежен, да и прицельный бой из него покороче. Передавать донесения в село Уварово. — Кирилл Митрофанович подошел к карте. — Как видите, это самый центр тех мест, где не раз видали Антоновых. В Уварове по воскресеньям, вторникам и четвергам большие базары. Много приезжих, а в сутолоке чужаки не бросаются в глаза. Потолкаешься среди базарного люда и сунешь записку. Костя! — позвал Кирилл Митрофанович. — Становись сюда! Надень кепку! Вот ему на уваровском базаре будете сдавать донесения и получать задания. Вывеска у Кости заметная! Запомните его?

— Запомним, запомним! Кепочка что надо! Никогда такой не видели! Почтовый ящик — лучше не придумать! — заговорили чекисты.

— Теперь, товарищ Вихров, отвечу тебе на первый вопрос. — Бардин вернулся к столу. — Начальник гпэу уже говорил вам, что по селам народ запуган, что есть еще антоновские недобитки. Все это так.

Но в селах Тамбовщины еще больше верных Советской власти людей. Может быть, мы знаем и не всех, но их много и на них вся надежда в поиске. Кто известен, о тех вам сообщим. С их помощью заведете знакомства с полезными людьми. Самое трудное было найти вам занятие в деревне. Две-три группы поведут мелкую торговлишку вразнос. Ну там иголки, нитки, разный хозяйственный товар: мыло, спички. Наберем полные короба.

— Что же, таскать их на себе? — заволновался Вихров.

— Зачем на себе? Есть лошадки с тарантасами, — успокоил его Бардин и спросил начальника: — Сколько вы сможете выделить упряжек?

— Тарантасов-три, а подвод хоть десятков.

— Значит, решим так: офеней^[26] будет у нас шестеро, по два на тарантас. А остальных тоже по двое пустим на подводах скупать кожи, кости, рога. Заберетесь, товарищи, в самые глубинки. А я с «почтовым ящиком» буду в Уварове. Открою там заведение по ремонту металлической посуды. Пяять, лудить...

— Это надо уметь! Ремонт — не продажа куска мыла! — сказал кто-то из чекистов.

— Я, товарищи, как и вы, не родился чекистом, — ответил Кирилл Митрофанович. — Умею слесарить, а лудил и паял еще в детские годы. Не разучился! Ну, товарищи, думаю, на сегодня хватит! Завтра получите шифры, адреса наших людей и назначения, кому в офени, кому в скупщики сырья.

Чекисты разошлись. Кирилл Митрофанович еще некоторое время обсуждал с начальником ГПУ места, где будут расположены истребительные отряды и куда он направит чекистские группы. Начальник посоветовал поселиться где-нибудь вблизи Уварова.

— В Уварове тебя, Кирилл Митрофанович, завалят заказами. День и ночь будут голову морочить.

— Правильно, — согласился Бардин, — поищем что-нибудь неподалеку, чтоб Косте не трудно было два раза в неделю бегать на базар.

Когда они вышли на улицу, Кирилл Митрофанович сказал:

— Кажется, все! Денек-другой займусь с группами, а через три дня поедем. В пятницу приходи на вокзал к двенадцати часам. Возьмешь с собой полотенце, пару белья. Старый костюм и сапоги

завяжи в узелок и попроси хозяйку побережь. Скажешь, что уезжаешь со мной к тете в Козлов, недельки на три. Ну пока! Встретимся на вокзале.

В пятницу, в половине двенадцатого Костя был на вокзале. Через пятнадцать минут появился Бардин. Но в каком виде... В облезлом кожаном пальто некогда коричневого цвета, в засаленной кепке. Он тяжело хромал. На правой ноге у него было надето нечто из черной кожи, похожее на обрубок слоновьей ноги. Он нес небольшой деревянный сундучок, запертый на висячий замок, и, к большому удивлению Кости, гитару с пышным голубым бантом. Костя посмотрел на гитару и вопросительно перевел глаза на ногу Бардина. Но тот плотно сжал губы и на секунду прикрыл глаза, что было равносильно команде: «Ослепнуть и онеметь».

— Возьми, Костя, инструменты!

Костя взял сундучок и едва удержал его в руке.

— Тяжело? — спросил Бардин. — Ничего, привыкай!

С трудом переставляя свою слоноподобную ногу, Кирилл Митрофанович поднялся в вагон.

«Ногу» Костя рассмотрел позднее, когда они приехали на место и устроились на квартире. Это был кожаный бочоночек овальной формы вершков пяти^[27] высотой и шириной в ступню. Спереди «нога» шнуровалась узким ремешком. До половины бочоночек был наполнен измельченной пробкой, поверх нее лежала стелька. Нога Бардина свободно стояла как бы на ступеньке, а при передвижении он сильно хромал.

Чекисты поселились в небольшом селе Боброво, в трех верстах от Уварова и в четырех от железнодорожной станции Обловки. По рекомендации председателя сельсовета сняли летнюю пристройку у пожилой одинокой женщины. Она варила «мастеровым» обеды и с первых же дней стала приводить заказчиков.

Бобровские хозяйки завалили Бардина заказами. Около избы, где поселились чекисты, выросла куча дырявых ведер, чайников и кастрюль.

Принимая заказы, Кирилл Митрофанович затевал бесконечные разговоры со словоохотливыми хозяйками. Правда, об Антоновых они не упоминали, а если что и говорили, то очень осторожно: «Сгинули бандюги, и слава богу!» или «Наверно, их изловили и расстреляли, как

их помощников Попова, Матюхина и Семирука!». Одна из них, рассказывая, как было страшно на Тамбовщине во время антоновского мятежа, обмолвилась: «У нас было тихо, сюда антоновцы не приходили, а вот в соседнем селе Нижнем Шибряе живет Наташка Касатонова, вдова белогвардейского офицера, она, говорят, невеста младшего Антонова — Димки. Туда братья наведывались часто».

— А теперь? — спросил Бардин.

— Что ты, что ты! — замахала руками заказчица. — Про них теперь и слыхом не слыхать! Да и про то, что раньше было, кто знает? Так, бабы болтали!

Эту обмолвку Кирилл Митрофанович счел важной. Он написал в Тамбовское ГПУ письмо, с просьбой проверить и срочно сообщить ему, что известно о Касатоновой. На следующий день Костя сбегал на уваровский базар. Потолкавшись среди покупателей и продавцов, увидел одного из «офеней». Перебирая на его лотке куски мыла, он оставил письмо и шепнул: «Доставить сегодня же поездом». «Офеня» кивнул головой и «продал» Косте кусок мыла.

Связь заработала. Дня через два на базаре Костя получил ответ из Тамбова. Чекисты писали, что про Касатонову ничего не знают, но сообщение представляет интерес. Известно, что у младшего Антонова была невеста, а где живет и кто такая — сведений нет.

— Что ж, — сказал Бардин. — Поинтересуемся! Говорят, «старая любовь не ржавеет». Может, женишок и объявится около невесты. Надо будет заняться Нижним Шибряем. Тебе, Костик, будут такие задания: первое, выяснить, где там дом Касатоновой, второе, облазить все село, чтоб знать каждый переулочек и закуток. Третье, изучить дороги и тропки вокруг села, особенно те, которые идут к лесу. Четвертое, завести самую тесную связь с сельскими ребятами.

— А что это даст? — с удивлением спросил Костя.

— А то, что ребята знают все, что делается в селе.

Кирилл Митрофанович научил Костю, о чем он должен спрашивать ребят.

— Спрашивай не специально, а так, между прочим, в разговоре. А чтоб бывать в Нижнем Шибряе ежедневно, надо набрать там побольше заказов. Будешь ходить по дворам и собирать самую что ни на есть рвань, и не запрашивай дорого за ремонт, принимай по дешевке. Кроме того, отремонтированную посуду будешь доставлять хозяйкам на дом.

Косте уж не раз случалось бывать в Нижнем Шибряе, находившемся в двух верстах от Боброва. Там он познакомился с подростками, научившими его играть в «бабки». Для покрытия своих проигрышей приходилось покупать «бабки», и случалось, что полученные от заказчиков медяки доставались его партнерам.

— Валяй, проигрывай! Так и должно быть! — поощрял игру, а главное, проигрыши Кирилл Митрофанович. — Ты ведь парень городской, откуда тебе уметь? А то, что неумелого можно пощипать, делает тебя желанным гостем и может развязать языки. Только не будь назойлив.

И Костя продолжал играть, проигрывать и задавать осторожные вопросы.

Вскоре он узнал от ребят много интересного о жителях села, о недавних событиях, о тех, кто ушел с Антоновым и сгинул бесследно. О самом Антонове и его брате ребята повторяли известные слухи: «Убегли до турок или убиты». Кирилл Митрофанович считал: «Ребята мало что знают, а может, ты, Костя, еще не вошел в их доверие».

Сам Кирилл Митрофанович при любой встрече с местными жителями находил предлог для разговоров о гражданской войне, о разгромленной «армии» Антонова и ее исчезнувшем атамане.

По вечерам он выходил на улицу с гитарой и распевал задорные «тульские» частушки. Тотчас около мастерской собирались старшие ребята и девушки. Кирилл Митрофанович доставал угощения: леденцы для девушек и папиросы для ребят, потом заводил разговоры на самые различные темы. В рассказах молодежи иногда проскальзывали слухи о братьях Антоновых. Но они были так осторожны и разноречивы, что проверять их не было ни времени, ни возможности.

После этих бесед Кирилл Митрофанович, ложась спать, говорил:

— Знают не более, чем твои ребята. А если кто и знает, то молчит. То ли боится, то ли сочувствует? Жаль, комсомольцев мало. Раз, два и обчелся! Сходишь завтра в Уварово. Может, наши сообщат что-либо новое.

Костя не очень верил в успех таких поисков. «Пока кто-нибудь не укажет, где скрываются Антоновы, все эти намеки и хитрые

вопросы Бардина ничего не дадут», — думал он, отправляясь за «покупками».

Потолкавшись в торговых рядах и получив два донесения, он купил для Бардина пачку легкого табака и вязку баранок. Выбираясь с покупками из толпы, столкнулся с молодой, красивой женщиной в пестром шелковом платке.

— Мальчик, — остановила она Костю, — продаешь табак?

— Нет. Сам купил!

— Уступи! Заплачу дороже, — попросила женщина, — а ты поищешь и купишь другой. Я бы сама походила, да времени нет. Уступи! — И она ласково погладила Костю по плечу. Он уже был готов уступить свою покупку, но в это время к ним подошла другая женщина и, смеясь, сказала:

— Ты что, Наташа, парня обнимаешь? Смотри, расскажу жениху! Задаст тебе Дима...

Услыхав слова: Наташа, жених, Дима, Костя смутился и отпрянул от женщин в сторону. Они рассмеялись, а Наташа жалобно вздохнула:

— Ах! Где он мой жених? Пропал, как и этот табак! Пошли!

Женщины затерялись в толпе.

Когда Костя рассказал об этой встрече Бардину, он стал спокойно рассуждать:

— Что ж, возможно, эта «красавица», как ты ее описываешь, и есть Касатонова, а может быть, и не она. Мало ли женщин покупают табак мужьям?

— Нет у той мужа! — возразил Костя. Его даже начали злить спокойные рассуждения Бардина. — Ее подруга назвала жениха Димой, а ее Наташей! — чуть не кричал Костя.

Кирилл Митрофанович поднял руку:

— Ты чего расшумелся? Я пока не глухой! Допустим, что ты встретил Касатонову и что она покупала табак не для себя. — Он подумал и спросил: — Видал ты, чтоб местные мужики курили легкий табак?

— Не видал, Кирилл Митрофанович. Значит?..

— Пока ничего не значит! Надо еще выяснить, с кем ты встретился на базаре?

— А если с Касатоновой?

— Тогда это хоть и незначительное, но все же доказательство. Ведь про младшего Антонова, жениха, известно, что он был барчуком. Учился в университете, писал стихи. Будет ли такой курить махорку или «самосад»?

— Навряд ли, Кирилл Митрофанович.

Бардин погасил паяльную лампу и молча заковылял по комнате.

Костя подумал: «Наверно, сейчас решает, как быть, а потом похвалит и скажет: „Все правильно! Нужно действовать!“». Вместо этого, после долгого молчания, Кирилл Митрофанович остановился и неожиданно сказал совсем другое:

— Плохо работаем, Костя! Очень плохо! До сих пор не наладили наблюдения за домом Касатоновой. Даже не знаем, где он!

Это была первая Костина промашка в операции. Кирилл Митрофанович сказал об этом без упрека, но Костя почувствовал себя очень виноватым и не стал оправдываться. Бардин не любил, когда кто-либо начинал ссылаться на разные причины невыполнения задания. «Допустим, — говорил он, — причины серьезные, но дело не должно страдать! Виноват — исправь! Встретились десять препятствий, имей двенадцать способов выйти из положения! Разбей нос, но выполни! А то причины, предлоги, поводы!»

А Кирилл Митрофанович продолжал:

— Может, братцы уже давно у твоей красотки чаи распивают, табачок легкий покуривают? А мы с тобой сидим тут, как слепые котята!

— А что, если вызвать истребителей? — предложил Костя.

— А если Антоновых там не окажется? Напугаем Касатонову, а уж братцы в Шибряе не покажутся никогда! Нужна полная уверенность, что они там! Тогда можно вызывать истребительную группу. А пока ежедневно в Нижний Шибряй!

— Так я там наберу вагон хлама! Когда вы сможете все перечинить!

— Ничего, ничего! Перечиню! Жаль, конечно, что не я сам встречаюсь с заказчиками. Нет-нет, а что-нибудь они и болтнут! Будет попутная подвода, обязательно съезжу в Шибряй.

Кирилл Митрофанович достал листок бумаги и карандашом начертил какие-то линии, а на них нарисовал кружки и крестики.

— Смотри, — показал он, — это железная дорога. Где крестики, здесь были железнодорожные катастрофы. Теперь смотри сюда, — он провел линию от крестиков на юг и поставил точку. — Это Нижний Шибряй, от него до тех мест, где готовили катастрофы, сто верст. Понял?

— Нет, Кирилл Митрофанович!

— Зря! А ты пошевели мозгами, подумай! Будут ли волки драть скот у своего логова?

— Так антоновское логово может быть за сто верст и на север, и на запад от тех мест!

— Может, конечно, может! — согласился Бардин. — Я ведь не утверждаю, что Антоновы скрываются здесь. Может, они и около Тамбова? Но пока многое сходится на Шибряе. — Кирилл Митрофанович начал загибать пальцы. — Во-первых, их видели несколько раз в районе Уварова, а это от Нижнего Шибряя три-четыре версты. Во-вторых, к околице села подходит лес, значит, можно приходить и уходить незаметно. Третье, здесь живет Касатонова, невеста Антонова. Четвертое, во время кулацкого мятежа, поднятого Антоновым, этот район был самым спокойным, поэтому сейчас ни у кого не вызывает подозрений. Стало быть...

— Может, нам туда переехать? — перебил его Костя.

— Э, нет! У Антоновых наверняка есть друзья-приятели. Тотчас же оповестят братцев о пришлых людях. Будем вести разведку отсюда. А тебе будет такое задание: нарисовать план Нижнего Шибряя, грубо, конечно, но так, чтоб на нем можно было указать дом Касатоновой. Где он, постарайся узнать у ребят. Покажут — будешь почаще ходить около него. Постучишься в ворота, спросишь, может, хозяйке нужно что починить, а то просто посидишь, отдыхая под забором. Обследуй все подходы к дому. Случись там Антоновы, их запросто не взять.

* * *

Среди заказов, полученных Костей в Нижнем Шибряе, находились два совершенно безнадежных. Мельничиха дала чайник с прогоревшим дном и обломанной ручкой, а дьячок местной церкви упросил взять в починку заржавленный замок. Когда Костя принес эту

рухлядь, Кирилл Митрофанович только крикнул. Но заказы были из нужного им села, и Бардин принялся за дело.

Провозившись с чайником полдня, он сделал новое дно, приклепал ручку.

— Ай да мастер! Хоть на стол самому царю! — похвастался он своей работой. Ремонт замка оказался проще. Его нужно было только очистить от слоя ржавчины, и он заработал.

С починенными чайником и замком Костя отправился к заказчикам. Обрадованная мельничиха даже руками всплеснула, увидев «новый» чайник. Она уплатила за работу, а пока Костя относил замок дьячку, весть о чудесном ремонте облетела соседней мельничихи. Возле церкви Костю обступили женщины с всевозможной дырявой посудой. Он принял несколько штук, сколько можно было нанизать на веревку, и, пообещав перечинить все за три-четыре дня, пошел, гремя посудой, к выгону. Здесь всегда можно было застать кого-нибудь из его товарищей по игре в «бабки». Чаще всего тут находился главный поставщик слухов и новостей двенадцатилетний Егорка по прозвищу Кочан.

Неподалеку от околицы Костю окликнули:

— Эй, жестянщик!

Он оглянулся. Из-за невысокого дощатого забора выглядывала его базарная знакомка. Она приветливо улыбалась. Синеглазая, румяная, с толстой золотистой косой, уложенной венком вокруг головы, она показалась Косте еще красивее, чем при первой встрече.

— Ах, это ты жестянщик? Вот не знала, что ты такой мастер!

— Я не мастер... только помогаю моему дяде, инвалиду, — смущенно ответил Костя.

— Это кто ж такой! Где вы живете?

Костя рассказал, что живут они в Боброве, что дядя приехал сюда на заработки из Тулы, а его взял себе в помощь и на выучку. Еще рассказал, что он сирота, и зимой уедет в Петроград к тете, и будет учиться на врача или инженера.

— Ах ты мой бедный! — она вздохнула. — Сколько тебе лет?

— Тринадцать, Наталия... Наталия...

— Ивановна, — подсказала она и вдруг настороженно спросила: — Откуда ты знаешь, что меня зовут Наталией?

— Так ведь на базаре ваша знакомая назвала вас Наташей!

— А ты запомнил? — Она успокоилась и была явно польщена Костиным вниманием. — А тебя как зовут?

— Константин. Костя.

— Заходи, Костик, у меня есть кое-что для починки.

Гремя засовом, она открыла калитку и пропустила мальчика во двор.

Из-под крыльца с громким лаем выбежала небольшая собака.

— Найда! Молчать! — прикрикнула на нее Касатонова.

Костя остановился, попятился, делая вид, будто боится идти вперед, и быстро оглядел усадьбу.

Рубленый дом под железной зеленой крышей, окна с резными наличниками и зелеными ставнями, высокое крылечко, застекленное с двух сторон. Перед фасадом дома посажены настурции, бархатцы, матиола.

Вдоль боковой стены, выходящей во двор, густые кусты сирени. Посреди двора, заросшего травой, колодец, около него — две толстые вербы. Справа, в конце двора — небольшой сарай, а за ним, шагах в тридцати — вросшее в землю строение, очевидно банька.

— Иди, иди, не бойся! Собака не кусается! — позвала хозяйка. Они поднялись на застекленное крылечко.

— Посиди здесь, Костик, — пригласила Касатонова, — а я пока поищу посуду.

Она ушла в дом и долго гремела чем-то металлическим, а Костя не терял времени даром, через окна внимательно оглядел двор. Сразу же за ним начинались огороды, тянувшиеся почти до самой опушки темневшего неподалеку леса. Потом стал осматривать крыльцо. Здесь стоял небольшой столик, три табуретки. Справа от двери в деревянной кадке зеленел фикус. У его ствола лежал ершик для чистки оружия. Костя схватил его и тут же бросил. Он был чуть влажный. Щелочь еще не высохла. Значит, пользовались им недавно, чистили оружие, может, даже вчера или сегодня? А вот еще одна интересная вещь! За кадкой, из щели между полом и плитусом, высовывался маузеровский патрон. «Хорошо бы его показать Бардину», — подумал Костя и уже собрался достать патрон, но его позвала Касатонова:

— Заходи, Костик!

Он вошел в кухню. На столе лежал прохудившийся ковшик.

— Нельзя его починить? — спросила хозяйка.

Костя осмотрел ковшик.

— Почему же нельзя, можно!

— А я искала чайничек... да не нашла. Последняя память от мужа, — она нахмурилась и вздохнула.

— А где ваш муж, Наталья Ивановна? — робко спросил Костя.

— Умер! Царствие ему небесное! Убили! — Она перекрестилась.

Кто убил, Костя не стал спрашивать, но Наталья Ивановна рассказала сама:

— Он был военный. Еще в первую войну мой Николаша за геройство получил два Георгия, стал фельдфебелем, а потом прапорщиком. Когда окончилась война, возвратился домой, но уже без погон и без ахфицерского звания. В Красную Армию не пошел, к зеленым^[28] не приставал, а когда в девятнадцатом году появился в наших местах деникинский генерал Мамонтов, Николай надел погоны

и ушел с белыми. В одном бою, тут же, на Тамбовщине, его зарубили буденовцы.

Во время рассказа лицо Натальи Ивановны преобразилось, стало жестоким, а глаза, как показалось Косте, потемнели.

— Да, — сказала она, — несправедливо убили моего Колю буденовцы. Он ведь за свою землю сражался... — и, сердито посмотрев на Костю, замолчала.

«Вот ты какая, — подумал Костя, — настоящая „бандитская невеста“, а я еще сомневался».

Наталья Ивановна еще раз очень подробно расспросила Костю, кто были его родители, когда умерли. Так же подробно Костя рассказал о своем «дяде-инвалиде». Расспрашивала Касатонова дотошно, и, если бы у Кости не было заранее приготовленных и заученных легенд на себя и на Бардина, он бы сбился.

Видимо, убедившись в благонадежности «жестянщиков», Наталья Ивановна предложила пообедать с ней и спросила:

— Где будем кушать? Здесь или в столовой?

По тому, как был задан вопрос, Костя понял, что ей хочется похвастать своим жильем, и согласился на столовую.

Это была уютная горенка с цветами на двух окнах, небольшим застекленным буфетиком, столом, покрытым клеенкой, и несколькими стульями. В углу на тумбочке стоял граммофон с большой никелированной трубой. С потолка свешивалась керосиновая лампа под стеклянным цветным абажуром с бисерными висюльками.

Костя стал оглядывать комнату, а Наталья Ивановна со словами «Что ж я веду пустые разговоры!» набросила на стол скатерку, поставила тарелки и хлебницу. «Ты, Костя, нарежь хлеб. Это дело мужское», — она вздохнула и вышла на кухню.

Через несколько минут вернулась и поставила на стол большую кастрюлю с жирными щами.

«Интересно, сколько дней она собиралась есть этот котел? — думал Костя, отдавая дань вкусным щам. — Тут, наверное, пятерым мужикам хватит».

За обедом хозяйка говорила без умолку. Она несколько раз спрашивала, нравится ли ее «квартира» и вздыхала:

— Ах, мой Николаша так любил, чтоб все было по-благородному, по-ахфицерски...

Костя делал вид, что все это ему необычайно интересно, а про себя думал: «Сколько же этот Николаша красноармейцев загубил? Об этом она небось не скажет».

В тот день удача шла ему навстречу. После обеда Касатонова привела его в соседнюю комнату. Это была спальня с городской никелированной кроватью, горой подушек, подушечек и «думок», аккуратно сложенных на пестром, нарядном покрывале. Из окна, на котором тоже стояли цветы, видны были огороды и подступавший к ним лес. Костя подошел к окну и понюхал кустик цветущей герани. В горшке лежало несколько окурков, до половины вдавленных в землю. «Какая же хозяйка бросит окурки в цветочный горшок? — удивленно подумал Костя. — Значит, курила не она!» И, чтоб скрыть свое удивление, похвалил цветущие кустики.

— Нравятся?

— Очень! — воскликнул Костя.

— Правда, у меня хорошо?

— Хорошо!

— Знаешь, Костик, весной я открываю окно, лежу в кровати и слушаю соловьев. Всю ночь, веришь ли, глаз не сомкну. Так умильно, так на душе привольно! Иногда даже слеза прошибает.

Костя глядел на нее и думал: «Такая молодая, красивая женщина и вдруг невеста лютого бандита. А может, это неправда и все наболтали деревенские кумушки? Ведь и тамбовские чекисты сведений о ней не имеют?».

Настораживали высказывания Натальи Ивановны о том, что «Николаша сражался за свою землю», и злобное выражение лица при упоминании о буденовцах, а слова «жених Дима», услышанные на базаре, настойчивые просьбы Касатоновой продать ей табак и, наконец, большой котел со щами, окурки и маузеровский патрон заставили думать, что Бардин не зря уделяет внимание дому Натальи Ивановны.

Костя попрощался с хозяйкой и, бряцая посудой, зашагал к выгону.

Здесь шла игра. Разлетались от метких ударов «бабки», шумели игроки, а громче всех Егорка Кочан. Костя проиграл двадцать две копейки. Для деревенских ребят это были «агромальные» деньги. За

игрой Костя узнал последние деревенские новости: кто что купил, кто с кем подрался, где гнали самогон и у кого отелилась корова.

Большая часть Костиного проигрыша досталась Егорке Кочану. Чувствуя себя немного виноватым, он предложил:

— Давай, Костя, подмогу. Эвон сколько набрал посуды-то!

Вместе они дошли до переправы через речушку Шибряйку, выкупались, и, лежа на песчаном берегу, Костя завел с Егоркой разговор о войне и об антоновских бандах. Кочан, шмыгая носом, насочинял про сотни сражений, чего, наверно, не было за всю гражданскую войну в России. Чего только не было в его рассказах.

— На этом берегу сам Буденный рубился с Деникиным! — фантазировал Егорка. — А уж пушек было!..

Он закрывал глаза, повторяя: «Без числа и краю!» — еще долго разглагольствовал о битве на берегу речонки. По его словам, здесь часто бывали Александр Степанович Антонов с братом.

«Врет, бахвалится Кочан, — подумал Костя, — в гэпэу знают, что антоновцы здесь не бывали», — Костя недоверчиво улыбнулся.

— Ты что? Не веришь мне? — распалился Егорка. — Их все село видело, и не раз! Я тоже видел, — добавил Егорка и перекрестился.

Он произнес это с такой убежденностью, что Костя поколебался: «А вдруг Кочан не врет? Надо задать такой вопрос, чтоб не вспугнуть Егорку». Он немного подумал и, стараясь казаться равнодушным, спросил:

— Страшный?

— Не! Абнаков-е-е-нный! Что он, что брат его, Дмитрий Степанович. Он тощий да чернявый, а брат русой да, как бы тебе сказать... потолстей будет.

— А ты, Егорка, не врешь?

Кочан презрительно шмыгнул носом.

— Вру! Чего бы мне врать-то? Я их в упор, как тебя, видел и тогда, и сейчас...

От волнения у Кости перехватило дыхание, и он воскликнул:

— Как это сейчас?! Их же убили? Сейчас ты их можешь увидеть только во сне!

— Во сне, во сне! — рассердился Егорка. — Убили, тоже скажешь, уби-и-ли! Таких убьешь, — и, переходя на спокойный деловой тон, сообщил — Знаешь, сколько у них ливорвертов и бомб?

Ого! Что Александр Степанович, что Дмитрий Степанович, когда идут из леса, в каждой руке по ливорверту! Убьешь их! Акромя того, оба они заговоренные!

Егорка стал плести всякую ерунду о заговоре от пуль, бомб и сабель. Костя прервал его:

— Ты сам видел, как они шли из лесу?

— А то нет! Говорю, видал, как тебя вижу! Утром дело было, ден десять назад. Я горох драл, гляжу — идут! Ливорверты держут, по сторонам поглядывают. Мне некуда деться! Побежишь — стрельнут. Ну, я поздоровался. Здравствуйте, — говорю, — Александр Степанович!

— А он? — не вытерпел Костя.

— Он не ответил, только зыркнул на меня, а Дмитрий Степанович и говорит: «Здравствуй, да помалкуй!» — и пригрозил мне ливорвертом, во-от таким. — Егорка развел руки на ширину своих плеч.

Костя подумал: «Самое время начать допытываться. Но как?» — И он задумался, не находя нужных вопросов.

— Ну, чего молчишь? — не вытерпел Егорка. — Не веришь?

— Верю, верю! Я подумал... — Костя мечтательно вздохнул. — Эх, никогда не видел живого атамана... Вот бы посмотреть на Антоновых...

Они помолчали. Вдруг Егорка спросил:

— А что дашь, если покажу тебе Антоновых?

— Когда? — обрадовался Костя.

— А это уж как придется! Придут — скажу, а ты уж сам подглядывай!

— Хочешь перочинный нож? Любой из уваровского магазина, — предложил Костя.

— Есть там один... — размечтался Егорка, — только ты его не купишь! Восемь гривен ему цена! Откуда у тебя такие деньги!

Костя клятвенно заверил его, крестясь на видневшийся отсюда крест шибрайской церкви, что деньги у него есть, целых три рубля, на покупку коньков. Но до зимы далеко, и он сможет накопить, а вот увидеть Антоновых — такое когда еще случится. Договорились, когда появятся Антоновы, Егорка придет в Боброво и получит стоимость ножа, а сверх того еще двугривенный за «пробежку». Они обменялись

с Егоркой обещаниями молчать «до гроб — сырой земли». В подтверждение клятвы, Егорка заставил Костю съесть кусок земли.

Костя полученное от Егорки сообщение считал главной удачей дня и думал, что Кирилл Митрофанович будет доволен, когда услышит, что рассказал Кочан. Но к его удивлению, Бардин пропустил мимо ушей Егоркино обещание, зато ершик, патрон и окурки в горшке с цветами его заинтересовали.

— Ты ничего не трогал? — спросил он.

— Хотел подобрать патрон, но мне помешала хозяйка, а ершик я потрогал, он чуть влажный, еще не высох, значит...

— Значит, пользовались им недавно, — подтвердил Костину мысль Бардин. — А то, что не взял патрон, хорошо. Зачем он мне? Я тебе на слово верю. Где стоит кадка с фикусом?

— Как войти, справа.

— Все правильно. Когда гость пришел, то сразу разрядил пистолет, а маузеровские патроны скачут шага на два-три вправо. Пришел он, наверно, вечером. В темноте не стал искать патрон, а утром позабыл или поленился шарить по углам. Касатонова при тебе не курила? Дымом в комнатах не пахло?

— Я не очень приняховался. Пахло борщом и свежим хлебом. Да и не будет хозяйка совать окурки в цветочные горшки!

— Ишь ты какой Шерлок Холмс! — улыбнулся Бардин. — Правильно заметил. Значит, курили гости, — заключил он и стал расспрашивать про усадьбу Касатоновой. Потом сказал — А теперь, палка-махалка, подытожим сегодняшний день. Проиграл ты двадцать две копейки, потерял времени с Егоркой около часа. Но выиграл больше: набрал заказов, побывал в доме у Касатоновой, увидел не хозяйские вещи... Пожалуй, день для нас с прибылью.

— А Егорка? Вы считаете, что он...

— Гм, Егорка, — пожал плечами Кирилл Митрофанович. — Он, может, и слышал что-то... только чересчур много тебе наобещал. Я бы, на его месте, сегодня же прибежал, получил с тебя целковый, а завтра сказал: «Были, да пока я сюда-туда бегал, ушли в лес...». Словом, на Егорку надейся, а сам смотри в оба. Сейчас все наше внимание на усадьбу Касатоновой. Ты когда обещал ей принести ковшик?

— Завтра.

— Пойдешь завтра и скажешь, что у нас кончилось олово, а ковшик сможешь принести через два дня. Будет предлог сходить к ней дважды. Постарайся побывать в доме, может, заметишь еще что-нибудь интересное.

На следующий день, ближе к полудню, Костя отправился в Нижний Шибряй. На полпути, у мостика через Шибряйку, его встретил запыхавшийся Егорка и, хотя вокруг никого не было, зашептал:

— Пришли! Оба пришли! Ей-богу! Вчера, как темнеть стало, погнал я с ребятами лошадей в ночное, вдруг вижу, Касатониха на ночь глядя топит баню. Значит, ждет гостей. Они завсегда, как приходят из леса, сразу в баньку. Гостюют у ней день-другой, наберут харча и айда обратно в лес. Когда на неделю, а когда и на больше. Ну, я от ребят поотстал, свернул к лесу и стал пасти коня на опушке. Пасу и слушаю. Вдруг хруст, хруст — идут! — Егорка оглянулся и, округлив глаза, продолжал: — Выходят оба неподалеку от меня. Постояли, огляделись. Меня вроде не заметили. В руках ливорверты. И пошли напрямик, через конопляники ко двору Касатонихи.

— Может, не они? Может, другие? — подозрительно спросил Костя.

— Другие! Другие к Касатонихе не ходят, — обиделся Кочан. — Что я, их не узнал, что ли? Они оба в френчах зеленых!

— Как же ты в темноте разглядел, что они во френчах, да еще в зеленых, — усомнился Костя и, вспомнив слова Бардина, подумал: «Похоже, что Кирилл Митрофанович был прав, не поверив в Егоркин рассказ. И впрямь болтун этот Кочан».

— А луна на что? — всерьез разволновался он. — Ты думаешь, мне твой нож нужен? Я тебе по дружбе, а ты...

— Не волнуйся, нож ты получишь. Но как мне подобраться к дому Касатоновой и подглядеть атаманов?

— Тут я тебе не советчик. Подглядишь — твоя удача, нет — и суда нет! — все еще сердился Егорка, но посоветовал: — Подглядывай, да с опаской! Они ведь не посмотрят, что ты малец, пальнут и... вся недолга! Да про нож не забудь!

— Завтра встретимся в Уварове, у магазина, — пообещал Костя. Они договорились идти в Шибряй порознь. Егорка убежал, а

Костя неторопливо пошел в деревню и, минуя дворы заказчиков, не без страха постучал в калитку Касатоновой.

Залаяла собака. В доме хлопнула дверь, но к калитке никто не подходил. Он постучал снова. Собака надрывалась от лая, Костя продолжал стучать. Наконец снова хлопнула дверь и кто-то спустился по скрипящим ступеням лестницы.

— Тихо, Найда! На место! — сердито крикнула Касатонова и спросила: — Кто там? Что нужно?

— Это я, Костя!

— А-а! Ковшик принес? — Касатонова разговаривала, не открывая калитку.

Костя рассказал ей про олово и пообещал принести ковшик завтра к вечеру.

— Завтра, Костик, не приноси. Меня не будет дома. Поеду к куме в Балакино. Туда сорок верст, обратно сорок. Приеду послезавтра, к вечеру. Да ты не торопись, мне ковшик не к спеху. Приходи через три дня! Прощай!

Чтобы не вызвать подозрений, Костя медленно прошелся по улице, отнес починенные кружки, взял в ремонт помятое дырявое ведро и зашагал домой. Только тогда, когда крыши деревни скрылись из виду, он припустил бегом. В том, что бандиты у Касатоновой и пробудут там не менее двух дней, Костя не сомневался.

* * *

Выслушав взволнованный рассказ Кости, Кирилл Митрофанович весь как-то подобрался.

— Что ж, надо рискнуть и вызвать истребительную группу. Они или не они, а какие-то гады у твоей красотки прячутся. — Он помолчал, посмотрел на Костины запыленные ноги. — Устал?

— Не очень, — ответил Костя, хотя чувствовал, что ноги у него, словно деревянные, особенно раненая.

— Отдыхай! Впереди у тебя трудная ночь!

Костя подумал, что Бардин решил вдвоем с ним задержать Антоновых, и спросил:

— Будем брать, Кирилл Митрофанович? А как же... мы без оружия?

— Найдется кому их взять! А оружие у разведчиков не в кобуре или за поясом, а здесь! — Бардин похлопал себя ладонью по лбу. — Наша задача была выследить, поставить петлю и дать команду затянуть ее. А оружие... Да и что бы мы с тобой сделали, будь у нас хоть по пулемету? Таких волков надо облавой брать, чтоб были и загонщики, и стрелки.

— А кто же мы? — Косте очень хотелось быть «стрелком» или, на худой конец, «загонщиком».

— Мы?.. Мы, палка-махалка, окладчики. Слышал про такую охотничью профессию? Окладчик — само слово говорит за себя. Окладывает, окружает зверя, а до этого выслеживает его, устанавливает логово и указывает, откуда начинать загон и где стоять стрелкам. Словом, самая точная разведка. И чем точнее она, тем вероятнее успех охоты.

— А где же загонщики и стрелки? Кто их оповестит и расставит?

— Ты! — И, видя Костино удивление, Бардин объяснил — Все очень просто. Сегодня ночью пошлем телеграмму в Тамбов. Часа через три-четыре ближайшая к Нижнему Шибрю истребительная группа прибудет на место. Ты ее встретишь, поведешь и укажешь подходы к усадьбе Касатоновой. Остальное сделают они сами, а в случае удачи мы с тобой через два дня будем дома. Сейчас поешь и ложись спать. Как стемнеет, тебе на телеграф топать.

Они посылали свои телеграфные донесения не со станции Обловка, а с дальней, находившейся в восьми верстах. Обловский телеграфист, прослышав, что в Боброве объявился приезжий гитарист, часто приходил к Бардину, вел надоедливые разговоры на «музыкальные» темы. Телеграммы, хоть зашифрованные и отправляемые чекистами в Тамбов по разным адресам, могли вызвать у него интерес. Поэтому Косте приходилось ездить до следующей станции и возвращаться обратно поездом. Пассажирские поезда останавливались в Обловке редко, то же было и в обратном направлении. Отправка телеграммы обычно отнимала целый день. Лишь изредка у Кости случалась удача и он доезжал до места на площадке товарного вагона, но тогда на станциях приходилось соскакивать на ходу, а это запрещал Бардин.

Когда стемнело, Кирилл Митрофанович разбудил Костю:

— Пора, палка-махалка! Уже восемь часов. Хо́да тебе часа два-два с половиной.

Он дал Косте текст телеграммы и деньги.

— Отправишь, до света посиди в зале ожидания или в привокзальном скверике. Там тебя найдут оперативники. Будешь подчиняться старшему. Не торопись, иди спокойно. Обойди лесом Уварово и станцию Обловку, а потом выходи на железную дорогу. Так будет чуть подальше, зато спокойнее: никто тебя не встретит и не станет спрашивать. Не заблудишься в лесу?

— Нет! Сколько раз ходил...

— Ходил! Ты же днем ходил, а не ночью. Да еще все небо заволгло. Как бы тебя гроза не нагнала!

— Дойду, не раскисну!

Кирилл Митрофанович протянул Косте пакет в газетной бумаге.

— Вот тебе мясо и хлеб. Пожуеть в лесу, глядишь, веселей станет и темнота не так страшна покажется! — Он немного помялся, потом спросил: — Не боишься?

Чего греха таить, было Косте страшновато. Но он, храбрясь, принял этакий залихватский вид и грубовато ответил:

— Подумаешь! Что я, маленький, чтоб темноты бояться?

Кирилл Митрофанович строго посмотрел на него, покачал головой.

— А ты и впрямь маленький! Конечно, с тобой ничегошеньки не случится, что с тебя взять? А телеграмма, а задание? Ты за них бойся. Вдруг попадетя тебе какая-нибудь шпана да из озорства избобьет так, что ноги не уволочишь, что тогда? Не маленький! — передразнил он Костю и открыл свой сундучок. Порывшись в инструментах, достал плоский сверток, завернутый в промасленную тряпку. — Возьми!

Костя осторожно развернул тряпку. В ней лежал его браунинг.

— Куда спрячешь? — спросил Бардин.

Костя несколько раз вложил за пояс и вытащил пистолет.

Бардин назвал пароль, с которым обратятся истребители, и Костин отзывает. Напоследок строго наказал:

— Если что случится и тебя заберут милиционеры, не говори, что ты сотрудник гэпэу. Требуи свидания с начальником, а уж ему, с глазу на глаз, можно открыться, но не рассказывать, что ты делаешь в этом

районе. Помни об одном, что от того, как ты выполнишь сегодняшнее задание, зависит вся операция.

Когда Костя уже стоял на пороге, Бардин дал ему последние указания: уходить из деревни через огороды, если кого встретит, сразу же вернуться и пойти вторично, когда станет совсем темно, а насчет оружия спросил:

— Помнишь памятку?

«Памятку чекисту» Костя знал наизусть, особенно параграф: «Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность».

Самой важной он считал конец памятки: «Храни как зеницу ока данные тебе поручения». А от себя добавлял: «Даже тогда, когда тебе угрожает смерть!».

Никого не встретив, огородами, цепляясь ногами за огуречные плети и картофельную ботву, Костя выбрался в поле и едва различимой тропкой зашагал к мостику через Шибряйку.

Было очень темно. Где-то далеко перекатывался гром, изредка на горизонте вспыхивали отблески молний. Сразу за мостиком начинался лес. По его опушке вилась дорога, то уходя в глубь леса, то снова возвращаясь на опушку. По этой дороге можно было, минуя село Уварово, выйти к железной дороге севернее станции Обловки. Дорога была Косте малознакома. Ходил он по ней раза два и, конечно, не мог запомнить все ее повороты, да и сама дорога скорее угадывалась, чем виднелась. Шел он довольно долго, по его расчетам, пора было уже сворачивать к железной дороге. Чуть шумели деревья, кричала какая-то ночная птица. Перекаты грома стали чаще и ближе. «Нагонит гроза», — подумал Костя и в это время услышал далекий свисток паровоза. Но почему справа, когда железная дорога должна была находиться слева? Не задумываясь, он сошел с дороги и стал пробираться негустым лесом направо. Вдруг неподалеку раздался шорох, треск сухих веток и болезненный крик какого-то животного. Похолодев от ужаса, Костя прижался спиной к дереву и вытащил браунинг. Крик повторился еще один раз и, переходя в стон, затих. Костя стоял, сжимая пистолет, но если бы пришлось стрелять, то только в упор, за два шага от себя он ничего не видел. Успокоившись, он подумал, что ночным разбойником, очевидно, была лиса, подхватившая спавшего зайца. О волках, водившихся в здешних лесах, он не думал. Из прочитанных книг знал, что волки охотятся стаями и

на открытой местности, а кто-то в деревне рассказывал: «Волки летом на людей не нападают». Он стал прислушиваться, но, кроме однотонного шелеста листьев, ничего не слышалось. Попробовал определить по более мшистой стороне стволов, где север. Но деревья попадались с чистыми стволами или одинаково со всех сторон мохнатые. Конечно, при свете это выглядело бы совсем по-другому. Костя ругал себя за то, что не взял у Бардина зажигалку или спички. И тут к нему пришла догадка — звук свистка, донесшийся до него, вероятно, был эхом.

«Не могла же дорога очутиться справа от меня, — подумал Костя. — Я же ее нигде не пересекал. Заблудился! Куда теперь идти?»

Внезапно поднялся сильный ветер, зашумели деревья, близко сверкнула молния и раздался громовой удар. В лесу стало еще темнее. Со следующим ударом хлынул дождь. Прошло несколько минут, и костюм на Косте намок. Не помогли и кроны деревьев. Зато при частых вспышках молний он легко определил по стволам, где север.

Гроза не утихала, от сильного ветра ломались и падали, грозя проломить голову, огромные ветви. Костя знал, что стоять под деревом во время грозы опасно, и все-таки прижался к стволу ветвистого дерева. От дождя оно не укрывало, а от падающих ветвей могло уберечь.

Гроза постепенно уходила в сторону. Раскаты грома становились глуше. Дождь еще шел, но все слабее и слабее. В мокрой одежде стало холодно. Нужно было двигаться, и он пошел, стараясь не уклоняться от намеченного направления. Наконец дождь прекратился, стало тихо. Не слышно было даже шепота листьев.

Несколько раз в просветы туч проглядывала и снова открывалась луна. И вдруг Костя услышал далекий волчий вой. Не успел он оборваться на высоком тоскливом звуке, как где-то позади завыл другой, а когда замолк этот «певец», сразу завыли еще два. Вой несся со всех сторон. Косте даже показалось, что он видит светящиеся волчьи глаза. Оставался выход: «Быстро на дерево!». Он бросился к ближайшему дереву, протянул руки к толстой ветви и... полетел в какую-то пахнущую гнилью воду, коснулся ногами дна и выпрямился. Вода доходила ему до груди. Выглянувшая на миг луна осветила всю «ванну». Это была яма, раза в два шире Костиных плеч. Вылез он из нее легко и тотчас забрался на дерево. Уселся на развилке между двух

толстых сучьев, прислонился к стволу и вдруг обнаружил, что нет браунинга. Он отчетливо помнил, что до «купания» заложил его за пояс. Значит, лежит он где-то около дерева или на дне ямы. Сейчас луна светила уже все время и была хорошо видна земля под деревом. Браунинга не было. На поверхности воды плавала Костина кепка да изредка вздувались и лопались пузыри. Волчий концерт не стихал. Костя снял ботинки, спустился с дерева и осторожно погрузился в воду. Нащупав ногами браунинг, быстро окунулся с головой, схватил пистолет, кепку и через несколько секунд, дрожа от холода, весь облепленный какой-то слизью, уже сидел на развилке. Ствол браунинга был забит грязью, да и его механизм был, наверное, не в лучшем состоянии. Кое-как палочкой он очистил и продул ствол, но протереть его было нечем. Ни на нем, ни вокруг него не было ничего сухого.

Костя просидел на дереве довольно долго и крепко замерз. Постепенно волчий вой стал удаляться, а когда он совсем затих, Костя спустился на землю и быстро зашагал на север, ориентируясь по деревьям. Он вышел на какую-то тропку, пошел еще быстрее, согрелся, и ему захотелось есть. Сверток в кармане превратился в липкий, дурно пахнущий комок, и Костя выбросил его, не разворачивая.

Густой лес постепенно перешел в мелколесье, послышался далекий перестук поездных колес и пение петухов. Костя побежал на эти звуки. Петушиные крики раздавались все ближе, и вскоре тропа вывела его на широкую просеку. Он бежал в густом, стелющемся по земле тумане, не видя дороги. Падал, подымался, а впереди заливались петухи. Косте казалось, что никогда он не слышал более приятного пения. Их голоса вывели его к полотну железной дороги.

В белесом рассвете, примерно в полуверсте, смутно вырисовываясь на фоне неба, виднелась водонапорная башня железнодорожной станции.

Собрав последние остатки сил, Костя перебрался через насыпь, и, спотыкаясь о шпалы, побежал к станции.

Станционный зал ожидания, еле-еле освещаемый керосиновой лампой, был полон пассажиров, спавших на скамьях и на полу. Стараясь не наступить на лежавших и спотыкаясь о многочисленные узлы, Костя добрался к закрытому окошку с надписью над

ним: «Телеграф». Пришлось долго стучать, пока дверка открылась. Показалось заспанное усатое лицо телеграфиста, и он, зевая, спросил: «Что нужно?».

— Отправить телеграмму. Срочную!

— Срочную, срочную! Несет вас, чертей, как на пожар! — ворчал телеграфист. — Не мог подождать? Давай телеграмму!

Костя протянул ему бумагу с написанным текстом. Она вымокла, чернильные строки размазались и потекли. Телеграфист повертел ее в руках:

— Черт ее разберет, что в ней намаракано! Перепиши! — Он вернул Косте бумажку и закрыл дверку.

Костя снова стал стучать. Разбуженные его стуком, начали ворчать пассажиры. Наконец окошко открылось, и телеграфист, ругаясь, закричал:

— Давай телеграмму!

— Дяденька, — взмолился Костя чуть не плача. — У меня нет бумаги. Я пришел издалека. Всю ночь шел...

Продолжая ругаться, телеграфист протянул листок бумаги и дал Косте чернильницу с привязанной к ней на веревочке ручкой. Ржавым пером кое-как печатными буквами он переписал текст. Телеграфист взял телеграмму, посчитал слова:

— Шестьдесят пять копеек.

Костя полез в карман... Но где же деньги? Его бросило в жар... Бумажного рубля, полученного от Бардина на телеграмму, не было. Не веря себе, он вывернул оба брючных кармана. Носовой платок, перочинный нож на шнурке, прикрепленном к ремешку, а денег нет. Вероятно, рубль прилип к намокшему бутерброду и он его выбросил вместе со свертком. Сердце на миг остановилось...

— Давай, давай деньги! — торопил телеграфист.

— Дяденька, дяденька... у меня... я... потерял деньги... Сегодня днем я все заплачу! Дяденька, возьмите от меня в залог эту вещь! — Костя протянул ему свой отличный, отделанный никелем и перламутром перочинный ножик.

— В залог, в залог! — гремел телеграфист, даже не желая посмотреть на нож. — Я тебе сейчас так заложу, забудешь, как зовут! — И он захлопнул окошко.

Костя постоял еще некоторое время, сознавая всю непоправимость случившегося, и, выйдя на перрон, не смог сдержать слезы. Плакал, ничуть не стесняясь своих шестнадцати лет.

Ожидавшие прихода поезда пассажиры даже не смотрели в его сторону, а если кто и поглядывал, то с опаской, как бы он не подхватил близлежащий узел и не бросился наутек. В этом не было ничего удивительного. Мокрый и грязный, Костя был похож на беспризорника. Сотни их скитались по Тамбовщине, попрошайничали и воровали на станциях и базарах.

Косте было обидно сознавать, что из-за его небрежности может быть провалена тщательно подготовленная операция, о которой через день сообщат в Москву Дзержинскому. Он снова вспомнил памятку и строку в ней: «Хранить как зеницу ока данные тебе поручения...».

«А я? Как отнесся к важному заданию? Как оправдаюсь перед Кириллом Митрофановичем и перед тамбовскими чекистами?» — всхлипывая, думал Костя.

Как исправить свой промах? Все еще продолжая всхлипывать, он стал гадать, где и как достать денег. Всего-то шестьдесят пять копеек. Заработать, но каким образом? Или днем отправиться в ближайшее село на базар и продать подаренный ему Кириллом Митрофановичем перочинный нож с тремя лезвиями, штопором, шилом и еще какими-то хитрыми загогулинами неизвестного назначения? Нож стоил рубля три и продать его было бы легко за рубль. Но Костин вид немедленно вызвал бы подозрение, что нож краденый. Назвать себя он не имел права. Пока в милиции будут вести проверку, уйдет время, а без него у Бардина нарушится связь с Тамбовом, что же делать? А время шло. Часы на перроне показывали уже пять часов. Грохот прибывающего поезда прервал Костины горестные размышления. Пассажиры, подхватив свой багаж, толкаясь, бросились к голове и хвосту состава, к вагонам-теплушкам. На какое-то непродолжительное время перед зданием вокзала, где остановились плацкартные вагоны, стало пусто и тихо.

Из мягкого вагона спустился по ступенькам высокий военный в тапочках на босу ногу, в гимнастерке без ремня, с небольшим чайничком в руке. Грудь его украшали два ордена Красного Знамени, а на петлицах гимнастерки поблескивало по одному ромбу^[29]. Оглядев перрон, он направился прямо к Косте.

— Чего плачешь, хлопец? Обидел кто? — участливо спросил он с сильным украинским акцентом.

Костя молчал, а слезы текли и текли, оставляя полосы на его грязных щеках. От ласкового обращения он стал всхлипывать еще громче и низко опустил голову.

— Есть хочешь? Возьми! — военный достал несколько медных монет. — Бери, бери, не стесняйся!

Тут у Кости внезапно мелькнула мысль: «А что, если попросить у комбрига денег на телеграмму? А еще лучше, чтоб он сам ее отправил». Поколебавшись, Костя решил: «Была не была — рискну! Расскажу про багаж и попрошу шестьдесят пять копеек».

«На всякий случай» у Кости был подготовлен вполне правдоподобный рассказ о тете, которой отправили багаж. Если комбриг не поверит, что ж, придется рассказать ему правду. Такой товарищ, конечно, не станет болтать, а если об этом здесь никто не узнает, то признание не сорвет операцию.

Пока Костя молча обдумывал свое решение, военный, протягивая ему деньги, настойчиво повторял:

— Бери гроши и скажи, где тут кипяток?

— Товарищ комбриг, мне нужно срочно отправить телеграмму, а деньги... я потерял. Если не верите, отправьте сами, я скажу, куда и что написать, времени хватит, поезд стоит здесь долго, пятнадцать минут, времени хватит, — стал торопливо излагать свою просьбу Костя, но комбриг прервал его:

— Та не таракти! Ничего не пойму! Зачастил, як той пулемет! Куда телеграмму?

— В Тамбов, срочную, за нее нужно уплатить шестьдесят пять копеек, — опять заторопился Костя.

— О чем депеша, кому?

Костя рассказал ему о больной тетке, которой вчера отправили вещи, но забыли дать телеграмму, и что он всю ночь шел лесом из деревни и вот... потерял деньги...

— Опять затарактел, раз-зя-ва! — остановил его комбриг. — А ты не брешешь, не шуткуешь?

— Честное комсомольское слово, правда, товарищ... — и слезы снова потекли из Костиных глаз.

— Ну, ну! Верю! Пошли на телеграф!

На телеграфе Костя протянул комбригу измятую бумажку с текстом: «Тамбов Лебедянская 8 Соколовой выслали вчера все вещи квитанция два ноль семьдесят восемь точка Павел». Этот шифр читался так: «Оба бандита вчера появились в Нижнем Шибряе. Бардин».

Все села Тамбовщины шифровались номерами. Шибряй значился под номером семьдесят восемь.

Комбриг постучал в окошко телеграфа, попросил бланк и написал телеграмму. Неприветливый к Косте телеграфист, даже не желавший выслушивать его клятвы о потере денег, улыбаясь, принял телеграмму от комбрига и заверил, что «сейчас же отобьет ее в Тамбов и что через час ее получит супруга командира».

— Ну, хлопец, — протягивая квитанцию, сказал комбриг, — если ты не сбрежал, то все в аккурате. А теперь покажи, где тут кипятилок: моя хозяйка заждалась чаю.

Не веря в свою удачу, Костя сказал комбригу, что он его просто спас.

— Ну, ну! — улыбнулся комбриг. — Какое ж это спасение? Товарищеская выручка, а ты — «спас»!

Пока он набирал кипятилок, Костя все думал, чем бы его отблагодарить. Не найдя нужных слов, он достал свой ножик и протянул его комбригу.

— Это еще что? — удивленно спросил комбриг.

— Это... это вам за выручку! Я буду очень обижен, если вы его не возьмете.

Комбриг взял ножик, осмотрел его и, покачав головой, вернул.

— Хорошая вещь! Дорогой ножик! Спасибо тебе, только я его не возьму. Ты сказал, что я тебя обижу, если не возьму подарок, а сам хочешь обидеть меня. Я коммунист, ты, наверно, комсомолец, я тебя выручил — другим разом ты выручишь меня. Мы с тобой люди советские, и не дело нам за товарищескую помощь подарки принимать. Понял? — И, протянув Косте руку, спросил: — А звать тебя как?

— Константин Горлов.

— Вот мы и обзнакомились, — сказал комбриг, — а я буду Иван Григорьевич Грушко. — Они снова протянули друг другу руки, вдруг комбриг, хитро прищурясь, спросил:

— А почему Константин подписался — Павел?

К такому вопросу Костя не был подготовлен и смешался. «А вдруг он пойдет на телеграф и заберет телеграмму обратно?» Комбриг, покачав головой, сказал:

— Ну и брехун ты, Костя!

Не в состоянии посмотреть ему в глаза и, чувствуя, что заливаются краской, Костя все же спросил:

— Что я вам, Иван Григорьевич, наврал?

— Что ты наврал? Та все! И про тетю, и про вещи, — он вздохнул, — Но я, Костя, не в обиде. Вижу, дело серьезное, — понизив голос, он спросил — В Тамбове не нужно зайти до твоей тети, может, передать что нужно? Ты не стесняйся, скажи! Я зайду!

Это Костю совсем не устраивало, и он поблагодарил комбрига, заверив, что телеграммы достаточно.

Пока они разговаривали, два раза прозвучал колокол. Они подбежали к вагону, когда поезд уже тронулся. Комбриг вскочил на подножку. Костя сдернул кепку и долго махал ею вслед своему спасителю.

* * *

Было уже около семи утра. Пока чекисты в Тамбове получают телеграмму и передадут распоряжение ближайшему истребительному отряду, а отряд прибудет сюда, пройдет часа четыре, а то и пять.

Умывшись у водокачки и счистив, насколько это было возможно, грязь с одежды, Костя немного успокоился.

Только теперь он почувствовал, как устал. Усевшись на скамейку в небольшом привокзальном скверике, он привалился к спинке и незаметно для себя уснул, и ему приснилось, что Бардин сидит за столом, сердито выговаривая ему: «Заварил, палка-махалка, кашу. Вот и расхлебывай!». Потом появился комбриг и говорит: «Как тебе не стыдно врать, а?» — «Не вру, не вру», — плачет Костя, а телеграфист из окошка подтверждает: «Не врет парень! Он выполняет задание Бардина». А комбриг спрашивает: «Это кто такой?». Костя машет «памяткой» и сердито объясняет: «Это тот самый Бардин, который учит, что на десять затруднений надо иметь двенадцать

выходов из положения!». Вдруг подбежали два человека во френчах с пистолетами и стали толкать его, приговаривая: «Не подглядывай! Не подглядывай!».

Проснулся Костя оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Перед ним стоял высокий, худощавый мужчина в белой до колен рубашке, синем картузе с заплечной котомкой, из нее торчало топориче. Поодаль стояли еще пять человек с такими же котомками и мешками. Двое из них держали под мышками завернутые в ряднину двуручные пилы. Все были обуты в лапти, а кожаные сапоги, связанные веревочкой, перекинуты через плечо.

«Плотницкая артель, — подумал Костя. — Много таких ходит из села в село», — и хотел было огрызнуться, мол, чего пристали? Но плотник, продолжая трясти его плечо, приговаривал: «Вставай, вставай, парень! Солнце уже высоко!».

К ним подошел другой и, наклонившись, тихо спросил Костю:

— Как дела-делишки, курносый?

Все еще борясь со сном, Костя смотрел на людей в белых рубахах, потом перевел взгляд на часы. Было без четверти десять. Только сейчас до Кости дошло — ведь это пароль! А плотники — чекисты-истребители. Сон как рукой сняло. Он вскочил и назвал свой отзыв:

— Какой я курносый? У меня нос прямой!

Чекисты, стоявшие в стороне, подошли поближе, расселись на скамейке, достали из мешков хлеб, лук, крутые яйца, сало и, что очень удивило Костю, две бутылки водки.

— Закуси с нами, «прямоносый», — гостеприимно придвинул еду один из «плотников». Отказываться Костя не стал и приналег на угощение. А чекисты беззлобно посмеивались над его аппетитом.

— Силен парень на еду и сон! Поезда не слышал! Его, ребята, можно было погрузить в вагон и отправить в Тамбов! — шутили они.

— Только вздремнул... Шел всю ночь до станции, — стал оправдываться Костя. Но чекист, которого товарищи уважительно называли «старшой» или Степаныч, оборвал его оправдания и спросил:

— Почему хромаешь?

— Ушиб ногу в лесу. Темно...

— Идти сможешь?

— Дойду! — уверенно ответил Костя, хотя раненая нога сильно побаливала.

— Добре, коли так! — Он сел рядом и стал расспрашивать об Антоновском логове. Когда Костя сказал, где и у кого они скрываются, чекист заметил:

— Надо было нам доехать до Обловки. Оттуда до Шибряя рукой подать...

— Нельзя, — возразил Костя. — От станции до села открытое поле. Незаметно не подойти. Зато с другой стороны лес подходит к самым огородам Касатоновой.

— Точно? — переспросил чекист.

— Не зря же я каждый день бегал в Шибряй, — обиженно буркнул Костя. — Все тропки-дорожки вокруг Шибряя разведаль.

— Жаль времени и ног, — вздохнул начальник. — Придется сделать большой крюк и обходить Шибряй лесом. Ты, — обратился он к Косте, — пойдешь с нами, покажешь подходы к дому Касатоновой, — и заторопил «плотников» — Давайте заканчивайте еду! Допивайте вино и дайте парню хлебнуть для храбрости. Тихон протянул Косте бутылку:

— Допивай, парень, да и в путь.

Костя в ужасе отшатнулся от бутылки:

— Не пью я, никогда не пил!

— Давай пей, — громко приказал Тихон и тихо добавил: — Пей, а то на тебя во-он там какой-то тип посматривает с подозрением.

Костя взял бутылку и, заранее сморщившись, хлебнул... чистойшей воды. Допив все, что оставалось в бутылке, он закусил кусочком хлеба.

— Пошли, ребята! — скомандовал Степаныч. — И дайте парню что-либо нести, а то у него вид дачника.

По тому, как он распоряжался, Костя понял, что это начальник группы. Косте дали довольно тяжелую котомку.

— Донесешь? Не тяжело? — спросил начальник. — Путь не близкий, до Альшанки десять верст.

— А разве мы идем в Альшанку? — спросил Костя.

— Все в порядке! Идем куда надо! Не заблудимся! — ответил чекист.

Когда они вышли из поселка и зашагали полевой дорогой, их нагнала запряженная парой телега. Возница, пожилой, степенный мужик, поздоровался и поинтересовался:

— Куда путь держите, плотнички?

— В Альшанку, — ответил начальник.

— По пути, значит, — заметил мужик, — могу подвезти!

— Что возьмешь?

Мужик придержал лошадей, сдвинул картуз на нос, пожал плечами:

— Дык мы не извозчики, сколько с вас возьмешь? Рублевку дадите?

Договорились по гривеннику с человека. Начальник достал кошелек и уплатил.

— Вот тебе, дядя, чтоб не сомневался! Мы люди честные, рабочие!

Дядька, не ожидавший получить деньги вперед, смутился и развел руками:

— Я и не сумлевался! Вижу, народ работный! — И стал спрашивать, к кому в Альшанку они идут. Кто-то из чекистов сказал, мол, слышали, что в Альшанке несколько дворов погорело и что хозяева хотят строиться, вот и приехали из Ржаксы.

Услыхав это, Костя понял, почему так быстро прибыли истребители. Ржакса была всего в тридцати верстах отсюда. Но зачем группа отправляется в Альшанку, это он понять не мог.

— Правильно сделали, что едете в Альшанку, — подтвердил возница. — В Альшанке много погорельцев, еще с тех пор, как мамонтовские казаки да Сашки Антонова дружки тут баламутили.

— А сейчас спокойно? Никто не баламутит? — спросил начальник.

— Нет! Теперь здесь насквозь тихо! Про Антонова и слуху нет. Говорят, что он убежал до турок, а кто говорит, что убитый и он и брательник его младший, Димка. Разное народ говорит! — Словоохотливого возницу было не остановить.

Добрых часа два они ехали лесной дорогой.

Поравнялись с покосившимся крестом, от которого уходила направо, в глубь леса узкая тропка. Возница снял картуз, перекрестился.

— Тут антоновцы порешили пятерых красноармейцев, успокой их души, господи, и накажи злодеев!

Чекисты, сняв картузы, закрестились. Перекрестился и Костя.

— Тропа эта ведет в Нижний Шибряй, — сообщил возница. — До него отсель три версты.

Чекисты проехали еще с полверсты и выехали на зеленую полянку. Пересекая ее, протекал ручеек.

— Стой, дядя! — приказал начальник. — Дальше не поедем! Отдохнем здесь, закусим маненько, умоемся и потихоньку дойдем до Альшанки. Ты езжай, спасибо тебе, что довез! Деньги назад не потребуем. Езжай!

Дядька подхлестнул лошадей, и телега скрылась за деревьями.

— Эх! — мечтательно вздохнул один из чекистов. — Сейчас бы в баньку, а потом... крошки холодненькой!

— Баньку я тебе гарантирую! — серьезно сказал начальник. — Будет тебе банька, горячая, с веничком, а насчет крошки... — Он молча прошел несколько шагов, остановился и строго посоветовал: — Смотри в оба, как бы из тебя самого братцы не сделали крошку! — и добавил: — Это ко всем относится. Поменьше высывайтесь! Антоновы — стрелки первоклассные.

Чекисты вернулись к тропе на Шибряй и цепочкой зашагали по лесу. В пути начальник наметил такой план:

— Подходим лесом к самой опушке. Оттуда ведем наблюдение за селом, намечаем подходы к дому Касатоновой, если его видно с опушки. — Он вопросительно посмотрел на Костю.

— С опушки очень хорошо видно все село и часть дороги в Уварово.

— Сможешь нарисовать план той части села, где дом Касатоновой?

Костя кивнул головой, а начальник протянул ему блокнот. Для Кости это была нетрудная задача. Нарисовав лесную опушку и нужный район, он проставил примерное расстояние от дома Касатоновой до леса и указал тропы через огороды в лес.

— Молодец, Костя! — похвалил его начальник. — Не зря хлеб ешь! Вот только умываться следует почаще. Где это ты так извозился?

Костя рассказал.

— Хорошо еще, что не попал волкам на закуску, — сказал один из чекистов, — я эти края хорошо знаю. Волков здесь пропасть.

Чекисты всю дорогу сокрушались, что получили так поздно телеграмму.

— Пришла бы она ночью, и было бы уже все кончено, — говорили они.

— Пошли бы напрямик на Шибряй, а то меси грязь. Добро еще, что верст десять прокатились.

Начальник высказал опасение, как бы «братья-разбойники» не ушли в лес.

Чувствуя свою вину, Костя чистосердечно признался, из-за чего произошла задержка телеграммы.

— Где же ты достал денег? — сердито спросил начальник.

Костя рассказал о комбриге.

— Сказал ему, для чего?

— Нет! Да он и не спрашивал.

— Эх ты! Разведчик с мокрым карманом! — укоризненно сострил чекист Тихон. — Хорошо, если бы только потерял деньги. Время потеряно, а из-за этого могут уйти или уже ушли Антоновы. Что тогда?

Начальник хмурился и молчал. Молчал и Костя, понимая, что оправдываться не имеет права.

— Ну что ж, — подытожил начальник, — потерянного не воротишь! Назад не повернешь! Придется на месте еще разок проверить. Пошли!

Неторопливым ходом они приблизились к опушке леса. Не выходя из густых кустов орешника и клецины, Костя показал чекистам видимую отсюда часть усадьбы Касатоновой и примыкающий к ней справа чей-то кулацкий двор, обнесенный со всех сторон высоким забором, из-за которого виднелись верхушки деревьев и крыша дома.

Между опушкой и усадьбой Касатоновой тянулись огороды. Хорошо были видны грядки капусты, картофеля, плети начавших желтеть тыкв и две полосы высоких подсолнечников. Левее огородов, шагах в пятидесяти, начинались густые, выше человеческого роста конопляники, широкой полосой доходившие до леса.

Начальник долго просматривал усадьбу Касатоновой, задавал Косте вопросы о подходах к дому со стороны улицы.

— Ну что ж, товарищи, отсюда и начнем! — Он указал каждому чекисту его место и задачу, назначил сигналы. — Давайте, товарищи, готовьтесь!

Чекисты надели сапоги, из котомок были вынуты пистолеты, ручные гранаты и патроны. Вместе с продольными пилами были замотаны карабины.

— Мы с тобой, Гриша, — обратился начальник к самому рослому, богатырского сложения чекисту, — пойдём с улицы. Назовемся хозяйке работниками финотдела, пришли, мол, для проверки налога на имущество. Если не впустит в дом, — значит, «братцы» на месте. Спросим: кто в доме? Начнет она что-нибудь крутить, тут и начнем осаду. Предложим сдаваться, только это не такие ребята, чтоб взять их на испуг. Может, придется шумнуть гранатой и чуток попортить хозяйкин дом. Огонь, товарищи, открывать только по видимой цели, а то в этой тесноте своих побьем. Вообще, старайтесь не стрелять в сторону деревни и сами поменьше высовывайтесь! Особенно ты, Гриша, если придется гранату кидать. В тебя ведь и слепой попадет! — начальник хлопнул Гришу по груди. — Эвона какой вымахал!

Гриша только повел своими могучими плечами.

— Скажете же такое, Степаныч! Да разве я их подпущу, чтоб в меня попасть?

Чекист по имени Павел получил приказание идти за начальником и Гришей, но во двор не заходить, прикрывать их со стороны улицы и вступать в бой там, где этого потребует обстановка.

— Все ясно, товарищи?

— Ясно, ясно! — отозвались чекисты.

— И еще, если меня... словом, если я выйду из строя, старшим назначаю Павла, а случись и он не сможет командовать, операцию доведет до конца Тихон. Самое главное, товарищи, все нужно закончить в светлое время.

— А я? Что мне делать? — спросил Костя.

— Тебе? Ты свое дело сделал. Спасибо! — поблагодарил начальник. — Мы тут управимся сами. Сейчас обойди село лесом и отправляйся домой. Передай Бардину, чтоб ждал дальнейших указаний. Если завтра станет известно о ликвидации «братцев»,

сворачивайте свое жестяное заведение и приезжайте в Тамбов. Будь здоров!

Чекисты скрылись в кустах. Им предстояло попасть в село со стороны выгона. Костя пошел в противоположную сторону, чтоб обойти Шибряй подальше, полевой дорогой.

Когда он вышел из леса, где-то в деревне стучали топоры, мычала корова. Но все звуки заглушало сердце. Косте казалось, оно стучало так громко, что его слышно в доме Касатоновой. Он не мог справиться со своим волнением. А волноваться было из-за чего. «Вдруг, — думал он, — в доме Антоновых не окажется или они ушли ночью. Тогда полностью виноват я, опоздал с телеграммой. — Об этом даже думать было страшно. — А может, мы с Бардиным ошиблись и бандиты совсем не приходили! — Эту мысль он тотчас прогнал. — Нет! Все было правильно. Бардин не мог ошибиться! Только бы скорее!..» А время тянулось очень медленно. Костя ушел уже далеко от села, когда услышал два выстрела.

«Началось», — подумал он. От волнения и усталости у него подкашивались ноги. Он присел на межу и стал прислушиваться. Сейчас стреляли непрерывно. Через короткое время выстрелы прекратились.

«Что там? Ушли Антоновы или их взяли? — думал Костя. — Взяли! Не могли они вырваться из такого кольца! Если бы вырвались, то их бы преследовали и тогда стрельба доносилась бы издалека. Нет, взяли!» — решил Костя, приободрился и зашагал в Боброво...

Солнце уже село, когда Костя едва добрался до дома.

Кирилл Митрофанович, не перебивая его, выслушал подробный рассказ о Костиных злоключениях. Он не сомневался в том, что Антоновых взяли.

— Не могли они уйти! — ободрял он Костю. — Завтра утром сходишь в Шибряй. Отнесешь ведро и миску. Все, как было, тебе выложат. Только бы никто из наших ребят не пострадал... А сейчас поешь и спать.

Уговаривать Костю не пришлось. Через десяток минут он уже крепко спал. А Бардин не смог уснуть до утра. «Все ли прошло благополучно? Не пострадал ли кто из чекистов?» Уверенность сменялась сомнениями. Он готов был ночью бежать в Шибряй, но это значило бы провалить хорошо замаскированную профессию

«жестянщика». «Может быть, ее придется еще где-то вспомнить», — думал Бардин, ворочаясь с боку на бок.

Утром Костя, забрав чиненую посуду, отправился в Шибряй.

— Поспрашивай там о вчерашнем дне, только не очень настойчиво. Поговори с Колькой, не забудь отдать ему рубль.

— А если Антоновых взяли или они...

— Ну что ж! Все равно отдай. Слово дал, на церковь крестился, землю ел... да и Колька не обещал привести тебя и познакомить с «братцами». Иди! Если встретишь кого из чекистов, не подходи.

Костя, волнуясь, переправился через Шибряйку, и первый, кого он встретил, был один из ребят, заядлый игрок в «бабки». Еще издали он закричал:

— Знаешь, что вчера тут было!

— Откуда ж мне знать? — невозмутимо ответил Костя.

— Страсти! Стрельба! Обоих Антоновых убили, — сыпал парнишка, — понаехало военных, милиции, обложили все село, потом, значит, пришли к Наташке Касатоновой, а там оба сидят, чай гоняют, — парень перевел дух и продолжал: — Ну и началась стрельба.

Антоновы кинулись через окна на огороды, а там стреляют, они метнулись к лесу, через конопляники, тут их смерть и нашла, — и неожиданно закончил рассказ: — Ты играть на выгон придешь?

— Приду! — заверил Костя. — Мне Кочана надо повидать, долг отдать.

В селе взрослые подтвердили рассказ. Говорили, что Антоновы ранили или убили двух милиционеров.

— А может, то и не милиционеры, — сказала Косте знакомая мельничиха. — Были они одеты в крестьянское. Только видать, что власть. Взяли в сельсовете три подводы под убитых и поехали утречком на станцию к тамбовскому поезду. Вот вернутся наши мужики, все узнаем.

Костя отдал починенную посуду, нашел Кочана и вручил ему рубль.

Кочан взял деньги, смущенно засопел.

— Ты, Костя, мне друг навечно! Только, только... видишь, как вышло... Не смог ты поглядеть атаманов... Выходит, что я слово не сдержал! Может, рубля мне много?

— А чем ты виноват? Убили бандитов, туда им и дорога!

Костя пошел медленно домой. Возле усадьбы Касатоновой стояли и судачили женщины. Калитка была раскрыта настежь, но во двор никто не заходил. Стекла в окнах со стороны огородов выбиты, одна ставня сорвана. Костя не стал задерживаться. Выйдя из села, помчался в Боброво.

Бардин, выслушав Костю, обнял его:

— Ну спасибо! Ведь тут твой нелегкий труд. Интересно, кого они могли зацепить из наших. Теперь об этом узнаем в Тамбове. А может, и никого. Взяли подводы под убитых, а на двух поехали сами. Теперь надо достать подводу нам и укладываться.

Вечером они выехали в Тамбов.

В приемной начальника Тамбовского ГПУ Бардина с Костей встретили веселыми возгласами, шутками, заказами на лужение посуды.

Они прошли в кабинет. Начальник ГПУ обнял Бардина, потом стиснул Костю.

— Ну, дорогие, спасибо! Великое вам спасибо! И от нас и от всей Тамбовщины...

— Кто пострадал во время операции? — перебил его Бардин.

— Никто. Оцарапало пулей плечо одному оперативнику. Залили йодом.

В кабинет вошел «плотник», которого звали «старшой».

— Вот он может рассказать все подробно, как шла операция.

«Старшой» пожал руку Бардину, взлохматил Костины волосы.

— Молодец! Спасибо тебе за объяснения. Вышли мы точно к усадьбе. Зашел с одним человеком во двор. Постучали. Никто не отвечает. Подергали дверь, заперта изнутри. Тут подошла хозяйка с крынкой молока. Спрашиваю: «Кто в доме?». Она отвечает: «Никого». — «А почему дверь заперта? Откройте!» Она заплакала, говорит: «Какие-то двое, незнакомые, зашли. Попросили молочка напиться, вот несу...» Говорю: «Мы из гпэу, постучите и скажите, чтоб открыли!» Она еще пуще в слезы. Тогда я велел ей отойти в сторону. Сам подошел к двери. Дверь приоткрылась — и бац! бац! — хорошо, что я стоял за притолокой. Тут товарищ, стоявший на улице, стал стрелять по двери. Мы отбежали в глубь двора к сараю, а в это время из окон выскочили двое и, стреляя, бросились через двор к

конопляникам. Группа встретила их выстрелами со всех сторон. Бандиты добежали до изгороди, вот-вот уйдут в коноплю, а за ней лес.

У самой изгороди упал один и тут же другой. Мы перестали стрелять. Подождали. Потом осторожно подошли. Антоновы оба мертвые. Вооружены были до зубов: по маузеру, кольту, да еще в карманах «лимонки». Ну, вот и все. Позвали население для опознания

убитых. Переночевали в селе, а к утреннему поезду — в Тамбов. Мы в вагоне, а Антоновы в рогожах в багажном.

— А что с Касатоновой? — спросил Костя.

— Ее арестовали как укрывательницу бандитов. Сидит в изоляторе. Знаком был с ней? — спросил он Костю.

— Приятели, — ответил Бардин, — в гости к ней ходил, щами она его кормила.

— Ну брат, — пошутил начальник ГПУ, — пожалуй, и тебя надо под следствие. Шучу, шучу, — успокоил он смутившегося Костю. — Что ж, товарищи. Подведем итоги. Братья Антоновы уничтожены. Операцию будем считать законченной. Ты, Кирилл Митрофанович, с Костей можете ехать домой. Твои подробные донесения я приложил к рапорту Феликсу Эдмундовичу. Еще раз спасибо вам, товарищи.

Как и предполагал Бардин, через два дня они были дома.

* * *

— Ну, теперь, Костик, будем отдыхать, — заявил на второй день после приезда Бардин. — Разбери только вот эти дела, — он дал Косте две увесистые папки, — а я денька два займусь с Яном Вольдемаровичем, а потом подумаем, что нам делать.

Через день, во время обеда, он спросил Костю:

— А не прокатиться нам, товарищ Горлов, на недельку в Гонки?

— Зачем? — спросил Костя. — Опять банда?

— Почему банда? — удивился Бардин. — У тебя после Тамбова одни бандиты на уме. Устал я! Да и ты не меньше. Вчера Ян Вольдемарович смотрел, смотрел на меня, потом спросил: «Устал, Кирилл?» — «Немного, — говорю, — устал!» — «Вот и отдохнуть надо немного! Хотя бы неделю, но так, чтоб никаких служебных разговоров, бандитов и телефонных звонков. Только свежий воздух, солнце и хорошее питание три раза в день. Я ведь знаю, как ты здесь питаешься. Наспех, а вечерами всухомятку».

Попробовал я отшутиться, говорю, обедаю всегда плотно, а вместо ужина можно хорошо выспаться!

«Этот рецепт, — говорит он, — я слышал в цирке, давали такие советы клоуны Бим-Бом. Словом, не будем переливать из пустого в порожнее. Бери Костю Горлова и уезжайте на неделю. Чтоб с завтрашнего дня я вас в управлении не видел! Рекомендую прокатиться в Гонки. Недалеко, всего тридцать верст, река, песчаный берег, а главное, в селе хороший заезжий двор и кооперативная столовая».

Что ж! Давай завтра к обеду махнем. Пойдешь завтра с утра в эскадрон, пусть дадут тебе одноконную бричку, ту, что захватили у банды, она на хороших рессорах. Коняку пошустрей, попону и пуда полтора-два овса. Доволен?

Еще бы не быть довольным! До конца дня Костя привел в порядок свое «чистописание», спрятал в шкаф разложенные на столе папки, а в эскадрон направился утром.

Передав распоряжение Бардина комэску, Костя осмотрел бричку, выделенную им лошадь, сбрую и получил мешок овса. В полдень они с Кириллом Митрофановичем выехали в Гонки.

* * *

Стояла теплая сентябрьская погода. Сады в Гонках ломились от фруктов, на окрестных бахчах лежали невероятной величины арбузы, золотились дыни. До этого времени Костя не видел такого изобилия плодов и уж во всяком случае не ел столько, сколько они с Бардиным съедали ежедневно. Неделя прошла совсем незаметно.

Они отдохнули и отоспались, как сказал Бардин: «На полгода вперед».

Кирилл Митрофанович повеселел. Снова стал напевать или насвистывать песенку «Шарабан», что всегда сопровождало его хорошее настроение. Был там такой припев:

Ах, шарабан, мой шарабан!
Колчак — правитель-шарлатан...

В дни неудач или каких-нибудь неприятностей он обычно ходил по кабинету, мурлыча себе под нос:

...Впереди скромный гроб,
Позади черный поп!..

Костя уже знал, что в это время к нему с вопросами лучше не обращаться. Ответ был известен заранее: «Думать надо, не маленький!» или «Почитай памятку!». Правда, там насчет вопросов не было ничего сказано, но, очевидно, Кирилл Митрофанович имел в виду совет: «Прежде чем говорить, надо подумать!». Случалось и такое. Он поет-поет про «гроб — поп», потом подойдет, ответит на Костин вопрос и добавит: «Ты, палка-махалка, извини, что сразу не ответил. Думал о другом... Ты не сердись!».

Время шло, и Костя совсем забыл, что срок их отпуска кончается. Вечером, как обычно, они сходили на реку, поплавали, а потом, лежа на теплом песке, Бардин потянулся, вздохнул.

— Эх! Коротка неделя. Нам ведь завтра домой. Давай по такому случаю последний разок выкупаемся, а на зорьке покатаем домой.

* * *

Костя отвез Бардина в Управление, сдал в эскадроне бричку и лошадь, а когда пришел на работу, узнал новость.

Кирилла Митрофановича и его вызывали в Москву. Зачем, в вызове не сообщалось, а только указывалось: «...прибыть 5 октября к 12 часам». До срока оставалось три дня, и на следующий день они выехали. В пути Бардин пугал Костю:

— Ну, готовься! Вмажут нам за Антоновых по первое число! — И загадочно улыбался. Видимо, он знал, зачем их вызвали. Только когда уже начались пригороды Москвы, он сказал:

— Не дрейфь, палка-махалка! Будут нас награждать, а раз вызывают в Москву, то, наверное, к Феликсу Эдмундовичу или к Менжинскому.

После этого сообщения Костя заволновался, а когда поезд остановился у перрона Курского вокзала — заробел. «Шутка сказать, к самому Дзержинскому! А вдруг он посмотрит на меня и скажет: „Что это за шкет? Почему держите такого на службе в ГПУ? Уволить!“ Не надо было мне ехать, — думал Костя. — Если нас будут награждать, то зачем для этого ехать в Москву? Награду смог бы выдать на месте начальник Тамбовского ГПУ или наш Ян Вольдемарович. Так ведь было несколько раз. Собирали всех сотрудников, Ян Вольдемарович говорил речь и вручал награды: оружие с надписью, грамоты, часы, а чаще всего кожаные костюмы. Потом оркестр играл туш, и все шли в столовую на торжественный ужин или обед, вся торжественность которого заключалась в добавлении к обычному рациону компота или чая с сахаром внакладку».

В Москве Костя был первый раз. После тихого украинского города его оглушил московский шум, дребезг трамваев, крики мальчишек, торговавших папиросами на площади перед вокзалом, и зазывания извозчиков: «Пожалуйста! Прокачу на рысак!».

Кирилл Митрофанович сел в близстоявшую пролетку и назвал адрес:

— Лубянка, гэпэу!

— Это туда, где два мужика над дверью?^[30] — спросил извозчик.

— Туда, туда!

— С вас рублик.

— Вези, вези, потом считать будем! — оборвал его Бардин. — Не обидим!

«Рысак» московского извозчика затрусил мелкой рысцой по узким улицам. Костю удивило обилие церквей, больших магазинов, мелких лавчонок в подъездах домов, разносчиков с лотками, торговавших различными товарами, выкрикивавших их цены и добротность. Он невнимательно слушал, что рассказывал Кирилл Митрофанович о каких-то домах, мимо которых они проезжали. Мысли его были заняты предстоящей встречей с Дзержинским. Он никак не мог представить, «о чем он будет со мной говорить, о чем спросит? Как ему отвечать? Называть ли его по имени-отчеству или товарищ Дзержинский?». Пока Костя собирался спросить об этом Кирилла Митрофановича, экипаж пересек широкую площадь с фонтаном посередине и свернул к большому зданию, около которого стояли два автомобиля.

— Приехали, — сказал Бардин и расплатился с извозчиком.

Они получили пропуски и прошли в другой подъезд. Здесь Бардин на каждом шагу встречал знакомых. Они хлопали друг друга по плечам, обменивались шутливыми прозвищами.

В приемную Дзержинского они попали за десять минут до срока. Здесь уже находились «тамбовские плотники» и начальник Тамбовского ГПУ.

— Как дела, курносый? — обратился к нему «старшой», но Костя не успел ответить: их пригласили к Феликсу Эдмундовичу.

Когда открылась дверь в кабинет, Феликс Эдмундович стоял лицом к вошедшим у большого письменного стола. На столе часы, чернильный прибор, телефон. Позади на стене портрет Карла Маркса. Чуть в стороне маленький столик, за ним сидели двое мужчин в военной форме. На столике маузер в деревянной кобуре, какие-то папки и несколько небольших картонных коробочек. От двери до письменного стола широкая ковровая дорожка. Феликс Эдмундович, приветливо улыбаясь, пошел навстречу. Здороваясь с Кириллом Митрофановичем, спросил:

— А где борода?

— Сбрил, Феликс Эдмундович. Мешала! — вздохнул Бардин.

— Жаль, жаль! — посетовал Дзержинский.

Пока происходил этот разговор, Костя, не скрывая своего любопытства, рассматривал «первого и главного чекиста». Был он мало похож на известные ему газетные фотографии. Встретив его на улице, пожалуй бы, не узнал. Высок ростом, сухощав. Волосы чуть рыжеватые, зачесанные назад, большой выпуклый лоб, реденькая бородка клинышком. Одет в солдатскую гимнастерку и темные брюки, заправленные в хорошо начищенные сапоги. Голос глуховатый с едва заметным акцентом. Глаза его Костя рассмотреть не мог. Перед ним стоял широкоплечий тамбовский чекист Гриша. Когда Феликс Эдмундович протянул руку Косте и, добродушно посмеиваясь, сказал, что «не ожидал увидеть такого малорослого чекиста», Костя смутился, опустил глаза и успел разглядеть его руку с длинными, тонкими пальцами.

— Садитесь, товарищи! — пригласил Дзержинский.

Чекисты уселись на стулья вдоль стен. Феликс Эдмундович выслушал доклад начальника Тамбовского ГПУ о ходе операции по ликвидации банды Антоновых, задал несколько вопросов, после чего

поблагодарил всех и поздравил с благополучным, а главное, быстрым завершением операции.

— Чем скорее уничтожишь ядовитую змею, тем спокойнее для окружающих, — сказал Феликс Эдмундович. — А ведь это наша основная обязанность и долг перед народом.

Он кивнул головой товарищу, сидевшему за маленьким столом, и, назвав его по имени-отчеству, сказал: «Приступим!».

Товарищ встал, прочел постановление Коллегии ОГПУ о награждении группы за отличное выполнение задания и стал называть фамилии.

Чекисты один за другим подходили к столу. Феликс Эдмундович еще раз благодарил каждого, пожимая руку, и вручал награду.

Все это виделось Косте, как в тумане. Но вот прозвучала фамилия Бардин. Кирилл Митрофанович поднялся со стула, не торопясь подошел к Феликсу Эдмундовичу и получил почетное революционное оружие — маузер. Он надел его через плечо, и только сейчас Костя заметил на его груди орден. Взволнованный, он не спускал глаз с Дзержинского и больше никого не видел и не слышал.

— Иди! Иди! Тебя вызывают! — подтолкнул Костю сидевший рядом с ним чекист.

Костя заторопился к столу.

Феликс Эдмундович подробно расспросил — сколько ему лет, учится он или только работает.

Отвечая, Костя смотрел ему в лицо и только сейчас разглядел его глаза. Были они очень внимательные и добрые, особенно когда он улыбался. Костя объяснил, что сейчас он не учится. Готовился к поступлению на рабфак, во время операции был ранен бандитами, находился в больнице и не успел к началу занятий. «А из-за меня, — добавил Костя, — опоздал к приемным экзаменам и Кирилл Митрофанович».

— Ну, это поправимо, — заметил Дзержинский. — А что собираетесь делать сейчас?

— Год поработаю, буду вести борьбу с врагами...

Феликс Эдмундович чуть нахмурился. Глаза его стали строгими, и Косте показалось, потемнели. Он закурил, помолчал и сказал:

— Знаете, Константин, чтобы умело бороться с врагами, мало одного желания, храбрости и даже геройства! Мало! Сегодня врагов с

ножом и обрезаем остались единицы. Сейчас враги стали изворотливее, хитрее. Оружие у них иное. Бороться и обезвреживать их значительно труднее, чем бандита с обрезаем. Для такой борьбы нужны знания! Нужны люди грамотные, образованные!

Протягивая Косте коробочку с наградой и пожимая руку, Феликс Эдмундович строго заметил:

— Надо учиться, Горлов! — Еще строже повторил: — Учиться! — и добавил, уже тоном приказа: — В ближайшие дни пойдете на учебу!

Только выйдя из здания ГПУ на Лубяанскую площадь, Костя раскрыл коробочку. В ней лежали серебряные часы. На их верхней крышке было выгравировано: «Константину Горлову», а ниже надпись: «За геройство, проявленное в борьбе с врагами Революции от Коллегии ОГПУ. Москва, 1922 год».

Примечания

1. Царицын — ныне Волгоград.
2. «Шош» — легкий ручной пулемет, бывший на вооружении кавалерийских частей.
3. Минзаг — минный заградитель.
4. Гардемаринские классы — так называлось в дореволюционное время училище, выпускавшее офицеров флота.
5. Унос — парная упряжка в артиллерии на конной тяге. На левой лошади каждого уноса сидит верхом ездовой.
6. Лава — развернутый, разомкнутый строй атакующей кавалерии.
7. «Буржуйка» — небольшая железная печка; трубы от нее выводили в дымоход, а иногда в форточку.
8. Тузик — маленькая, на одного гребца, двухвесельная шлюпка.
9. Советские серебряные деньги были выпущены в конце 1921 года и в описываемое время представляли редкость.
10. Легенда — биография, выдуманная для разведчика. Обычно строится на хорошо ему известных фактах и подробностях, которые могут быть проверены противником.
11. Урка — на языке уголовников — вор, налетчик.
12. Сявка — на языке уголовников — мелкий воришка-карманник.
13. Хаза — дом, место, где собираются уголовники.
14. Американские актеры, снимавшиеся в приключенческих фильмах.
15. ТОЗ — Товарищество по обработке земли.
16. Иллюзионами в то время назывались кинотеатры.
17. Шпалер — на языке уголовников — револьвер.
18. Ротмистр — воинское звание в кавалерии царской армии.
19. «Разговорами» назывались клапаны-застежки на груди шинелей и гимнастерок. Синие носили кавалеристы.
20. Наймык — батрак (укр.).
21. ЧОН — части особого назначения. Организовывались из коммунистов, рабочих и комсомольцев. Во время гражданской войны привлекались в помощь ЧК и милиции для борьбы с бандитами.
22. Окарина — изготавливается из больших морских раковин.
23. Бутылочная — ручная граната в тонком железном корпусе, имела форму небольшой бутылки.
24. Сплавина — плавучий островок, образовавшийся от налипших на корнях вывороченного пня ветках, осоки и водорослей.
25. ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
26. Офенями назывались торговцы, ездившие по деревням с различными хозяйственными и галантерейными товарами.
27. Пять вершков равны двадцати двум с половиной сантиметрам.
28. «Зелеными» называли банды дезертиров, скрывавшихся в лесах.
29. Один ромб в петлице обозначал воинское звание — комбриг, что соответствует генерал-майору.
30. Над подъездом ГПУ была скульптурная группа красноармейца и крестьянина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ГДЕ ГНЕЗДО ВОРОНА?	3
Часть вторая. ЮНГИ ЧЕКА	33
Часть третья. СЛЕДЫ ТЕРЯЛИСЬ В ЛЕСАХ	75

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Варшавер Александр Эммануилович

ПОВЕСТЬ О ЮНЫХ ЧЕКИСТАХ

Ответственный редактор
И. И. Трофимкин.
Художественный редактор
А. В. Карпов.
Технический редактор
Л. В. Куприанова.
Корректоры
Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарёва.

ИБ 5917

Сдано в набор 09.10.81. Подписано к печати 26.03.82. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 20,48. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 100 000 экз. М-34827. Заказ № 259. Цена 45 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Варшавер А. Э.

В 18 Повесть о юных чекистах/Рис. Ю. Шабанова.—Л.: Дет. лит., 1982.—112 с., ил.

В пер.: 45 коп.

Рассказ о первых годах революции, о том, как ребята — воспитанники ЧК — помогают взрослым в борьбе с контрреволюцией.

Р 2

4803010102—140

В—————261—82

М101(03)—82

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»